ГК445
К128

ПОД КРАСНЫМ ЗНАМЕНЕМ

1919 — 1925

Кавалерийский полк. 62-й.
X

ПОД КРАСНЫМ ЗНАМЕНЕМ

(1919—1925)

Исторический сборник
62-го Кавполка 1-й Особой кавбригады

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.

Издательство ВЦСПС Москва
1925

2-ой Эк

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2006

ГК445
К128

19157

Главлит № 47.211. Тираж 300.
Тип. РИО ВЦСПС, Москва, пл. им. т. Ногина, 4-й д. Союзов.

Рис. 1. Знамя 62-го Кавполка.
Награжден ВЦИК'ом за бой под мест. Грубешовым.

Вместо предисловия.

Настоящий сборник выпускается к 6-ти летию полка.

Шесть лет—период времени очень небольшой и казалось бы, что нет никакой насущной потребности в настоящем сборнике. Однако, это далеко не так. Пройдет пять-шесть лет, и самая интересная, самая лучшая часть истории полка изгладится из памяти и никому не удастся тогда пролить свет на годы борьбы и учебы одного из славных отрядов Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Неясными будут казаться молодым бойцам главнейшие эпизоды гражданской войны, на пяти фронтах которой активно решал судьбу революции родной им 62-ой кавалерийский полк. Это и неудивительно. На празднике шестилетия мы видим в своих рядах лишь одного, только одного старого бойца, честно стоящего на посту со дня формирования полка. Еще несколько месяцев, и в ранее называвшемся Сибирском полку не останется ни одного сибиряка. „Последние могикане“ уходят, полк меняется в своем составе. Тех товарищей, которые могли называться „живой историей“, скоро не будет, и вполне понятно стремление работников иметь писаную историю.

Мы должны ознакомить красноармейскую молодежь с теми боями, которыми „старики“ добыли возможность передышки, учебы; мы обязаны рас-

сказать смене, какие трудности пришлось испытать и перенести в борьбе; наше дело—ознакомить бойцов со всеми традициями славного полка. И в этом отношении наш сборник окажет и долго будет оказывать нам и впредь неоценимые услуги.

Пусть наш сборник не блещет внешностью,— этого мы и не добивались. Мы поставили себе задачей собрать весь ценный, подлинно-красноармейский, отражающий жизнь полка и различные этапы его, материал и издать отдельной книгой. Охотно допускаем, что в выпускаемом сборнике много погрешностей в отношении языка, но должны отметить, что фактических ошибок в нем нет. Здесь—полк за шесть лет, со всеми его светлыми и теневыми сторонами. Эту полноту, и только ее имели в виду составители сборника.

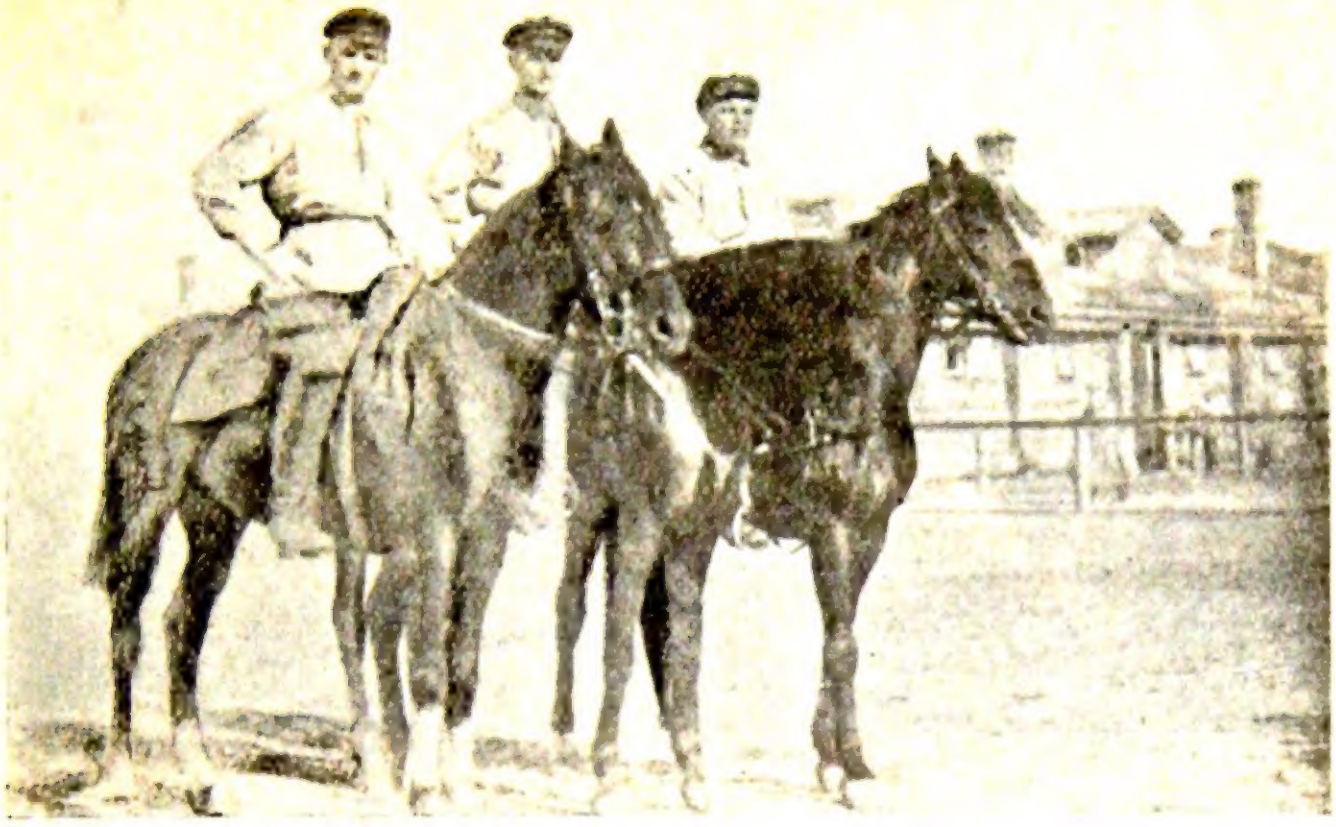

Рис. 2. Группа Краснознаменцев 62-го Кавполка, награжденных орденом Красного Знамени.

Рис. 3. Командование 62-го Кавполка.
Слева направо: помкомполка по хозчасти т. Ромашков, комполка т. Камский, военком т. Кудрявцев, начклуба т. Михайлов, вридпомкомполка по строевой т. Брюханов.

Рис. 4. Группа бывших бойцов полка, ныне демобилизованных и находящихся в ст. Старовеличковской, Кубанской области.

Рис. 5. Старые бойцы 62 Кавполка: слева т. Рябкин, справа т. Воронин, ответств. секретарь бюро РКП (б).

Рис. 6. Самый старый боец 62 Кавполка т. Сметанин.

К шестилетию родного полка.

Командиру 62-го кавполка 1-ой Особой кавбригады.

В день праздника шестилетнего существования нашего любимого 62-го кавалерийского полка, мы, демобилизованные красноармейцы, из станицы Старовеличковской, Кубанской области, шлем свой горячий привет командному, комиссарскому и красноармейскому составу полка, горячо приветствуем новых, вновь поступивших в наш полк, товарищей-красноармейцев и надеемся, что знамя, честь и слава полка, его беззаветная преданность делу рабочих и крестьян всего мира будет та же. Мы в этом уверены. Мы верим нашим любимым друзьям-командирам, знаем, что их опыт, их уменье, их зажигающие сердце слова будут воодушевлять, сковывать в один железный, несокрушимый кулак, чтобы в один удачный момент разбить навеки рыло издыхающего капитала.

Мы, если это будет нужно, в любой момент можем вновь вступить в свой любимый 62-й кавалерийский полк, и так, как и раньше, не щадя своей жизни, пойдем на защиту угнетенных и обездоленных всего мира.

Пусть живет и здравствует 62-ой кавполк, его командиры и красноармейцы!

Да здравствует всемирная гражданская война, война против капитала, соглашателей, попов и прочей крахмальной сволочи!

Демобилизованные красноармейцы 62-го кавалерийского полка:

Верестенко, Сердюков, Пятаков, Соседов, Курдюков, Воскресенский, Горобец, Золотов, Соломин, Корсунов, Сизов, Четвериков, Брызгалов, Алехин, Колпаков, Рогожа, Жабинский, Тришкавцов, Ковальчук, Москалев, Тюрин, Годун, Крюков, Астафьев, Корешок, Гаврилов, Волков, Валуйский, Солодов, Полубедов, Каркачев, Белоусов, Ворунов и Загородний.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПОЛКА

Общий обзор.

Период формирования.

В дни ожесточенной гражданской войны. приказом по Казанскому Губернскому Военному Комиссариату от 18 ноября 1918 г., из отдельных партизанских отрядов в г. Казани было приступлено к формированию 1-го запасного кавалерийского полка 4-х эскадронного состава, — при 5-ой армии Восточного фронта. Формирование происходило в „мирной" обстановке и продолжалось вплоть до 1-го января 1919 года. 1-го февраля того же года, согласно приказа Казанского Губернского Военного Комиссариата, 1-й запасный кавалерийский полк был переформирован в Отдельный Кавалерийский дивизион 2-ой бригады 5-ой стрелковой дивизии. За время своего существования отдельный кавдивизион выделил из своего состава на Восточный фронт 1-ый и 2-ой эскадроны. 8-го мая 1919 года отдельный кавдивизион — весь, вместе с 5-ой стрелковой дивизией, выступил на Восточный фронт по железной дороге, где и выгрузился на ст. Кукмор, не доезжая 9 верст до ст. Вятские Поляны. 21-го мая отдельный кавдивизион получает предписание от командующего 2-ой армией Восточного фронта т Шорина о переходе дивизиона в состав 21-ой стрелковой дивизии для формирования при ней кавалерийского полка. По получении этого предписания отдельный кавдивизион с 21 го мая по 23-е мая 1919 года переходит походным порядком из дер. Кукмор в с. Калинино, Малмыжского уезда, Вятской губ., где тогда был расположен штаб 21-ой стрелковой дивизии.

25-го мая 1919 года, на основании телеграммы командующего 2-ой армией за № 959, с. и приказа по войскам 2-ой армии за № 310, об'явленным в приказе по 21-ой

стрелковой дивизии за № 503 § 2—отдельный кавалерийский дивизион 5-ой стрелковой дивизии в этом же селе Калинино из штаба отдельного кавдивизиона 5-ой стрелковой дивизии, с хозчастью, дивобозом и отдельных кавэскадронов, находящихся при 21-ой стрелковой дивизии — командиром полка т. Екимовым, Г. М., под руководством начдива 21-ой стрелковой див. Овчинникова, переформировывается уже в боевой обстановке в 21-ый кавалерийский полк 4-х эскадронного состава, при пулеметном взводе и 4-х пулеметах, и продолжает оставаться в составе 21-ой стрелковой дивизии отдельным конным полком. 13 июня 1919 года формирование полка было закончено, а на следующий день, т. е. 14 го июня 1919 года, полк, в составе своей стрелковой дивизии, имел первое столкновение с противником на реке Вятке, около города Малмыжа...

Это был первый бой, принятый 21-ым кавполком, ныне 62-ым Кавалерийским.

Операции на Восточном фронте.

21-ый кавполк принимал участие в боях на Восточном фронте неоднократно: взял город Оханск, захватив крупные трофеи; принял участие в ряде крупных боев под г. г. Малмыжем, Кунгуром, Екатеринбургом и другими, менее значительными пунктами. С 14 июня по 23 августа 1919 г. наступление Колчака было не только остановлено, но и опрокинуто с большими поражениями его лучших частей. С 24 августа 21-ый кавполк, согласно приказа по 2-ой стрелковой дивизии, по жел. дор. перешел сперва в Рязанскую губернию, а потом — в Тульскую — на стоянку, где и отдыхал вплоть до 16 октября 1919 года.

Операции на Петроградском фронте.

16 октября 1919 года полк грузится в вагоны и отправляется на Петроградский фронт. С 20 октября по 26 ноября 21-ый кавполк находится на позиции в группе т. Одинцова, принимая участие в обороне Петрограда от войск ген. Юденича. За этот период, как более важные, следует отметить три боя — царско-сельский и два ямбургских. По прибытии

к вечеру 20 октября на ст. Царское Село и выгрузившись из вагонов, полк был немедленно брошен в бой на стремительно наседавшего противника. Однако, отчаянные усилия сибиряков-кавалеристов не дали положительных результатов, и полку пришлось отступить. Бои ямбургский первый и второй, непосредственно следующие один за другим, были не менее, если не более упорными. Разыгрались они на берегу реки Луги под гор. Ямбургом. Первый окончился вничью, а второй — полным разгромом противника, уничтожением знаменитых ударных 1-го и 2-го Талабских полков Юденича и взятием города. Склады с обмундированием, склады с боевыми припасами, интендантство — были трофеями 21-го кавполка. 26-го ноября полк перебрасывается на Южный фронт против добрармии Деникина — от ст. Гатчино до гор. Балашова по железной дороге.

Операции на Южном фронте.

Полк выгружается в г. Балашове, переходит в с Борки, что в 23 верстах от Балашова, и отдыхает 12 суток, после чего снова погружается в вагоны для следования до г. Новочеркасска, где в то время имел местопребывание штаб 21-ой стрелковой дивизии. Но тут произошла небольшая проволочка. Всем известно, в каком состоянии находился в то время наш железнодорожный транспорт, и в результате полк выгружается не в Новочеркасске, а около гор. Новохоперска, откуда и следует походным порядком на соединение со своей дивизией по направлению на Новочеркасск. После непродолжительного отдыха в Новочеркасске 21-ый кавполк, в составе 21-ой стрелковой дивизии, в начале января 1920 года выступает на фронт. День за днем, шаг за шагом неизменно стремясь к намеченной цели, с боем проходит он Донскую и Кубанскую области, преследуя Деникина до самого момента его погрузки в Новороссийске Берет два больших города - Екатеринодар и Новороссийск — и множество станиц. Самым замечательным из всех боев, данных 21-ым кавполком на Южном фронте противнику, следует признать Екатеринодарский бой, отличившийся взятием этого города и окончательным разгромом добровольческой армии. Преследуя оборонявшегося и упорно защи-

щавшегося протианика, часть 21-ой стрелковой дивизии, в том числе и 21-ый кавполк, 18 марта подошли к г. Екатеринодару. Желая во что бы то ни стало удержать в своих руках такой важный стратегический пункт, противник, сосредоточив крупные силы, принял бой. После короткой артиллерийской подготовки 21-му кавполку было приказано занять город. Насчитывая не более 320 сабель, полк стремительным ударом обрушился на подавляющие конные силы противника, разбросал их и, на спинах обращенных в бегство деникинцев, ворвался в город.

После короткой, но отчаянной, схватки конница противника бежала из города, оставив в руках 21-го кавполка громадные трофеи, в виде бесчисленных обозов, армейского казначейства и прочих тыловых учреждений Захвачено было несколько составов поездов с обмундированием, продовольствием и нефтью, три танка, четыре броневых автомобиля и семь легковых, шесть орудий, около 7 тысяч пленных, из которых на офицерский состав приходилось около 3 тысяч человек. После 3-х дневной передышки полк переправляется через реку Кубань и, преследуя по пятам отступающего противника, берет гор. Новороссийск.

Из других боев следует отметить богаевский, на реке Маныч, самый первый бой с деникинцами, которые, разбив наши пехотные части, ожесточенно рвались к Новороссийску. Бой этот, растянувшись на двое суток, окончился отступлением противника. Вторым, еще более удачным для нас оказался бой под станицей Егорлыцкой (Донской области), где неуловимые части генерала Старикова неожиданно для себя наткнулись на нас как-то утром на восточной окраине станицы и, вследствие густого тумана, попали под наш перекрестный огонь. Пользуясь произведенным в рядах противника замешательством, 21-ый кавполк бросился в атаку и разбросав противника, взял много пленных.

В Новороссийске, распоряжением командарма 9, перешедшие на нашу сторону белогвардейские казачьи полки были сведены в одну конную группу и составили дивизию имени тов. Екимова, основным ядром которой служил 21-ый кавалерийский, получивший новое наименование: „Сибирский конный полк".

Операции на польском фронте.

По ликвидации Южного фронта, Сибирский конный полк вместе с частями всей дивизии переходит походным порядком в гор. Таганрог, где и вливается в упраформ 1-ой Конной армии, основав маршевую кавбригаду, переформированную из кавдивизии тов. Екимова. В состав этой бригады вошли: Сибирский конный и Кубанский казачий полки. 8 июня 1920 года Сибирский кавполк, в составе указанной маршевой кавбригады, отправляется по железной дороге на польский фронт. Здесь с 6 июля по 26 сентября включительно, непрерывно находится на передовой линии, принимает участие в двух рейдах в тыл противника и выдерживает ряд жестоких боев с белополяками. Первым упорным, но вместе с тем удачным боем был староконстантиновский. 8 июля 1920 года выдвинутый на позицию под гор. Старо-Константиновым, Сибирский кавполк получает задачу взять его. Под губительным ружейным и пулеметным огнем противника полк приближается к его позиции и стремительным ударом обращает врага в бегство, причем противник теряет зарубленными 33 человек, в том числе 2 офицеров. Вторым по счету и одним из самых тяжелых боев, который окончился неудачей, - был кременецкий бой 15 июля 1920 года. В начале августа того же года полк получает название 2-го Особого кавалерийского полка, который 14 августа принимает и выдерживает ожесточенный лопатинский бой, причем только героическими усилиями Особой кавбригады (переименованной из 1-ой маршевой кавбригады) вообще и 2-го кавполка в частности—положение отчасти восстанавливается, а затем полк принимает участие в рейде в тыл противника под г. Люблиным. В течение восьми дней, находясь в железном кольце польских пехотных и кавчастей, полк принимает несколько славных боев и, в конце-концов, выполнив свою задачу, благополучно возвращается обратно. Первым крупным боем этого рейда можно считать бой под мест. Комаровым, Холмской губернии, в последних числах августа, а неделю спустя, 4 сентября, второй удар, под гор. Грубешовым, оказался для поляков еще чувствительней. Отдыхая после беспрерывных боев и походов, части Особой бригады расположились на стоянку в районе гор. Грубешова. В это время

сильным ударом, сбив 11 и 14 кавдивизии, противник крупными силами навалился на Грубешовский участок, имея целью захватить реки и переправы. Спешно вызванный на поддержку отступающим дивизиям, 2 ой кавполк одним дивизионом переправился через реку Буг и, невзирая на ураганный артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь противника, с места-в-карьер кидается в контр-атаку. Внеся своим смелым ударом расстройство в ряды противника, захватив пленных и 3 пулемета, дивизион, поддержанный своевременно вторым своим дивизионом, дает возможность отходящим дивизиям оправиться и перегруппироваться. В результате, положение восстанавливается и поляки отходят на 25 верст от гор. Грубешова. Приняв 12 сентября прощальный бой под селом Пузово, Волынской губ., 2-ой кавполк 16 сентября отправляется походным порядком на врангелевский фронт.

На врангелевском фронте.

31 октября 1920 года 2-ой кавполк, вместе с другими частями Особой кавбригады, принимает бой под хут. Отрада, Днепровского уезда, Таврической губернии и 1 ноября — под хут. Александровка, того же уезда и губернии. Сосредоточив громадные силы из всех родов оружия,—ударные кавчасти, с поддержкой многочисленной артиллерии, броневиков и аэропланов,—Врангель сделал последнюю попытку прорваться из железного кольца первой и второй конных, четвертой и шестой пехотных армий в Крым и запереться на неприступном Перекопе. Но эта отчаянная попытка не спасла его. В бою под х. Отрадой пал смертью храбрых командир 2-го кавполка тов. Екимов, Г. М. После отрадовского боя, непрерывно следуя за отступающим противником, 2-ой кавполк не имел с ним ни одного столкновения. Без боя полк занимает важный пункт Крыма — Симферополь. Врангель из Севастопольской бухты бежит в Константинополь, оставляя на берегу моря много трофеев. По ликвидации этого фронта, полк походным порядком, в половине ноября, идет на Екатеринославщину — на зимние квартиры.

В Екатеринославщине.

За время своего пребывания в Екатеринославской губернии, с 5 декабря 1920 года по 27 мая 1921 года, полк принимает участие в ряде экспедиций против банд Махно, у которого забрал трофеи и несколько пулеметов, окончательно уничтожил банду Литвиненко, разбил и отобрал все пулеметы (всего 17) у банд Бровы, Матвиенко, Савонова и против менее значительных мелких банд „батек“ и „атаманов“. С другой стороны, полк устраивает дровянные субботники в районе города Ново-Московска, оказывая помощь незаможным селянам запашкой и посевом земли, и получает за это горячую благодарность от крестьян-бедняков, а также и от местных советских органов.

На Дону.

С 17 мая по 13 июня 1921 года полк, совместно с бригадой, переходит на стоянку в район ст. Старочеркасской, Черкасского округа, Донской области. 26 сентября того же года, согласно приказа по бригаде, 2-ой кавполк переходит в с. Койсуг, Ростовского-на-Дону, округа, где находится до 4 ноября.

В целях сохранения конского состава, полк усиленно работает здесь по заготовке сена, борясь попутно с бандитизмом. В июле 1921-года 2-ой кавполк за свои боевые заслуги перед трудящимися получает штандарт от Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

На Кубани.

4 ноября 1921 года полк для более удобного расквартирования переходит в Кубанскую область, где и остается в разных отделах вплоть до сентября 1923 года. В станице Новоминской, Ейского отдела, полк находится до 1 января 1922 года. С новым, 1922 годом полк переходит в ст. Роговскую, Тимошевского отдела. Во всех этих станицах ведется большая культурно-просветительная работа; принимаются все меры к тому, чтобы сохранить конский состав во что бы ни стало в тяжелый, голодный 1921—1922 год, что, благодаря усилиям как командно-политического состава, так и

красноармейцев, удается сделать. В марте 1922 года кавполк переходит на длительную стоянку в ст. Старовеличковскую, Славинского отдела, Кубанско-Черноморской области. Проводится демобилизация старших возрастов, улучшется постепенно материальное благосостояние полка, и с призывом 1901 года полк получает время на учобу. В мае 1922 года 2-ой кавполк получает наименование „14-ый". По прежнему примеру, 14-ый кавполк делится с бедняками, чем может, проводится смычка культурных учреждений полка со станичными, работа впервые за все время существования полка вводится в рамки, в систему. Старовеличковский Исполнительный Комитет Совета Депутатов оценил заслуги полка—при расставании полку был поднесен адрес от всего населения станицы.

В конце сентября 1923 года полк переходит в Москву, где и празднует 4-ую годовщину своего славного существования.

В 24-ом году полк переименовывается в 62-ой.

За 6 лет полк имел командиров: т. т. Литвинова, Екимова, Камского, Подлесного, Ракитина. Бобкина, Кузнецова. В настоящее время — тов. Камский, Л. В.

За 6 лет полк имел комиссаров: т. т. Шишкова, Ведерникова, Суринова, Зеленова, Некрасова, Муралова и Зеленова. В настоящее время — тов. Кудрявцев, А. В.

Краснознаменцев полка 24: т. т. Екимов, Таранов, Муралов, Зеленов, Курицын, Бобкин, Миронов, Сонин, Кустов, Чистоходов, Перфильев, Лавринов, Прошин, Безменов, Сухов, Иванов, Гладченко, Каминский, Стаусов, Смольников, Рейхин, Брюханов, Глушненок, Алешко, из коих в настоящее время находится в полку т. Брюханов.

Рис. 7. Группа комполитсостава 62 Кавполка.

Рис. 8. Группа старых бойцов 62 Кавполка.

Рис. 9. Бюро коллектива РКП (б) 62-го Кавполка.

Рис. 10. Партколлектив РКП (б) полка.

Политическая жизнь полка.

Ко времени сформирования полка, в мае месяце 1919 года, в двух или трех его эскадронах уже существовали (правда, очень слабые и малочисленные) ком'ячейки, но об'единяющего полкового Бюро еще не было. Политической работой, которая велась, конечно, кустарным способом и не выходила за рамки элементарной агитации, руководил тов. Ведерников — комиссар полка. Лишь к концу операции на Восточном фронте, в августе месяце, стали прибывать в полк свежие силы и политработа значительно расширилась. Было создано руководящее полковое партийное Бюро, организован красноармейский клуб с библиотекой-читальней и буфетом, два оркестра, духовой и струнный, и т. п. Ко времени перевода с Восточного фронта на Петроградский, комиссар Ведерников заболел и сдал полк политруку 4-го эскадрона, тов. Суринову. В это время об'единенные ком'ячейки полка выросли уже до 140 членов и кандидатов. 2-х недельная стоянка в сентябре 1919 года в с. Бурлинка, Ряжского уезда, Рязанской губернии, и такая же в первой половине октября в Ясной Поляне Толстого – дали возможность более или менее систематизировать политическую работу. Были установлены ежедневные полковые чтения газет по взводам, еженедельные партийные собрания с программными беседами и, наконец, была сделана, сорванная отправкой на Петроградский фронт, попытка организации партийной подготовительной школы.

Со второй половины октября до конца ноября полк пробыл на Петроградском фронте. Беспрерывные бои заставили замереть просветительную работу. За это время следует только отметить попытку группы, активных работ-

19157

ников, организовать издание полкового журнала. Задачей журнала, по мысли инициаторов, было возместить недостаток газет и литературы вообще, в которых чувствовалась сильная нужда. В конце ноября вышел, правда, в ограниченном количестве под редакцией члена Бюро Лебедева, первый номер „Нашего Журнала". Внезапный переезд на Южный фронт положил конец издательству. В общем, во весь период с октября 1919 года по январь 1920 года политическая жизнь полка шла по двум направлениям: усиленная партийная агитация среди комсостава и красноармейцев, и борьба за усиление партийных выборных организаций за счет ультра-централистской политики комиссара полка Ее результаты оказались в следующем: ко времени прибытия в Новочеркасск и стоянки в нем (конец января и начало февраля) в полку имелась сильная коммунистическая организация — до 150 человек и 60% партийного комсостава, тогда как в первое время существования полка комсостав был почти целиком беспартийный. Сближение с комсоставом, в свою очередь, подняло авторитет полкового Бюро. В феврале комиссаром полка назначается, бывш. председатель, Бюро т. Соболев, который в тесном контакте с Бюро, направляет политработу вширь и вглубь, стремясь к качественному повышению уровня коммунистов. С ликвидацией Южного фронта и сформированием кавдивизии т. Екимова, т. Соболев уходит военкомом в одну из бригад и полк принимает помощник его т. Зеленов, организатор и член Бюро.

В мае 1920 года полк находится на польском фронте, затем, до половины ноября,—на врангелевском, и по ликвидации последнего отправляется на зимние квартиры в Екатеринославщину. Благодаря целому ряду благоприятных условий — периодически более длительным стоянкам, количественному усилению политсостава и спайке ячейки — просветительная работа становится на должную высоту и усиленно и успешно развивается.

Организуется касса взаимопомощи для нуждающихся в деньгах больных и раненых красноармейцев. Эта касса выполняет свое назначение даже на фронте. С переходом на зимние квартиры, создается полковой политпросвет с рядом секций: школьно-библиотечная, клубная, с подразделениями: театральной и хоровой. Реорганизуется полковая

библиотека, обращенная в базу с шестью передвижками. Забронировывается школа грамоты на 30 человек, с политическим отделением, в котором вводятся систематические беседы по программным вопросам. Организуются систематические беседы с красноармейцами по производственной пропаганде, вести которые были привлечены даже командный состав (как-то: т.т. Камский, Миронов), а также о посевной кампании и т. п. Оживляется работа среди местного населения, организуется ряд комнезаможей, хат-читален, оборудуется кузнечная мастерская для крестьян в селе Васильевке, проводятся перевыборы знаменского исполкома. Несколько членов партии откомандировываются в Побриг Особой специально для работы среди крестьян. После назначения командиром полка тов. Камского, в марте 1921 года, намечается вновь контактная работа с комсоставом, что без сомнения повысило ее производительность. Конечно, в работе были и перебои из-за частого ухода частей полка, и в целом—на операции против банд Махно и многих, многих других, которые не давали полку спокойно стоять и развернуть работу. Наряду с этим приходилось проводить кампанию по демобилизации 1886 года и старше—старых бойцов. В мае полк походным порядком направляется на Дон. Поход продолжался целый месяц. На время похода все ответственные работники, как Поарма и Побрига, были прикреплены в полки к эскадронам, а свои полковые работники — тоже к эскадронам и даже взводам,—для проведения работы в походе.

На стоянках-дневках читались лекции по мирозданию, проводились беседы и даже работала школа по ликвидации неграмотности. В связи с проводимой работой, переход прошел хорошо, т.-к. прикрепленные политработники сделали многое. 13 июня полк становится на стоянку в хут. Арпачин и дивизия—в Алитуге, на Дону. Здесь опять развертывается политико-просветительная работа. Организован хороший клуб с библиотекой, а также заработали кружки, особенно — драматический, который, ставил спектакли для красноармейцев и граждан. Ячейки на своих собраниях регулярно, по одной главе, разбирали „Азбуку коммунизма", тем самым воспитываясь. В эскадронах хорошо была поставлена работа избы-читальни, где проводились беседы и громкие чтения, и их также хорошо посещали крестьяне. В июле

комиссар полка, т. Зеленов, сдает полк прибывшему новому комиссару, тов. Некрасову.

25 сентября 1921 года полк переходит на новую стоянку в Койсу, около Ростова, откуда строевые части уходят на борьбу с бандитизмом в станицы Кубанской области. После операции весь полк переходит на стоянку в Кубанскую область, ст. Новоминскую, где и стоит с ноября до января 1922 года. За эту непродолжительную стоянку политическая работа развернулась, заработал клуб, где проводились лекции, также организован драмкружок. С прибытием нового комиссара в полк, т. Муралова, в эскадронах впервые стали проводиться политчасы, конечно, нерегулярно и без всякой методики, кто как умел, без занятий самими политруками. Сами политруки за период гражданской войны были мало подготовлены к систематической воспитательной работе. Вскоре полк перешел в ст. Роговскую, где простоял два месяца. Здесь, за эту стоянку, кроме полкового клуба, были организованы эскадронные клубы, где проводились лекции, доклады, после которых—вечера самодеятельности и, конечно с танцами и гармошкой, для привлечения как красноармейцев, так и граждан. В вечерах самодеятельности в своем умственном развитии красноармейцы далеко шагнули вперед, активно участвуя после этого и в полку. Также проводилась кампания по продналогу.

В марте полк переходит в ст. Старовеличковскую, где сразу же заработали эскадронные клубы, особенно клуб 1-го эскадрона, помещавшийся в школе. С прибытием старого комиссара, т. Зеленова, который вновь принял полк, работа стала налаживаться. Клуб был переведен в двухклассное училище, где была развернута библиотека-читальня, и с прибытием завклубом т. Трубицына — закипела и вся клубная работа, были организованы кружки. начала работать партшкола 1-й и 2-й ступени, ставятся каждую неделю спектакли и вечера самодеятельности, так как, кроме полкового драмкружка, были кружки и в эскадронах, которые выносили свои постановки на полковую сцену. Регулярно выпускалась стенная газета „Голос Бойца“, с приложением „Крокодиленка“, и даже выпускалась одно время газета в эскадронах.

Штат клубных работников и политруков был подобран

хорошо. Систематически начали проводить политчасы в эскадронах и политруки стали перед политчасами инструктироваться. Красноармейцы принимали участие в выборах и работе совета станицы. Стала проводиться систематическая, как строевая, так и политическая учеба. Проводились одна за другой демобилизации старых бойцов. В связи с демобилизацией бойцов старых годов и допризывом 1901 года, количественно наша партийная организация уменьшилась. Постепенно входили в систему политчасы, так как политруки каждую неделю проводили один показной политчас. после которого разбирали его и инструктировались к следующему политчасу. Школа по ликвидации неграмотности, при хорошем составе учителей, работала хорошо. В полку имелся свой духовой оркестр, который играл на спектаклях и сам часто устраивал концерты. В июле комиссар полка был назначен в 4-ую кавдивизию, в один из полков, на ту же должность, и полк принял тов. Кудрявцев.

В марте бригада и полк переходят на стоянку в гор. Москву, в Октябрьские казармы. После значительного перерыва на устройство в непривыкшей для полка казарменной обстановке оборудованы были в каждом дивизионе „Красные Ленинские уголки", при которых организован был ряд кружков: географический, общеобразовательный, драматический, хоровой и т. п. В полковом масштабе работал кружок безбожника, юношеский кружок и драмкружок. Стала выпускаться стенная газета „Голос Бойца". Партийная организация, связавшись с местными парторганизациями, ВУЗ'ами, воинскими частями и другими учреждениями, получала поддержку в работниках. После демобилизации старых бойцов (которые были снабжены литературой) состав ком'ячейки еще более уменьшился. Красноармейцы приняли участие в перевыборах Московского Совета, куда выделили своих представителей. После демобилизации была выдвинута комиссия связи в полку, которая держала связь с воинскими частями и учреждениями, с гражданскими организациями и с деревней с демобилизованными бойцами. Зимой проводились занятия с комсоставом, также был парткружок и полкповеркурсы, где руководили т. т. свердловцы, прикомандированные к этим кружкам. С призывом 1902 года и досрочно призванными коммунистами этого года, проходит учет с новым

составом полка. Сейчас партийная организация насчитывает в своих рядах 70 членов и кандидатов и 50 членов РЛКСМ, в полку имеется шесть ячеек, об'единенных с полковым Бюро хорошего состава. Партпросвещение проводится в ленкружках 1-ой и 2-ой ступени, на которые разбита вся парторганизация полка.

Хозяйственная часть полка.

В тяжелой обстановке обострения гражданской войны происходило формирование 2 го Особого (в то время еще 21-го кавалерийского) полка. Но еще больше трудностей пришлось испытать при организации его хозяйственной части.

Не было средств, не было работников. В конце-концов, дружными усилиями заинтересованных в этом лиц, нечто подобное хозяйственной части было организовано. Это не была хозяйственная часть в полном смысле этого слова, а „нечто вроде“,--так как во весь период Восточной кампании почти не было случая, чтобы она снабдила полк чем-нибудь. Полк жил сам по себе, а хозяйственная часть—сама по себе, сохраняя постоянную дистанцию верст на 80 от него. Так тихо и мирно шли дела 21-го кавполка до переезда на Петроградский фронт.

В сентябре месяце 1919 года полк погрузился в вагоны и отправился сначала в Пензу, потом в Тулу и, наконец, в Петроград.

С этого момента начались злоключения хозяйственной части. Прежде всего, вскоре после прибытия на фронт заболел казначей полка Григорьев. Полковая медицина признала необходимым для излечения отправить на родину, в город Казань. Уезжая, Григорьев кое-как наспех сдал дела некоему Степанову, бывшему офицеру из князьков. Через некоторое время новый казначей заявляет, что в денежных суммах недостает 10.000 рублей. Высказывает предположенне, что их увез Григорьев. Полковое начальство приступает к расследованию, того, как, кем и куда эвакуирован Григорьев. Оказывается, что фельдшер, отправивший Григорьева, по каким-то причинам не подал об этом рапорта и, таким образом, об откомандировании больного было долго неизвестно

в штабе полка (ведь, полк был на позициях). Быстро принимаются решительные меры, дается срочная телеграмма в казанскую губчека задержать и препроводить в полк казначея Григорьева, самовольно отлучившегося из полка и увезшего 10.000 рублей. Происходит арест. Наряжается следствие, и что же? Оказывается, что в денежных бумагах в действительности недостает ни более ни менее как 1 рубль 70 коп. Всеобщее недоумение. Затем — гром и молния на голову Степанова за то, что он оклеветал невинного человека. Но тут происходит новый казус. Смущенный внезапным приездом оплеванного им человека и, очевидно, не будучи в силах вынести терзаний совести, вридказначей Степанов... бежит, захватив, кстати, 355.000 рублей, т. е. почти все наличные рессурсы полка. Никакие телеграммы, никакие меры не дали результата, и Степанов, как в воду канул и по сей день. Мало этого Приблизительно в то же время делопроизводитель хозяйственной части, командированный в город Орел, попал в плен к Деникину, а его преемник, отправившись в другую командировку, пропал без вести. После этого руководители хозчасти начали регулярно меняться почти каждую пятницу. Результаты не замедлили сказаться. Когда по приезде в город Балашов, на Южном фронте, высшие сферы потребовали периодический отчет, администрация, а затем „главк" полка, заглянув в дела, только руками всплеснул и ничего нельзя было понять в этой китайской грамоте.

Немедленно была создана комиссия в составе лучших канцеляристов полка для приведения в порядок книг и дел хозчасти. Больше месяца билась она над „делами", но в конце-концов, привела их в относительный порядок. Как вдруг новая катастрофа! У врид начхоза Алехина, который за болезнью нового казначея, принял на себя его обязанности, совершенно непонятным способом пропали 650.000 р. Алехин был смещен с должности, но это не помогло. И все усилия следователей отыскать причину или виновников пропажи оказались бесплодными... Назначили нового казначея, некоего, только что прибывшего в полк, Упорникова. Казалось, дело пойдет на лад. Новый казначей оказался знающим свое дело человеком и привел его в порядок, но какой-то неумолимый рок, очевидно, тяготел над 21-м кавполком. Не пробыв в полку и недели, Упорников поехал получать деньги

в армию. Получил аванс, вернулся, стал раздавать его и... у него нехватило 230.000 руб. Командир полка Екимов, узнав о случившемся, схватился за голову и воскликнул — почти простонал: „Неужели и этот?“... Оставалось только развести руками и признать факт. К счастью, благодаря энергии членов полкового суда, дело на этот раз обошлось благополучно —деньги были найдены у хозяина, в доме которого ночевал по пути Упорников. Отделавшись сильным испугом, новый казначей с двойным усердием принялся за работу и наладил дело.

Всем казалось, что хозчасть 21-го кавполка стала на твердый путь и вышла из полосы кризосов. Но, увы! Нет ничего обманчивее человеческих предположений. Действительность каждый раз жестоко разбивает их. Так вышло и в данном случае.

Зарекомендовав себя энергичным и деятельным работником, Упорников назначается сначала начхозом полка, а затем начснабригом Особой. Казначейство переходит к одному из канцеляристов, Богачеву. Новый казначей также умел ведет дело, но... Вновь выплывает на сцену непостижимый, беспощадный рок, полтора года преследовавший 21-й кавполк; и этот казначей кончает свою карьеру потерей (довольно подозрительной) 735.000 рублей. Однако, в противоположность своим предшественникам, он вслед за этим отправляется в трибунал.

Уже два месяца прошло со дня последней катастрофы и общее возбуждение умов настолько улеглось, что некоторые оптимисты начинают высказывать уверенность, что этим заключительным аккордом закончились несчастья нашей хозчасти. На что более старые, умудренные горьким опытом, сибиряки обыкновенно отвечали: „поживем—увидим“.

Действительно, т. т. высказывали верно свои предположения, т. е. последняя катастрофа была на самом деле заключительным аккордом всяких приключений. К этому времени полк установился уже на определенных зимних квартирах, после утомительных и бесконечных походов от города Львова до Симферополя и обратно через Таврическую губернию в Екатеринославщину, где также не пришлось отдыхать и заниматься работой в мирной обстановке. Место, где полк был расположен: Знаменка, Васильевка, Андреевка, Попасное,

Александровск и др., было настоящим гнездом бандитизма, -- Махно, Матвеенко, Литвиненко и К°, с которыми полк умел справляться и много их уничтожил (см. боевые воспоминания и заметки бойцов).

Несмотря на то, что мирная обстановка в полном смысле отсутствовала, все же с этого времени полк принялся за работу по восстановлению постановки дела и хозяйства. Сотрудники хозчасти приблизительно были подобраны. В марте месяце в полк прибыл из отдела снабжения на должность делопроизводителя тов. Ромашков. С первых же дней новый делопроизводитель, после пересмотра постановки дела в канцелярии хозчасти, энергично принялся за переустройство таковой. На первых порах было обращено внимание на учет денежных сумм. Благодаря энергичной работе и усидчивости нового делопроизводителя, были составлены авансовые отчетности по всем видам денежного довольствия и отправлены в инспекцию. С этого момента раз и навсегда полк избавился от всяких казусов в отношении денежных сумм. Затем было обращено внимание на постановку и учет имущества полка, как на играющую главную роль в боевом отношении. Но принимая во внимание бедность полка в материальном отношении, отдел же снабжения бригады отпускал канцелярские принадлежности, книги и бланки постольку поскольку они ему отпускались армией, трудно было восстановить учет имущества на должную высоту.

В апреле месяце на должность казначея полка был назначен один из сотрудников хозчасти, бывший делопроизводитель, тов. Бальмин. Денежным столом в это время заведывал письмоводитель, тов. Хорт.

Вот эти три хозяйственника — делопроизводитель, тов. Ромашков, казначей, тов. Бальмин и письмоводитель, тов. Хорт—с большой энергией и желанием взялись за дело. Работа закипела. Но в ско́ром времени состоялся переход всей бригады из Екатеринославщины в Донскую область и во время переходов работать приходилось мало и то с большим трудом.

После того, как полк расположился на продолжительную стоянку в хуторе Арпачине, ст. Старочеркасской, Донской области, канцелярия хозчасти полка была приведена в порядок.

Первого августа делопроизводитель тов. Ромашков назначается на должность начальника хоз. части полка и еще с большим трудом и энергией принимается за дело. Однако 1921 год желаемых результатов в полном смысле этого слова не дал, благодаря целому ряду недостатков, бесконечным переходом и за неимением опытных лиц младшего адм.-хоз. состава. Кроме того, не было заинтересованности в этой области со стороны стр. комсостава.

К началу 1922 года полк на свои средства кое-как приобрел самые необходимые книги, и, в известной мере, дело было налажено. Но сохранились они только в канцелярии хозчасти, а эскадронные и командные свелись на нет, благодаря бесконечному множеству причин.

К началу 1923 года были отпечатаны все книги, согласно положения, и заведены правильно и полностью, но эскадронные канцелярии опять хромали на две ноги. А это говорит за то, что нет подбора лиц, нужных, которые могли бы умело использовать выданные им книги для учета имущества.

К моменту перехода полка из станицы Старовеличковской, Кубанской области, в Москву тов. Ромашков, благодаря своей энергии, привел полк, в хозяйственном отношении, в боевую готовность. Седла, упряжь и обоз были отремонтированы. Весь полковой обоз и пулеметные тачанки после капитального ремонта были выкрашены и в день погрузки, как с иголочки, поставлены на платформы. Душа радовалась, Но Москва немилосердна была к обозу южного типа. Камень, больше, чем наполовину, с'ел его.

Начало 1924 года было зачатком твердого фундамента полкового хозяйства, благодаря энергии т. т. Ромашкова, Бальмина и Берг. Эти три товарища дали очень много, они не считались с часами занятий и не жаловались на то, что канцелярию покидали в 2—3 часа ночи в продолжение декабря, января, февраля и марта месяцев. Научили и младший адм.-хоз. состав тому, как нужно вести книги... Но тут опять беда. Апрель месяц... Над хозяйственной частью снова надвигаются ураганные тучи: вырывают исключительно весь адм-хозсостав и писарской. Демобилизуются все каптенармусы вещевые и продовольственные, полковые и эскадронные, фуражиры и все до одного письмоводители. Мало того,

демобилизуется и наш преданный, всеми нами уважаемый труженик, казначей полка тов. Бальмин, один из старых бойцов этого славного полка. Остаются только двое: завхоз, тов. Ромашков, и делопроизводитель, тов Берг. Но несмотря на то, что в хозчасти не осталось ни одного письмоводителя, тов. Ромашков и тов. Берг продолжают вести дело по намеченному плану, с небольшими опозданиями в отношении подытоживания всех книг.

Однако, в мае и июне тов. Ромашков начинает снова комплектовать свою хозчасть хорошими сотрудниками, догонять пропущенное и обучать новый состав каптенармусов. Дело поправляется и хозчасть снова работает по определенному плану. И вот ко дню шестой годовщины существования полка, когда полк подытоживает все свои проделанные работы и намечает новые вехи, хозяйственная часть, можно сказать, твердо стоит на ногах.

Нельзя скрывать и недостатки, которые имеются, — о них полезно упомянуть. Хозяйственной части не везло и не везет с заведующим оружием и вообще с учетом оружия так же, как в первое время не везло с казначеем полка. Но в этом отношении намечается ударная работа и заполнение всех пробелов ко дню юбилея полка шестой его годовщины.

В настоящее время хозяйственная часть уже сравнительно достаточно заботится об улучшении питания бойцов и об улучшении быта части вообще.

С переходом же на самостоятельное полковое хозяйство с начала нового операционного года полагаем, что хозчасть еще больше укрепит свое хозяйство, располагая средствами и беря за основу твердый учет и правильное распределение всего того, что будет поступать в полк из довольствующих органов, памятуя о том, что мощь Красной армии зиждется на правильной организации снабжения, а последнее осуществится только тогда, когда на местах будет твердый учет и план распределения.

В истории полка необходимо отметить видных работников в области хозяйства. Из более старых—это товарищ Упорников и его правая рука, тов. Морозов, бывш. начальник хозкоманды. Хороший партизан, который в свое время из ничего создавал что-то. Тов. Ромашков — активный и энергичный работник и основатель канцелярии хозчасти

полка, который и в настоящее время возглавляет ее. Есть еще одно имя, известное полку, это—тов. Бальмин—честный труженик и преданный работник, самый старый боец, в настоящее время демобилизован. Среди младших работников из числа письмоводителей нужно упомянуть тов. Хорт и Степаненко, которые работали в канцелярии, как прикованные к табуретке. Тов. Хорт был чрезвычайно аккуратен, благодаря его энергии и знанию отчеты никогда не задерживались. Тов. Степаненко, днем и ночью, знал, сколько в полку людей и лошадей, кто куда убыл и откуда прибыл, и весь материал к отчету давал без всяких задержек.—Оба демобилизованы.

Остается сказать еще об одном товарище, который и в настоящее время служит в полку. Это—управляющий канцелярией тов. Берг. Тов. Берг энергичный работник, с большой практикой, способный работать за десятерых. Канцелярию и постановку дела знает в совершенстве.

Наши политработники.

Скромные, серые фигуры. Скромные, незвучные имена. Много их было. Без громких фраз, без красивых жестов творили они незаметное, но великое дело,—дело воспитания красноармейцев, дело строительства рабоче-крестьянской армии,—и уходили со сцены, больные, раненые, искалеченные, уступая место другим, таким же „пахнущим землей".

Бедные, темные окраины фабричных городов, захолустья убогих русских деревень родили их на свет. Революционный шквал, опрокинувший вековые устои, поставивший к власти корявого „лапотника" и замасленного „блузника", поднял их со дна и призвал к строительству нового общества. И бросив станки и плуги, взяв в свои мозолистые, натруженные руки винтовку и книгу, пошли они вместе с поднявшейся массой на фронт — простым и безыскусственным словом и делом проповедывать „новое откровение". Много их было... многих уж нет. Нет весельчака и любимца эскадрона, первого запевалы и танцора, но вместе с тем дельного организатора, тов. Котова. Тяжело раненый на Петроградском фронте, уехал в лазарет и не вернулся.. Нет хлопотливого, вечно снующего среди своих красноармейцев, молодого и способного Бабушкина—заболел, уехал, не вернулся... Нет лихого кавалериста и пламенного революционера Петухова—то же самое... Нет скромного и старательного Павлова—ранен на польском фронте и не вернулся... Нет многих, многих других... Две наиболее яркие, наиболее сильные личности выделяются на общем фоне этих скромных, серых фигур. Два земляка—пермяки. Лихие кавалеристы, пламенные революционеры, кристаллически-честные работники. Петухов—рабочий Мотовилихинского завода, с первых дней революции с винтовкой в руках вставший на ее защиту; партизан с ног до головы; самое лучшее, что могла создать краснаа гвардия. Стерликов—

Рис. 11. Ячейка РКП (б) 1-го эскадрона.

Рис. 12 Ячейка РКП (б) 2-го эскадрона.

Рис. 13. Ячейка РКП (б) 3-го эскадрона.

Рис. 14. Ячейка РКП (б) пулеметного эскадрона.

тоже рабочий-молотобоец. Тоже с Октября на передней линии. Тоже старый красногвардеец. Но уже с ясно выраженным, твердым коммунистическим сознанием, образцовый боец и работник регулярной Красной армии. Только в беззаветной удали да непримиримо-фанатическом „демократизме" сказываются отголоски первоначальной партизанщины.

Малограмотные, самоучки, почти уже на фронте научившиеся читать и писать, оба они выдвинулись на пост политических руководителей из красноармейцев. Без больших теоретических знаний, с одной только верою в правоту своего дела, с горячим желанием принести пользу трудящимся, да со здоровым природным „мужицким умом" приступили они к своим обязанностям.

Прошли годы гражданской войны. Обстановка изменилась но задачи политработников остались те же — воспитание бойца-революционера интернационалиста. На смену старым, уставшим политработникам приходили новые, а их, в свою очередь, заменяли другие. Стерликова сменил Воронин, Дубровина—Филатов и т. д. Один только список политработников за пять лет занял бы целую страницу. Вот список комиссаров полка.

Первый по времени, со дня формирования полка комиссар т. Ведерников. Коренастый, плотный, здоровый, энергичный, боевой, но, увы, политически малограмотный. Враг агитации, митингования и методов убеждения. Апологет решительных мер и системы воздействия, мечтавший построить работу по способу: левой, правой, в партию—марш.

Уезжая по болезни из полка, т. Ведерников оставил своим заместителем одного из политруков т. Суринова. Фельдфебель старой армии, хороший службист, энергичный и честный работник, новый комиссар по качеству и характеру, однако, мало разнился от старого. То же отсутствие теоретической подготовки, тот же военный подход к делу, тот же темперамент, тот же наган в качестве наглядного пособия — правда, уже в значительно меньшем размере—ведь с течением времени вместе с чисто-военным шло и общее развитие красноармейцев полка. те же нелады с комсоставом полка, который огульно ставится под подозрение и за уши втаскивается в положение помощника по строевой части. Но политико-просветительная работа уже значительно шире;

окончательно налаживаются эскадронные ячейки, организуется полковое Бюро (21 кавполк образовался из отдельных самостоятельных сотен, неудивительно, поэтому, что в нем существовали эскадронные ячейки, когда полковой еще не было). Политический состав пополняется новыми работниками.

Создается приличная библиотека, клуб, два оркестра: духовой и струнный. Ко времени перевода части с Восточного фронта на Петроградский и стоянки в имении Толстого „Ясная Поляна", работа принимает уже более или менее систематический и организованный характер.

В феврале 1920 года комиссаром полка назначается бывший предбюро т. Соболев. С этой поры просветительная работа в полку становится окончательно на твердые рельсы. Энергичный и умный, обладающий солидными знаниями и, что особенно важно, громадным тактом, новый комиссар первый кладет начало сближения с комсоставом и приближению политработников к массе. Освобожденный из-под прокурорского надзора, комсостав широко идет навстречу начинаниям политработников. Сами они тесно сплачиваются и выделяют из себя крепкое ядро более активных, которые и берут в свои руки ведение всей просветительной работы в полку. После ликвидации деникинского фронта, когда 21 кавполк, переименованный в Сибирский кавалерийский, становится ядром целой вновь сформированной дивизии, т. Соболев уходит на должность военкома одной из бригад.

Полк принимает его помощник т. Зеленов. Всего около шести месяцев пробывши в полку, но уже зарекомендовавший себя в глазах красноармейцев, как хороший товарищ и активный работник с недюжинным организаторским талантом, новый военком энергично и умело принялся за продолжение оставленной предшественником работы. Даже схватив тиф в тяжелой форме, он не желает бросать полк, и больше трех месяцев прикованный болезнью к тачанке, колесил вместе с ним по Кубани. Чуть оправившись от болезни, т. Зеленов вновь принимает полк, проделывает с ним польскую и крымскую кампанию, участвует в ряде экспедиций за бандитами, а свободное время посвящает агитационно-организационной деятельности. Благодаря самоотверженной работе

военкома, мы имеем сильный и дисциплинированный полк с многочисленной партийной организацией и прилично налаженным просветительным аппаратом.

Летом, в июле 1921 года, т. Зеленов назначается военкомом штабрига и его место занимает военком батареи т. Некрасов – хороший хозяйственник и администратор, но плохой политработник. В общем, парень хороший, но политически малограмотный, Некрасов в полку был всего 2–3 месяца, после чего поехал в отпуск и в часть не вернулся.

Следующим по счету военкомом был „знаменитый" Чернухин. Ультра-партизан, любитель приказаний, подчас крайне безалаберных, он, конечно, ничего хорошего в полку сделать не мог, кроме развития антагонизма между ком-и политсоставом, кроме ослабления парторганизации, упадка дисциплины и т. д. В ноябре месяце 1921 года Чернухина сменяет т. Муралов, которому удалось подобрать хороший состав политработников, поднять авторитет коммунистов; но несдержаный характер мешал привести ему полк в вполне удовлетворительное состояние. Отсутствие нужного тактического подхода часто вызывало ненужные и вредные трения, которые, конечно, ни к чему хорошему не приводили. В мае 1922 года полк принимает опять т. Зеленов, который и находился в нем до июля 1923 года. При т. Зеленове полк снова во всех отношениях подымается на должную высоту. В середине 1923 года т. Зеленов назначается в одну из частей 4 кавдивизии и в исполнение обязанностей военного комиссара уже 14 кавполка вступает находящийся до сего времени т. Кудрявцев.

Помощники комиссаров т. Лебедев, — хороший организатор, оратор, но с индивидуалистическим уклоном (бывший анархист), один из лучших помощников комиссара. В полку, кроме помощника, был два раза завклубом, ему, между прочим, принадлежит составление полковой песни „Старый полк". Многообразна и многогранна была его работа; как отрицательную его сторону нужно отметить—неуживчивость с работниками. И все же он выделялся из остальных работников и товарищей.

Т. Гаврилов – кропотливый, незаметный работник, не мало трудов вложил он в свое дело.

Т. Комиссаров — сильный политработник, но слабый администратор; при нем впервые инструктивные занятия с политруками приобрели серьезный, систематический характер.

В настоящее время помощник военкома т. Подольский.

Секретари бюро.

Т. Громов, практик-организатор, выделялся своей тактичностью, при нем работа бюро вошла в правильное русло.

Т. Подольский, ныне состоящий на должности помвоенкома.

Т. Немков секретарствовал в период последней дискуссии и после таковой.

В настоящее время секретарем состоит т. Воронин.

Заведывающие клубом.

Их было десять. Первым и пятым по счету был. тов. Лебедев, вторым—т. Харитонов. Известен своей любимой поговоркой: „Раз навсегда в корне пресекаю". Третий по счету, т. Долиненко—учитель, хороший товарищ, впоследствии занемогший психическим расстройством. Четвертый, т. Хромушкин, с малым запасом знаний, без организаторских талантов; он был завклубом случайно, по ошибке. Шестым очень короткое время был т. Комиссаров, помвоенкома.

Систематическая, правильно поставленная, клубная работа началась при т. Трубицыне. Честный и глубоко преданный делу работник. Универсалист клубного дела, каких единицы. Восьмым заведывающим клубом был т. Меньшиков, в настоящее время учитель полковой школы. После т. Ильина, который был завклубом всего только две недели, начклуба с апреля 1924 года состоит т. Михайлов.

Политруки.

Их можно разбить на четыре категории:

1) Кого нет... кто сложил свои головы за дело революции на фронтах гражданской войны. — Это т. т. Павлов, Котов, Бабушкин, Петухов. Вечная слава им...

2) Кто ушел в бессрочный... продолжать работу на хозяйственном фронте. Таковы т. т. Стерликов, Филиппов, Мушников, Гапоненко, Харитонов...

Горячие были партизаны...

Рис. 15. Ячейка РКП (б) полковой школы.

Рис. 16. Ячейка РКП (б) хозкоманды.

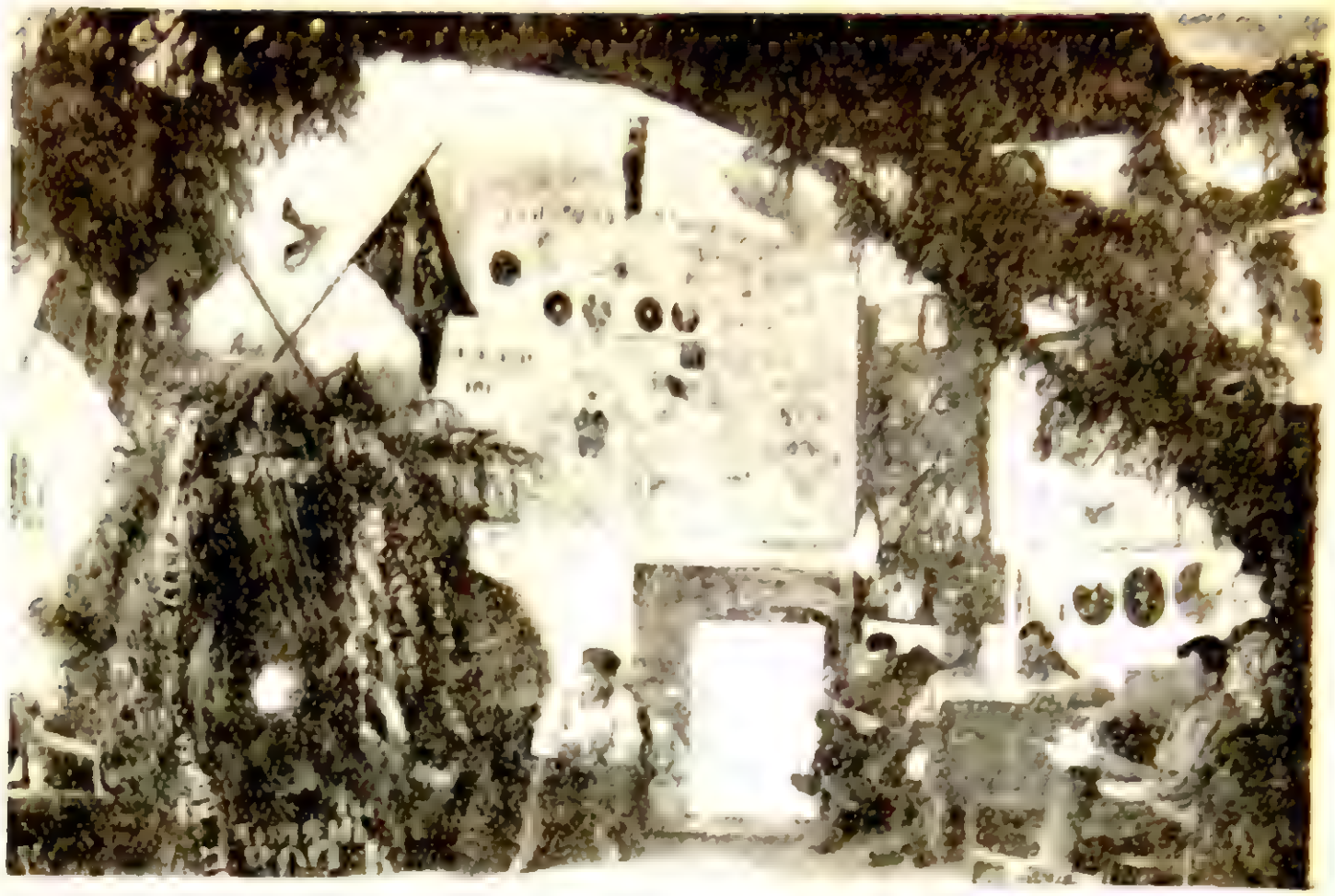

Рис. 17. Выставка Ленинских уголков 62-го Кавполка

Рис. 18. В Ленинском уголке 2-го дивизиона

3) Кто переведен в другие части. — Т. т. Дубровин, Караваев, Филатов, Козлов. Честно работали у нас, так же работают в других частях.

4) В настоящее время в полку т.т. Соков, Шамшин, Баранов, Никифоров, Кузнецов, Шаров и Лурье.

Их история пока не рассматривает.

Наши командиры.

Отцом-командиром 21 кавполка, ныне 62-го, можно смело считать Г. М. Екимова, который командовал в то время, когда полк был только еще отдельным дивизионом, в феврале 1919 года, и остался его командиром после окончательного сформирования. С этим полком Екимов проделал 4-х месячную кампанию на Восточном фронте, руководил его операциями под Петроградом и на деникинском—от Новочеркасска до Новороссийска, где, получив после ликвидации фронта дивизию, покинул полк. В апреле для поправления здоровья, уехав в отпуск в Казань и подлечившись там, Георгий Михайлович получает назначение в одну из бригад на должность командира бригады запасной армии. Но тыловая обстановка, бюрократизм и формалистика не пришлись по душе старому фронтовику, и, подав рапорт, он вновь отправляется на фронт. 16-го сентября того же года Екимов вновь принимает свой старый полк, уже переименованный во 2-й Особый и прикомандированный к 1 конной армии. С радостью встречают своего командира старые кавалеристы. Но недолго приходится ему командовать полком. 31-го октября под хутором Отрадовкой, Днепровского уезда, Таврической губ., он погибает от вражеского снаряда в первом и последнем бою, который мы приняли от врангелевцев. Его смерть глубоко опечалила полк... Да и неудивительно. Чужой всем нам по своему происхождению, старый офицер, штабротмистр, он по своим качествам был настоящим другом и братом для красноармейцев, заботился о них, как о своих детях. Коммунист с 1919 года, но уже задолго до этого революционер в душе, он с первых дней отдал себя и свое великолепное знание военного дела на служение трудящихся. Целых три года—на передней линии, нисколько не заботясь о своей жизни. Девять месяцев неустанной работы над соз-

данием, укреплением и упорядочением своего любимого полка, и в результате—безвременная могила в далеких степях неприветливой Таврии, смерть от руки жалких остатков контрреволюционной сволочи, как раненый хищник, в предсмертной агонии сделавший последний прыжок на врага.

За полугодичный перерыв командования Екимовым—21 полком, теперь 62, руководило несколько лиц.

Из них, как наиболее незаурядную личность, следует отметить Л. В. Камского. Старый кавалерист, как Екимов корнет николаевской школы и помещик по происхождению, Леонид Васильевич Камский также, как и он, сумел понять смысл Октябрьской революции, ее неизбежность и не пошел против железных законов истории. Попав в наш полк эскадронным командиром, т. Камский сразу же был взят „под подозрение" тогдашним комиссаром полка Суриновым, но дальнейшей работой блестяще доказал неосновательность этого подозрения и преданность рабоче-крестьянской власти. Своим тактом и умелым командованием т. Камский заслужил всеобщее уважение полка и его назначение командиром последнего, в апреле месяце, было встречено с большой радостью. В мае того же года Л. В. Камский, сдает полк т. Подлесному, а сам принимает маршевую бригаду и отправляется на польский фронт.

Остальные командиры полка были слишком короткое время и не успели ознаменовать себя чем-либо особенным: первый из них, Подлесный, оказался хорошим хозяйственником, командиром, второй, Ракатин—хорошим командиром. В общем, ни тот и ни другой не смогли сблизиться с красноармейской массой, подойти к ней, как два первых командира. Поэтому, по приезде в сентябре месяце Екимова, полк без больших сожалений расстался с предыдущим командиром.

После смерти Екимова, 31 октября 1920 года, полк принял т. Бобкин, рабочий по происхождению, коммунист с 1917 года и бывший военком бригады. В 1919 году окончивший командные курсы, новый командир представлял собою честного и хорошего, знающего человека. Но несколько излишняя замкнутость и тяжеловатость характера привели к тому, что он не сумел поставить себя в кругу политработников и сослуживцев вообще, а равно не смог подойти к красноармейской массе. В общем, он оказался

одним из немногих партийных командиров, с которыми полковая коммунистическая организация не сумела работать в контакте, и ряд конфликтов с политсоставом привел к взаимному отчуждению. Тов. Бобкин командовал полком с небольшим четыре месяца, причем, отведя его после ликвидации крымского фронта на зимние квартиры в Екатеринославщину, он несколько раз руководил экспедициями на банды Бровы, Махно, Литвиненко и Матвеенко, показал себя в бою с лучшей стороны. После чего, получив назначение в другую часть, он в марте сдал полк его старому командиру тов. Камскому, назначение которого было встречено с большим сочувствием всем полком.

*

Не стало в полку старых сибиряков, как писавшего предыдущие строки. Дадим же себе слово, все оставшиеся в полку старики, продолжить летопись полка и постараться ее продумать. Много времени прошло с тех пор, как была написана вышеизложенная заметка старого сибиряка, а полк продолжал расти и крепнуть на страх врагам Советской власти и на радость сынам трудового народа.

Коротенькая, сжатая статейка „Наши командиры", написанная в свое время старым сибиряком, для вас, современных читателей, приятна, как воспоминание о далеком прошлом полка. С достаточной ясностью она изображает тогдашних наших руководителей, положивших не мало труда и энергии на создание ныне сильной, боевой красной части конницы 62-го кавполка. Тернистый путь полка, его боевое прошлое запечатлено в этой книге-истории. Росла и крепла наша власть, наша Республика, водрузившая красное знамя труда над одной шестой материка, благодаря тому, что имелись такие стойкие части, как наш 62 й Кавалерийский полк с его славными старыми командирами.

Побужденный чувством особой признательности к моим предшественникам, преклоняясь пред их заслугами, хочу не дать прерваться на этом сказанию о достойных революционерах, старых командирах полка. Есть еще ветераны старики в нашей полковой семье. Осталось их, правда, немного. Время взяло свое и заставило многих уйти на покой, часть направлена в школы углубить свои знания и только двое

еще продолжают службу в своей части. Не буду подробно останавливаться на каждой личности в отдельности, не коснусь я их биографии. Центральной и фигурой полка до сих пор остается его командир, тов. Камский.

Была и замена тов. Камскому в его командовании; первая описана выше, а вторая случилась на Украине. Фамилия этого командира—Кузнецов! Через короткое время отпуска, он уезжает и не возвращается в полк. Временно за него командует полком его помощник, тов. Миронов, член РКП (б). Тов. Миронов — по происхождению донской казак, старый кавалерист и кавалер Ордена Красного Знамени. Находчивый, достаточно храбрый в бою, он считался хорошим рубакой. Прокомандовал полком он около месяца и снова сдал его старейшему его командиру, тов. Камскому, который в то время был начальником бригадной школы младшего комсостава. Тов. Камский принял полк и командует им бессменно до настоящего времени.

Из других командиров, бывших в полку, следует отметить: командира эскадрона, тов. Таранова, бесстрашного в бою, грозного с виду с солидной комплекцией конника. Он много повоевал, рубил всегда на совесть врага и бой встречал, как преприятнейшую новость; помкомполка тов. Писклина, аккуратного и исполнительного, неустрашимого бойца, пролетария до мозга костей и всеми любимого за свой характер; командира взвода тов. Сухова—боевика-краснознаменца, теперь демобилизованного; комэскадронов т. т. Чистоходова, Сонина, Кустова, Перфильева, — краснознаменцы, хорошие командиры, лучшие руководители в бою; командира взвода тов Шилина — честный боец Красной армии; помкомэска тов. Лавренова—хороший товарищ красноармейцам, до безумия храбрый человек и кавалер ордена Красного Знамени; командиров взводов т. т. Иванова, Прошина, Безменова—они останутся надолго в памяти старых бойцов: указанные т. т. запечатлели себя своей храбростью и за свою преданность революции отмечены нашей скромной историей полка.

Вечная память соратникам нашим: тов. Мишину, командиру пулеметного эс-на, убитому 8-го августа 1920 года, комэску тов. Абросимову, убитому в бою с поляками 14-го августа 1920 года; помкомкомэску тов. Воробьеву, убитому 12-го января 1921 года; политруку Шадрину, убитому 27-го ав-

густа 1920 года; комвзводу тов. Гришину, павшему смертью храбрых 13-го мая 1921 года и тов. Кожину, убитому 19-го февраля 1921 г. Вечная память им, отдавшим жизнь свою за завоевания Октября.

Есть и теперь в полку достойные быть отмеченными: помкомполка Яргана, начштаба Наркевич; помкомполка по хозчасти Ромашков; начшколы Брюханов, комэскадрона Мягкий, Логофет, Парадизгардер, Жгенти, Панкратов и многие другие, работа коих в свое время займет не одну страницу в нашей истории полка.

Старейший член полковой семьи.

Как выковывались бойцы нашего полка.

После ликвидации деникинского фронта и путешествия походным порядком в весеннюю слякоть, утопая в грязи, измученные, усталые, прошли мы из Новороссийска до Таганрога и остановились на отдых и для пополнения свежими силами", как было сказано в приказе по случаю остановки полка.

„Свежие силы", в число которых попал и я из упраформа 1-й Конной армии, заключались в том, о чем и я буду говорить в этой заметке.

Нас было двое: я и товарищ мой Гриша Болдырев, получившие назначение в этот полк. Когда мы, после небольших прений между собою о том, когда лучше пойти— до обеда или после обеда, подошли к зданию, где помещался штаб полка, то нас встретил какой-то, повидимому, командир, в полной боевой походной форме; как после оказалось, это был помощник командира полка, тов. Миронов.

— Где можно видеть командира полка?—спросили мы этого сердитого на вид командира, который даже не повернул к нам своего лица, после того как мы с ним поздоровались.

„А вам зачем?—спросил он, стоя в той же горделивой позе, — видно, гордясь за свой полк, перенесший столько фронтов и побивавший всех врагов Советской Республики трудового народа.

— Мы прибыли в распоряжение командира полка.

— А, это другое дело, — сказал тов. Миронов, затем посмотрел наши командировки и указал, как пройти в кабинет командира полка.

На наше счастье, командира полка мы застали в кабинете вместе с начальником штаба, который ожидал каких то приказаний.

Когда мы вошли к нему в кабинет, то увидали черное лицо, с большими серыми глазами. В простой солдатской одежде, с заломленной назад солдатской же папахой, он казался еще страшней, чем был на самом деле. Это был, как мы потом узнали, комполка тов. Камский.

— Имеем честь явиться в ваше распоряжение,— отрапортовали мы ему, подавая наши удостоверения.

Комполка внимательно посмотрел наши бумажки, задал нам несколько вопросов относительно службы нашей как в старой, так и в Красной армии и, узнав, что я был в старой армии младшим унтер-офицером, а Гриша уже служил на командных должностях и в Красной армии, назначил меня командиром 1-го эскадрона, а Гришу — комзводом в тот же эскадрон.

Канцелярию первого эскадрона еще трудней было найти, так как, собственно говоря, вся канцелярия-то эскадрона помещалась чуть ли не в одной папке у письмоводителя эскадрона, который очень часто менял свое местопребывание, ища удобства для личной жизни.

Когда же, после больших хлопот, удалось найти писаря в какой-то комнатушке у одной вдовы, я принял эскадрон по наличию всех лошадей и людей, о чем и донес рапортом комполка.

Через несколько дней наш полк вышел из Таганрога и остановился в одной деревушке, верст за 25 от города, на комплектование, учебу и, таким образом, задача, возложенная на полк, начала понемногу выполняться.

Село Федоровка, в котором остановился наш полк, находилось на берегу широкой реки и тянулось на расстоянии верст пяти—шести. Жители ее занимались хлебопашеством и отчасти рыболовством. Отношение с их стороны к нам было удовлетворительно, так как при отступлении красных в 1919 году через это село за их приветливое отношение к красноармейцам белыми были расстреляны 19 человек местных федоровских крестьян, и, вспоминая об этом ужасном моменте, федоровцы готовы были итти на все, чтобы только можно было отомстить за смерть своих односельчан. Ввиду того, что село это находилось на большой дороге, а также в связи с общим неурожаем в том году, продовольствия у крестьян было мало, фуража тоже, а казенного не

было, но и то они делились с нами чут ли не последним куском хлеба, и, благодаря их внимательному к нам отношению, нам было очень хорошо.

Состав нашего полка был самый разнообразный как в социальном, так и в политическом отношении. Конечно, ядро полка составляли старые бойцы, прошедшие огонь и воду, и медные трубы, и чортовы зубы, а много было и таких, которые служили и нашим и вашим, т. е. были мобилизованы деникинцами потом при удобном случае перешедшие на нашу сторону, или же были мобилизованы Советской властью. То же самое можно сказать и про командный состав.

Конечно, такое ненормальное положение требовало усиленной работы по поднятию политического развития всех военнослужащих полка. Вся эта работа, главным образом, ложилась на плечи военкома полка, которым в то время был тов. Зеленов, и на других политработников. И надо правду сказать, работали они не покладая рук, стараясь воспользоваться каждым свободным часом, чтобы вести политические беседы, раз'яснять бойцам, что такое Красная армия, за кого она борется, чего добивается, кто мешает нам строить свободно жизнь и т. д. Другими словами, приходилось начинать с самых элементарных сведений. И как бы в ответ на такую работу, бойцы давали знать, что труды коммунистов не пропали даром: в то время много бойцов записалось в ком'ячейку и впоследствии своим трудом доказали свою сознательность. Тогда ячейка нашего полка насчитывала около полтораста человек.

В это время уже шли разговоры о том, что долго отдыхать нам не придется, так как поляки начинают беспокоить Сов. Республику, и как бы в ответ на такие мысли пришло приказание в недалеком будущем выступать на польский фронт. Это сообщение было встречено громкими криками радости. Бойцы рвались отомстить тому, кто хочет помешать свободному строительству трудового народа.

С нетерпением ждали бойцы подкрепления, которое должно было притти на-днях. Конечно, были разговоры о том, что пополнение-то есть, да будто бы одеть-то не во что. Но братва заорала, что пусть приходит по полсотни человек на эскадрон—и все будут одеты. И это правда. В то

время у каждого бойца было по две—три смены обмундирования. Хотя это обмундирование и составляло, как говорится, „сброд пресвятой богородицы", но все-таки обмундирование. Так, некоторые наши бойцы были одеты в таких костюмах: шапка—кубанская, френч -английский, а брюки еще какие-нибудь, затем боевые ремни, шашка кубанского образца и т. д. В общем видно и было, что наша русская буржуазия воюет, а иностранная ей помогает. Но как ни помогала, а все-таки, в конце-концов, осталась с носом и та и другая.

Ждали, ждали пополнения и дождались наконец-то. Но что это было за пополнение, какой у него был внешний вид, вспомнишь—смеяться хочется. У наших бойцов хоть вид какой-нибудь был, а это—чуть ли не буквально,—голые. Некоторых одели, обули, а многие еще остались в том, в чем пришли. Составили из пополнения взводы, назначили им взводных командиров и надо было бы хоть к повторению учения подходить, но, за отсутствием обмундирования, нельзя было выйти им на улицу; так чуть ли не целый месяц сидели по избам, выглядывая в окошечко, как красные девицы.

Наконец, привезли обмундирование, раздали тем, у кого не было, и повеселели наши ребята; на улицу стали ходить, с девчатами знакомство заводить. Затем роздали каждому бойцу лошадей, и началось ученье. Радости не было конца. Неважно, что фуража не было, — не надо. как ночь, так вместе с лошадью в поле, в ночное, лошадей кормить. Были и такие, что в чужой хлеб пускали, но таких по головке не гладили: нельзя своему же крестьянину ущерб приносить.

В общем, жизнь в этом селе у многих останется в памяти, а в особенности—у молодых девчат, с кем успели завести знакомство наши ребята; и можно себе представить, какая грустная картина была, когда пришлось оставлять Федоровку и выезжать в поход на польский фронт.

Не успело еще солнце подняться и осветить мирное село, как раздались жалобные сигналы—„в поход". Тоскливо стало на душе. Хотя каждый из нас и спешил на поляков и рад был померяться с ними силами, но личная жизнь почти каждого бойца оставила хоть маленькую рану в сердце какой-нибудь черноокой Гапки.

Река шумела и сердито била в крутой берег, на котором расположилась Федоровка, как бы хотела смыть виновников шума и тревоги этого тихого и мирного села.

Бойцы спешили седлать лошадей, подвязывая седла, а почти около каждого бойца стояла его любимая девушка и горько плакала, расставаясь с милым; слезы крупными каплями падали на пыльную землю, и она грустно смотрела и думала о том, что, может быть, в последний раз видится с Грицком или Остапом, который уезжает в далекую Польшу бить врагов, помешавших счастливой, мирной жизни.

Сигнал-сбор: „Выезжай“,—кричат дневальные, бойцы торопятся попрощаться, последние поцелуи, крепкие об'ятия, слезы, маханье платочком и... через пять минут полк, имея впереди себя духовой оркестр музыки, под звуки боевого марша, двигался по улицам Федоровки.

Население провожало нас до самой околицы, а некоторые и дальше, затем, с пожеланиями нам счастливого пути и скорейшего возвращения с победой, понемногу отставали от нас и, наконец, только густая пыль показывала им, что 14-й кавполк оставил Федоровку навсегда.

Таким образом, под звуки полковой музыки и под лихие песни бойцов, добрался полк до станции, погрузился в вагоны и поехал на польский фронт.

Поехали-и-и .. кричит паровоз нашего эшелона, а вагоны ему отвечают: так—и—надо.. так—и—надо... так—и—надо... Все это отражалось на сердце некоторых мягкотелых красноармейцев, и если большинство во все горло орало песни, то были и такие, которые сидели, опустив голову, и глаза их блестели матовым блеском. Видно было, что не в вагоне он сидит, а где-нибудь за околицей, на берегу широкой, шумной реки, в лунную ночь с любимой девушкой стоит и напевает ей ласковые речи. И с каким же ожесточением шли в бой эти самые „мягкотелые“, как будто хотели отомстить врагу за то, что он заставляет бросать свой родной дом и оборонять республику от наступающего врага трудящихся.

Чем ближе к фронту, тем медленнее ехали, тем дальше стояли на станциях; наконец, доехали до такого места, дальше которого двигаться уже было нельзя, так как вблизи был фронт.

Начали выгружаться, стараясь производить поменьше шума, а затем походным порядком пошли дальше. Ребята делались серьезнее. Настроение у всех поднималось, как будто бы от той важной задачи, которая была возложена на каждого бойца в отдельности. Не обращая внимания на самих себя, несмотря на то, что у некоторых были только надеты одни нижние рубашки, а гимнастерок не было, все были об'яты той мыслью, как бы скорее встретиться с поляками и показать ненавистным панам, что молодая республика себя в обиду не даст и всякому скажет: „Руки прочь". Уже некоторые строили планы, как будут драться, интересовались ближайшей задачей полка, чтоб самому быть в курсе дела.

Рано утром — числа не помню, красное зарево с того места, где должно было всходить солнце, освещало вершины холмов; туман ровно и медленно стелился по лощинам, постепенно поднимаясь ввысь, трава тихо шелестела не от ветра, а как будто бы от посторонней силы, которая шевелила ее. И в самом деле, в одной из таких лощин, по узкой проселочной дорожке тихо двигался эскадрон 14, тогда еще 2-го Сибирского, полка, держа путь, согласно приказания, на г. Староконстантинов. Целью этого похода было взять город и продолжать преследование отступающего противника.

Вдруг, неожиданно с левой стороны раздались ружейные выстрелы, загремели раскаты орудийной пальбы, и тумана как не бывало. Это польская пехота, благодаря густому туману укрывшаяся от нашего взора, окопалась в лощине и открыла огонь.

Моментально спешился эскадрон, лошадей отвели за бугор, пулеметы поставили на позицию, и все закипело, как в котле. Усиленным огнем пулеметов и ружейной стрельбой заставили несколько ослабить ответный огонь со стороны поляков, а затем, когда было замечено что поляки начинают по одному отходить назад, раздалась команда; по коням, в атаку, марш!". Быстро сели на коней и с криками „ура" бросились на отступающих панов, быстро догнали их и... пошли рубить направо и налево. Откуда только и сила является, азарт какой-то берет. В результате: „плохая полякам досталась доля, и не многие из них вернулись с поля", а от ихнего отряда почти ничего не осталось.

С нашей стороны тоже были трое убитых и четверо раненых. Вечная память павшим борцам за свободу.

После этой атаки досталось много трофеев: лошади, в которых мы тогда нуждались, а также и ребята немного привели свой внешний вид в порядок.

Убитых товарищей похоронили с воинскими почестями. Над их могилой дали залп, как бы подчеркивая, что память о товарищах не угаснет в наших сердцах, затем на их могиле поклялись довести до конца дело пролетарской революции.

В дальнейших операциях наш полк был также бесстрашен и мужествен в борьбе с контр-революцией. Были, правда, и неудачные бои, но не всегда же может быть удача, зато храбрость наших бойцов с каждым боем все выковывалась и поднималась.

Так выковывались бойцы нашего полка в борьбе за правое дело ленинизма.

Таранов.

ПАМЯТИ ПАВШИХ

Георгий Михайлович Екимов.

Молодой, высокий, с узкими плечами и болезненно бледным цветом лица, он на первый взгляд не производил особенного впечатления. Но всех, кто входил с ним в более близкое соприкосновение, невольно привлекала какая-то особенная мягкость — интеллигентность, если так можно выразиться, его характера. Это качество проглядывало и в отношении с близкими друзьями и всеми сослуживцами вообще. Старый офицер, в душе он был убежденным демократом, и красноармейцы не даром видели в нем своего родного, уважали и любили его. Любили, как командира и как товарища и просто, как человека.

„С Екимовым, брат, не пропадешь", — часто можно было слышать отзыв старого сибиряка в ответ на вопрос о командире какого-нибудь новичка.

— Екимов — это свой брат. Это не то, что золотопогонники. — Если бы все командиры были, как Екимов, так и война давно бы кончилась. И т. д. И действительно, Георгий Михайлович это лестное мнение заслужил.

Пораженный ужасным недугом, который периодически давал себя знать, не желая пользоваться, на правах больного, отпуском для систематического лечения, всегда полубольной, он только один раз позволил себе покинуть полк и с'ездить домой, и то уже после ликвидации Южного фронта, когда часть стояла на отдыхе. Все остальное время провел он с полком на передней линии. На Уральских хребтах, в петроградских болотах, степях Дона. Кубани, на далеких степях Галиции и Польши, в Крыму — везде и всюду первый в атаке, последний в отступлении, воодушевляя красноармейцев, поддерживая в них своими шутками бодрость и уверенность, — он был действительно душою полка. Всегда хладнокровный и решительный, великолепно

знавший военное дело и любивший его, Екимов был талантливым командиром, под руководством которого 21 кавполк совершил много славных дел. Стоит вспомнить, например, взятие Екатеринодара, за который Георгий Михайлович был награжден орденом Красного знамени.

Неожиданная смерть лишила республику дельного, энергичного командира, коммунистическую партию — честного, активного работника, а нас всех — одного из лучших друзей и собратьев по оружию.

Он погиб под хутором Отрадовка, Днепровского уезда, Таврической губ., в последнем бою, данном нашими частями врангелевцам.

Погиб от белогвардейского снаряда. Вечная память и вечная слава скромному герою-борцу за народное дело.

Сослуживец.

Памяти тов. Кожина.

В середине февраля 1920 года 2-й эскадрон 21-го к. п. стоял в станице Богаевской (Донской области). Впереди, на хуторе, верстах в 4 х была расположена пехотная застава Утром 19-го февраля около 2-х полков деникинцев, обойдя полем заставу с красными флагами, направились к станице. Наткнувшись на кавалерию. наш раз'езд был обстрелян. Услыхав перестрелку, полк быстро построился и пошел навстречу приближающемуся неприятелю. Неприятель открыл сильчый пулеметный огонь. Тогда, выйдя из станицы, полк рассыпался в лаву, причем 2-ой эскадрон расположился вправо, задерживая левый фланг противника. Вдруг у подходивших частей мы различили красные флаги. Один из наших взводных командиров, тов. Кожин, коммунист с 1917 года, сам крестьянин, дорожил жизнью каждого красноармейца и решил узнать, в чем дело. — „А что, братва, да не свои ли это. Надо бы узнать". С этими словами он бросился к приближавшейся лаве... Это оказались, действительно, деникинцы, и тов. Кожин был зарублен.

Тов. Кожин происходил из бедного крестьянства Пермской губернии, Осинского уезда, зав. Ашаны. С первых

дней революции он боролся с врагами рабоче-крестьянской республики. Слава честному коммунисту, отдавшему свою жизнь за народное дело.

Красноармеец *Шляпников.*

На смерть тов. Абросимова.

14-го августа 1920 года, во время ожесточенного боя под местечком Лопатином (Галиция), наш первый эскадрон внезапно очутился в тылу у поляков, колонна за колонной отступавших из местечка через лес, огороды — как попало. Наш командир, тов. Абросимов, скомандовал: „Шашки к бою" и мы кинулись в атаку. Разогнали одну колонну человек в сто. Забрали человек сорок в плен. Остальных порубили. В это время другая колонна, раза в два больше первой, показалась перед нами. Затрещали винтовки, зацокал пулемет. Мы вновь бросились в атаку, но, укрывшись за проволочными заграждениями, поляки дали нам отпор. В зто время вражеская пуля поразила, бывшего, как всегда, впереди, — командира. Отступая, мы подобрали его тело и увезли в Лопатино, где и похоронили.

Спи, честный боец рабоче-крестьянской революции! Ты до конца выполнил свой гражданский долг. И память о храбром командире Абросимове никогда не изгладится в сердцах его боевых товарищей.

Красноармеец *Мишарев.*

За идею коммунизма.

Во время одной из экспедиций на Мотвиенко пал смертью храбрых красноармеец 3-го эскадрона, тов. Солошенко. Нашему эскадрону была дана задача выманить бандитов из деревни и завлечь их в поле, в то время, когда остальные эскадроны должны были обойти их с флангов. Выманить бандитов нам, действительно, удалось, но их оказалось слишком много, и после отчаянной схватки нам пришлось повернуть коней. Бандиты пустились преследо-

вать нас. В это время у тов. Солошенко пристал конь. Бандиты застигнули его и зарубили. Но бандитам все-таки не удалось отвертеться. Обойдя их с фланга, полк внезапно бросился в атаку и смял их. Началась беспощадная рубка. Перемешались и свои и чужие. Кое-как удалось кучке бандитов прорваться и убежать, оставив в поле пятьдесят трупов. Мы гнали их верст тридцать и порубили еще многих. Так сторицей отомстили мы за смерть нашего дорогого товарища, и пусть знают, что мы и дальше будем так же стойко бороться и беспощадно уничтожать их, пока не останется ни одного разбойника на Советской Украйне.

Красноармеец *Воронин.*

На могилу бойца.

Близ гор. Владимира-Волынска, во время отхода из-под Люблина, наш полк остановился в деревне Пузово. Нашему взводу пришлось занять три поста летучей почты в ближайших деревнях. Вдруг полк получил приказание итти на задержку незаметно переправившихся через Буг поляков. Лесистые и болотистые места пришлось огибать, и полк сделал большой круг, прежде чем выйти к указанной позиции. В это время напрямик прошедшая польская пехота, силою в несколько полков, внезапно преградила дорогу. Пришлось в неудобной местности принять неравный бой. В результате полк отступил и наши посты, которые потеряли связь, оказались отрезанными. Рискуя своей жизнью, взводный командир Журавлев известил о случившемся все три поста и они, хотя с большим трудом, сумели прорваться через кольцо. Но при этом был тяжело ранен один из лучших боевиков и товарищей — Бережный. Добрый конь вынес его из кольца врагов, но польская пуля догнала и сделала свое дело. Поздно к ночи довезли мы до полка истекавшего кровью товарища и смогли оказать ему медицинскую помощь, но она запоздала. Тов. Бережный умер. Рабочий Голубовского рудника, Славяносербского уезда, Екатеринославской губ., тов. Бережный служил в Красной армии почти со дня ее формирования, всегда честно выполнял

свой красноармейский долг и смертью доказал свою преданность трудовому народу. Спи же спокойно, дорогой товарищ. Мы не забудем тебя.

Красноармеец *Мишарев*.

Памяти командира 1-го эскадрона, тов. Абросимова.

После ряда упорных боев с белополяками мы, наконец, остановились в местечке Лопатине (Галиция). Полк разместился по квартирам, но долго отдыхать нам не пришлось. Только заснули—опять тревога. Стрельба ружейная. Выстроились в боевом порядке, и командир повел нас лесом в тыл противника. Наш эскадрон был спешен и открыл частый ружейный огонь по полякам, здорово переполошив их. Снова сели на коней и врезались в панские ряды. Вдруг шальная пуля сразила нашего командира, товарища Абросимова. Взяли мы его с собой и похоронили с оркестром в присутствии всего полка. Тяжело было на сердце, зарывали в могилу своего любимого командира, и поклялись мы над его гробом беспощадно отомстить белым панам.

Красноармеец *Куликов*.

Смертью храбрых.

13 го марта сего года раз'езду в 10 коней из 4-го взвода 2-го эскадрона была дана задача обследовать с. Александровку, Новомосковского уезда, чтобы узнать, нет ли там бандитов. Приехали. Расспросили жителей. Никаких, говорят, бандитов близко не должно быть. Разместились по квартирам, чтобы покормить лошадей. Вдруг, откуда ни возьмись, налетела банда человек в 25. Несмотря на неожиданность, наши ребята не растерялись и стали отстреливаться. Но силы были слишком не равны, а нападение застало врасплох, только четырем удалось пробиться и ускакать из деревни. Шестеро, после геройского сопротивления, были зарублены. Вот их имена: 1) Чугунов, Иван

Васильевич, коммунист, крестьянин Нижегородской губернии, Балахинского уезда, Бурцевской волости, села Соши. 2) Кутузов, Николай Константинович, коммунист, крестьянин Московской губ., Волоколамского уезда, Сердинской вол., дер Соколово. 3) Яковлев, Никифор Дмитриевич, беспартийный, крестьянин Донской области, Таганрогского окр., Больше-Крестовской волости, села Крешанова, 4) Павлов, Александр Трофимович, беспартийный, казак Донской области, Донецкого окр., ст. Каменской, 5) Антонов, Андрей Матвеевич, беспартийный, казак Челябинской губернии, Верхне-Уральского уезда, ст. Полоцкой, 6) Проскурин, Иван Нестерович, беспартийный, крестьянин Полтавской губ., Кременчугского уезда, Светловской вол., дер. Ходковка.

Шесть старых, испытанных бойцов. Шесть честных защитников революции. Шесть крестьян, бросивших свои хаты и плуги и с винтовкой в руках поднявшихся на защиту свободы... Вчера они были живыми, полными энергии и бодрости, уверенные в конечной победе трудового народа. Вчера они мечтали, разбив последних противников—бандитов, вернуться к своим покинутым семьям и приняться на родине за строительство новой жизни.. Вчера... А сегодня? Сегодня—перед нами шесть изуродованных трупов. Шесть новых жертв. Шесть новых трупов. Сегодня их убили бандиты. Горечью, скорбью за эти жертвы, жаждой беспощадной мести по отношению к подлым наполняются наши сердца... Товарищи! Клянемся над их трупами отомстить этим убийцам. Клянемся уничтожить бандитов. И пусть ведут нас к мести тени погибших братьев.

Красноармеец *Щебуняев.*

За великое дело любви.

7-го августа 1920 года под г. Радзивилловым пал смертью храбрых дорогой товарищ Шадрин, Виктор Иванович.

Товарищ Шадрин происходил из крестьян Уфимской губернии, Бирского уезда, деревни Теплинки. Добровольно вступил в ряды Красной армии. Был на всех фронтах. На Восточном фронте сражался с колчаковскими бандами,

получил рану и был вынужден на некоторое время оставить крепко сплоченные ряды. Через полтора месяца, по излечении раны, он снова вернулся в строй, но уже на Петроградском фронте.

И тут не обошла его белогвардейская пуля. Был на Южном фронте — там бил золотопогонников и, наконец, попал на польский фронт, где и погиб от руки польских наймитов. Всегда увлекая своей отвагой и мужеством товарищей вперед, т. Шадрин и сам никогда не оставался сзади. никогда не чувствовал усталости, не жаловался на трудности боевой жизни. Всегда веселый, со всеми одинаково приветливый, с дружеской улыбкой на лице, он был душой своих товарищей.

Не стало храброго защитника Красной Коммуны, который с первых дней революции храбро бился на ее баррикадах.

Польская пуля вырвала из рядов славного командира, хорошего политического руководителя. Более десятка ран нанес ему разорвавшийся польский снаряд. За освобождение униженных и оскорбленных всего мира, за процветание пролетариата отдал он свою жизнь. Он погиб, но его слава, его память не умрет среди наших бойцов.

Вечная память павшему бойцу тов. Шадрину.

Красноармеец *А. Смотров.*

Памяти пом. ком. 1-го эскадрона, тов. Воробьева.

Когда 3-й батареей артдивизиона Особой бригады при Р.В.С. 1-й Конной армии был найден след доселе неуловимого бандита Литвиненко, который своими безобразиями наводил ужас на жителей Екатеринославского уезда, в районе села Михайловки, Карнауховского хутора и др. окр. селах, она стала преследовать его банду. Проследив окончательно местонахождение Литвиненко, решили сделать последний удар для окончательной поимки, и на помощь батарее дан был полуэскадрон 1-го эскадрона 2-го кавполка, под командой тов. Воробьева. Тов Воробьев—крестьянин Орловской губ. и уезда, Володарской вол., с. Прео-

браженского. Бандиты были накрыты на своей конспиративной квартире, и хата была окружена. Но бандиты, видя, что им настал последний час, сдаваться живьем не захотели и стали отстреливаться. Каким-то образом удалось подпалить хату, и красноармейцы бросились к хате, куда впоследствии были брошены три бомбы; в числе бросившихся был тов. Воробьев. Но не суждено было ему торжествовать победу меткая пуля бандита сразила его. Но смерть тов. Воробьева не пропала даром—в результате боя Литвиненко был убит и банда его уничтожена.

Спи мирно, дорогой товарищ. Ты честно выполнил свой долг перед революцией, и смерть твоя и тебе подобных не есть бесплодная смерть—нашей кровью и жизнью мы добьемся светлого будущего...

Спи, дорогой товарищ, мир праху твоему.

Н. Пех.

Один из многих.

Ехали мы на Львов. Жара страшная. Пыль ослепляет глаза. Небо чисто, ни одной тучки, как раз удобная погода для аэропланов. Вдруг со стороны поляков показалась одна, другая, третья точка в небе, ближе, ближе, слышно уже гуденье пропеллеров. И как раз мы находились в таком месте, где от них негде укрыться. Остановились, потому что с аэропланов труднее заметить, когда часть не двигается, но все-таки они заметили нас. Начали описывать над нами круги. Бух! Разорвался снаряд недалеко от нас. Смотрю—как раз надо мной один вьется. Я был в передней тройке эскадрона, в середине, справа — мой товарищ Дмитренко, Екатеринославской губ. Гуляйпольского уезда, а слева т. Омутов, сибиряк, Челябинской губ. Смотрю, аэроплан вьется-вьется над нами, потом—раз! Как будто крылом зачерпнул воздух. Бух! Раздался страшный взрыв... я потерял сознание... Очнулся—смотрю, лошадь моя лежит и уже дрыгает ногами. Кругом лежат окровавленные товарищи. Ощупал себя, оказывается, у меня не было ни одной царапинки. Ох... ох... раздался жалобный стон. Смотрю: стоит лошадь

Дмитренко, понурив толову, а около меня лежит Дмитренко, бледный, весь в крови, и одна рука как-то неестественно согнулась. Я к нему: „Дмитренко“... Вижу, он открыл глаза и посмотрел так жалобно на меня и сказал: „Эх, круто, братишка, а ведь мне еще не хочется умирать, жаль лошадь, хотелось-бы еще повоевать против угнетателей. Про...щ...ай!“ Изо рта у него показалась кровь, он с трудом произносит слова: „Передай родным моим, что я погиб за правое дело. Возьми себе мою лошадь, береги, люби ее, она тебя спа...с... ххxр...“. И он умер. Эх! Жаль было товарища, хорош был боевой товарищ. Но ничего не поделаешь против смерти. Только в сердце пришлось затаить еще большую злобу против врагов трудящихся.

Старый боец *Кружко.*

БЫЛОЕ

Рис. 19. Общий вид казармы.

Рис. 20. Группа бойцов 1-го дивизиона.

Рис. 21. 3-й эскадрон.

Рис. 22. Пулеметный эскадрон полка.

Рис. 23. Группа бойцов полковой школы.

Рис. 24. Уборка лошадей.

Кременецкий бой.

(Рассказ участника).

Полк, в который входил я, принадлежал к группе, возглавляемой некиим Осадчим и состоявшей из маршевой бригады и 1-го Особого полка. Маршевая бригада, под начальством т. Камского, состояла из 2-го (ныне 62-го сибирского) полка и кубанского. Необходимо сказать, что кубанский полк вместе с комсоставом, после отступления Деникина сдался и перешел на сторону советской власти и в том же составе был влит в маршевую бригаду и отправлен на польский фронт. Для ведения политработы в этом полку туда было откомандировано несколько политработников.

11-го июля—начальный день той операции, про которую я хочу сказать. Мы находились в районе с. Бутовцы. Кременец занимали поляки. Вечером, в тот же день, было выставлено сторожевое охранение в сторону Кременца, с которым один из эскадронов кубанского полка, посланный к городу, вел перестрелку. Город Кременец, находящийся в горах, покрытых лесом, представлял из себя естественную крепость, которую было трудно взять Поэтому, ночью 12-го июля 1920 года, группа в полном составе выступила в тыл противника и за ночь успела незаметно пройти такое расстояние, что мы находились уже за Кременцом. На другой день, рано утром, нашей разведкой был перехвачен автомобиль, в котором ехал какой-то польский генерал со своим ад'ютантом, везший приказы кременецкой польской группе. Наша задача была занять переправы через реку, что нами было сделано. Работая в тылу противника, внося в его ряды панику фактом присутствия большой конной группы, мы часто перехватывали вражеский обоз, ловили офицеров. Требовалось, однако, много работы и напряжения, чтобы не остаться в мешке и не пропасть всей конной группе.

Раз'езды нами посылались чуть ли не через каждые 15—20 минут в разные стороны, но мы пользовались также и сведениями, получаемыми от населения, которое, сравнительно, относилось к нам хорошо о чем можно также судить и по рассказу одного из наших красноармейцев, попавшего в то время в плен к белополякам и спасшегося только благодаря крестьянам соседнего села.

План нашей операции был таков: занять главную переправу, которая служила сообщением тыла поляков с Кременецкой польской группой, и шоссе, по которому должны были бы отступать поляки, если бы были выбиты из Кременца. Для выполнения этой задачи было сделано следующее: один эскадрон кубанского полка был послан через переправу, уже занятую нами, у села Дунайцы, что на другой стороне реки, и имел задание напасть оттуда в тыл поляков, охранявших главную переправу, 62 му полку был приказ наступать на поляков в лоб, что, конечно, было не из приятных развлечений, так как у поляков; было хорошее укрепление, оставшееся еще от империалистической войны. Но приятное ли развлечение или нет, а приходилось итти в наступление, так как эскадрон кубанского полка, посланный на ту сторону реки, вернулся ни с чем, без всякого успеха; так что единственный путь был указанный 62-ому кавполку. Необходимо заметить, что в нашем полку людей было не полное количество, ввиду того, что многие были посланы в раз'езды, охраняли пути выхода из тыла и т. д., что, конечно, особенно повлияло на исход боя.

Поляки уже заметили наш маневр и начали обстрел нашей группы из пулеметов и орудий. Самой переправы не было видно, так как почти вся речка по берегам заросла мелким лесом, кустарником, а по берегу реки в старых окопах сидела польская пехота, огороженная проволочными заграждениями. С нашей стороны, как артиллерия, так и пулеметы старались не отставать в общем гимне орудийных, пулеметных и оружейных выстрелов; когда был несколько подготовлен путь, раздалась команда „в атаку". Несмотря на сильный огонь противника и укрепления, мы быстро добрались до окопов с шашками наголо и уже приступили чесать направо и налево польских панов, как вдруг, с правого фланга, набросилась на нас помощь, посланная из

Кременца для защиты переправы, и нам, под превосходством силы огня противника, а также и большого скопления сил, пришлось отступить. Поляки, видя, что им удалось отбить нашу атаку, бросились за нами следом, под сильным огнем пулеметом и орудий, и хотели даже отбить первую переправу, бывшую в наших руках, но это, разумеется, им не удалось, так как мы успели немного оправиться от нанесенного удара, рассыпались в цепь и отбили поляков, несмотря на то, что бой шел три часа, и удержали переправу за собой.

Во время этого боя, когда мы отступили от главной переправы, у нас были раненые, которых мы успели забрать с собой, а один из красноармейцев, некто Смольников из 1-го эскадрона, 62-го полка, тяжело раненый в грудь на вылет, остался лежать на поле битвы. Мы хотя и пытались несколько раз взять его, но вследствие сильного огня противника нам это не удалось. Тоскливо сжалось сердце каждого бойца, в особенности, когда мы увидели, что то место, где лежал товарищ, уже занято поляками. Ну, думаем, теперь уже участь раненого бойца известна, решена...

После боя вся наша группа переправилась через реку Дунайцы, еще глубже в тыл противника, на переправе поставили пулеметы, выставили заградительную цепь, в спешенном строю, которая зорко смотрела за тем, чтобы поляки не напали на нас врасплох, и расположились на ночлег. После тяжелой работы в такую жару, какая бывает только на юге, бойцы были утомлены, и как только прилегли в душистую траву молодого хлеба, держа в руке или привязав к себе за ногу свою лошадь, предварительно вынувши железо изо рта, чтоб не гремела, заснули, как убитые. Кругом было тихо... Лишь кузнечики потрескивали в траве да изредка раздавалось фырканье лошади.

Уже свернуло с полуночи... Месяца на небе не было, только звезды тихо смотрели на спящую землю, да ночные птицы, пролетая, вскрикивали и пропадали в темноте июльской ночи... От наступавшей утренней свежести бойцы начинали вздрагивать, лежа в траве, свернувшись „калачиком“, положив голову на грудь, чтоб сохранить тепло; лошади паслись рядом, а некоторые, наевшись, лежали привязанные к всаднику и тоже сопели... Природа спала...

А в то время цепь, лежавшая на берегу и охранявшая переправу, заметила, что впереди стукнуло, как будто походный котелок звякнул. Запыхавшись, побежал подчасок и доложил взводному, что замечено впереди... зазвенел котелок... Это сообщение передали по цепи, бойцы встрепенулись, пулеметчики приготовились около своих пулеметов. Тихо... по телефону передали батарее, чтоб приготовилась... Подчаски опять подбежали; докладывают, что на расстоянии пяти—восьми сажень заметны поляки, окапывающиеся перед цепью. Было приказано часовым, чтоб отступили на линию. У каждого бойца глаза направлены в сторону противника.. Сердце учащенно билось, каждый зажал крепко в руках винтовку, единственную надежду в бою. По цепи передали, чтобы приготовили бомбы для атаки и по первому выстрелу открывать огонь частый из винтовок и пулеметов...

Бум... гам... та-та-та-та... заклокотали пулеметы, затрещали винтовки, загромыхала артиллерия... Белополяков не было видно, лишь по вспышкам огня можно было определить цепь противника. Винтовки от сильного огня так разогрелись, что нельзя было держать в руках... Так продолжалось до утра и лишь вместе с рассветом прекратилась бойня, стала умолкать стрельба, поляки отступили на свои прежние позиции, оставив на поле боя много убитых и раненых. Раненые стонали, ползали по траве, проклиная своих за то, что те бросили их, не подобрали...

Так была отражена попытка противника выбить нас из занятой нами позиции у переправы на реке Дунайцы.

В общем, надо признать, что если бы была правильная связь с соседними частями, то благоприятные результаты нашего рейда в тыл противника могли бы оказаться налицо и имели бы решающее значение на положение в Кременецком районе, но вся-то беда в том, что, находясь в тылу противника, наша группа никакой связи не имела, а некоторые части даже и вообще не знали о том, что мы находимся в рейде. Противник же старался обложить нашу группу своими частями и уничтожить ее, так что положение 13 го июля было очень серьезным.

Полякам удалось нас обстрелять не только из орудий, но даже из пулеметов и винтовок. В результате, артиллерия наша, попавшаяся на узкой лесной тропинке, осталась в

руках поляков, а самой группе едва удалось вырваться и присоединиться к своим частям. Правда, через некоторое время орудия были отбиты, да, кроме того, были взяты и польские орудия, но все-таки по этому делу,—оставления батареи в руках противника—были отстранены от должности комбриг и комполка, которые затем были. конечно, освобождены.

Теперь только, по прошествии большого промежутка времени, в мирной обстановке. можно рассуждать о том, кто был прав, кто виноват, а в то время было не до этого, — тогда нашим бойцам было стыдно показаться в среде красноармейцев других частей, все смеялись. И злы же были наши бойцы! Если бы удалось поймать какую-нибудь часть поляков, то, вероятно, камня на камне не оставили бы от них. Так на другой день и было, когда поляки уж очень близко подошли к нашей группе, надеясь, что теперь ее можно взять чуть ли не голыми руками. Они глубоко разочаровались. Наши бойцы дрались, как львы, мстя за все, – и за тов. Смольникова, и за орудия, и за то, что пришлось оторваться от семьи. В результате, у поляков в том бою было взято три пушки, четыре пулемета и человек сорок пленных.

Все бы это было ничего, но тут к тому же мы получили сильный удар в спину: кубанский полк целиком, под руководством своего комсостава, перешел на сторону белополяков, чем морально нанес ущерб нашим ребятам. Хоть, с одной стороны, и хорошо, что наконец-то отделались от предателей, которые больше и виноваты в сдаче батареи: пословица правду говорит: „как волка ни корми, а он все в лес смотрит".

Напоследок произошел казус, который так взволновал наших ребят, что были забыты все неудачи и неприятности.

Рано утром, после того, как уже солнце взошло и осветило туманные поля, среди наших ребят прошел слух, что Смольников вернулся. Сначала этому никто не хотел верить, но затем, когда Степа (так звали Смольникова) появился среди нас, то уж пришлось поверить. Оказалось, по рассказу Степана, что когда он остался лежать раненый на поле боя, то от потери крови заснул, и поляки, повидимому, сочтя его мертвым, не тронули и оставили в покое.

Он проснулся поздно ночью, ему хотелось пить, но он опять заснул и вновь проснулся уже тогда, когда солнце пекло. Лучше умереть, думал он, чем мучиться от жажды.

С этой мыслью он огляделся кругом и увидел невдалеке какого-то человека, который, подойдя к нему, сказал, что поляки ушли дальше. Степу, с помощью односельчан, он перетащил в старый блиндаж, где его лечили и кормили крестьяне. Затем он увидел наш кубанский полк, перешедший на сторону поляков, хотел крикнуть, но его крестьяне предупредили, что кубанский полк уже не советский. Он пробыл еще некоторое время в блиндаже, рана его зажила, оставив след. Отдохнул, набрался сил и, опять-таки при помощи тех-же крестьян, добрался до своей части, а затем уже и в полк. За такой геройский поступок тов. Смольников был представлен к награждению орденом Красного Знамени, каковой получил, и затем уже участвовал вместе с нами в боях против тех же белополяков, которые, вместе с кубанцами, были отогнаны.

Так окончилась наша операция в тылу белополяков в районе Кременца.

Таранов.

Кубань—Москва.

Товарищи-бойцы помнят Кубань, ее бесконечные черноземные степи, ее невылазную, тягучую грязь, тяжелые условия учебы первых месяцев мирного расположения после ряда тяжелых военных лет.

Там мы проводили первые наши старые годы, старых не годами, но военным опытом, товарищей-однополчан. Лучшие боевые традиции, память лучших успехов—связаны с их именами. Разве не каждая славная страница истории полка сопровождается перечислением их имен, имен героев, создавших славу доблестному полку, давших ему за свою любовь к Республике Советов—Красное Знамя ВЦИК'а?

Покидая Кубань, полк имеет не одно признание лучших граждан-станичников в их благодарности полку, дававшему своим пребыванием и деятельностью много поводов быть родным полком трудовому казачеству.

Полк принимал самое активное участие в очищении своего района от разного рода бандитских шаек, мешавших мирному хозяйственному порядку и создававших нервное впечатление на население.

Во всем заметна творческая и твердая работа и рука полковой партийной организации. Несколько кампаний по ликвидации неграмотности и культурные навыки, привитые в полку его составу,—отводят полковой партийной организации одно из самых важных мест в общей дружной работе строевого и партийного составов.

Командный состав, воспитанный на полях гражданской войны, правда, не раз делал ошибки, сбиваясь с мирного пути на военный. Одна семья полковая, исправляя иные свои ошибки, сохранила свою гордость и силу и по настоящее время.

Сила: 14-ый кавалерийский полк, отличенный в боях центральным правительством, готовит себя в эти минуты испытать радость встречи с ненавистным буржуазным строем—с изящным, вылощенным европейским белогвардейцем-фашистом.

Гордость: Красное Знамя ВЦИК'а — под ним сейчас стоит молодой красноармеец, стоит бодро, гордо, зная, что ему вверено охранять знамя, заработанное многими жизнями, его старыми героями-бойцами.

Москва — Столица СССР — заслуженное место полка. Мы—в центре нашего союза. Здесь мы учимся и... готовимся. Отсюда удобнее видеть, чем с Кубани. Мы—молоды годами, но с нами слава полка, вера в победу и опытные командиры. Наш девиз: „В любую минуту мы станем — шашки к бою, если это будет нужно всемирной социальной революции и скажет нам Коминтерн".

А пока... будем продолжать учиться побеждать.

Наркевич.

Наши политруки.

Их было больше двадцати; взвод солдат Октября. Это—незаметные люди, дела их проявлялись значительно позже, они оправдывали свое назначение: политические руководители. Они—воспитанники революции; вчера красногвардеец, сегодня политрук. Все учились в гражданской войне, она была для них университетом. Наиболее законченных, беззаветных революционеров полку дали рабочие Урала, сибиряки, молотобойцы лучше всех и впереди всех. Таковы т.т. Петухов, Стерликов. Трудно было устоять золотопогонникам против рабоче-крестьянских отрядов, во главе которых стояли такие политруки. И верно: не устояли. Люди из стали, хорошо закаленного материала. И если приходилось им уходить — смена стоила "стариков", ученики оказывались достойными своих учителей. Свое дело, дело воспитания красноармейцев, выполняли и выполнили хорошо. Они создали тип красноармейца. Таковы политруки войны. Честь и слава им...

Политруки мирного развития, передышки, в большинстве своем—ученики старшего поколения. Те — красногвардеец-политрук. Эти — красноармеец-политрук. Школой 1 ступени послужили фронты, но этого оказалось недостаточным. Дальнейшее образование получили на различных политкурсах. Выработался и постепенно вырабатывается тип политрука-учителя. Только ступенью выше. Только без партизанских набегов. Только с системой, планом. И в этом отношении достигнуты некоторые результаты. Они постепенно идут к победе над врагом — неграмотностью. Быть грамотным — лозунг всех, но в первую очередь у политрука. Задача политрука: создать гражданина-бойца. И данные говорят за это. Таковы политруки „междудействия".

Лучшие пожелания им...

И. М.

Ночной бой под Львовом.

(Рассказ участника).

Лежим это мы под просом, за леском, в цепи. Ночь тихая, темная, но звездная. Помню, тепло было и почва мягкая под боками, а к тому же мы почти три дня не спали, все в походе были и в боях, да и ребята все были беспечные; словом, все условия для спанья очень благоприятные, благо еще у нас и командир эскадрона был немного из трусливых: боялся к цепи подходить. А на него глядя, и комзводов тоже не очень-то посещали нас: расставили нас да и пошли назад в лесок, к коноводам. Поляки всего в двухстах шагах от нас сидели в окопах и выжидали удобного случая, когда наша братва заснет, а из ребят и в самом деле почти половина спала самым сладким сном и их дружный храп дивной мелодией, вероятно, отдавался, в ушах белополяков. А спать хотелось прямо до ужаса! Кое-как боролись со сном я, да еще несколько товарищей, зная по опыту, какая плохая штука спать, когда стоишь на посту. Но в конце концов и мы не выдержали, хотя и старались развлечься, чем только было возможно: любовались видом Львова, который был от нас, приблизительно, верстах в семи, так что видны были мерцающие огоньки фонарей.

Скучно стало ребятам, начали собираться по группам, беседуя о прошлых днях и выражая надежду на лучшее будущее. Один из товарищей предложил очень заманчивую штуку—разбиться человек по шести-семи и одним наблюдать, по очереди, а остальным спать. Все, конечно, с радостью ухватились за эту мысль, так как на самом деле все хотели спать и забыли даже на время про свои обязанности в цепи. Недолго думая, осуществили ее, а некоторые из более предприимчивых просто пошли в лесок к коноводам и там улеглись. Участок наш, надо заметить, был очень важен и задача нашего эскадрона была очень ответственна. Несмотря на это, почти весь эскадрон спал.

Мне пришлось дежурить в первой группе. Было уже часов 12 ночи. Стоим мы, а сон давит, но стараемся не поддаться, тем более, что я уже однажды получил сонный по башке от белополяков прикладом, да так, что и до сих пор чувствуется. Вдруг слышим мы впереди какой-то подозрительный

шорох и шум: впереди маячат несколько фигур, и тут только понял я, какую мы оплошность сделали своей беспечностью.

„Ребята, вставайте, поляки"... быстро, шопотом начали будить мы своих товарищей, и расталкивать их. Тут ребята вскочили, как угорелые, и, спросонья ухватив винтовки, хотели удирать. „Куда вы, что вы делаете?—закричали мы, ведь весь полк погибнет и батарею заберут, если мы цепь свою бросим. И тут же начали посылать своих ребят—часть вправо, часть влево, а некоторых к коноводам, чтобы будили их быстрее. А белополяки, хотя и дурные, а хитрые, хотели нас сонными захватить. Тихо приближаются они к нашей цепи, не чувствуя того, что мы уже готовы их встретить. Вот уже слышен их неясный гомон. У нас тихо, ни выстрела Вдруг раздался рев сотен глоток со стороны белополяков, бросившихся на нас, и началась потасовка. Стрельба из винтовок, пулеметов, рев массы, все это смешалось в неясный, ужасающий шум, и я помню, как в этом аду на меня бросился толстый поляк с зверским лицом и хотел ударить штыком, но я не сплошал и отбился встречным ударом. Нам пришлось отступить от этой позиции, и только утром, когда наша братва немного пришла в себя, мы обратно забрали прежнюю позицию, хотя это стоило нам значительных жертв.

Так мы своей беспечностью чуть не потеряли важный участок фронта.

Кружко.

А все же мы вышли победителями...

Было дело под местечком Лопатином, на польском фронте.

Утренний туман до того сгустился, что в пяти шагах от себя было трудно разобрать фигуры людей. Мы вышли в открытое поле, в небольшую долинку за деревушкой. Пули, как шмели, жужжали по всем направлениям и в воздухе стоял какой-то непонятный шум. Вдруг с правой стороны противника раздается раскатистое, протяжное „ура" и через несколько минут топот лошадиных копыт известил нас о

надвигающейся атаке. Наши лихие кавалеристы, крепко держа клинки в руках, приготовились к атаке. Вскоре закипел горячий бой.. Сначала раздалось несколько отрывистых залпов наших кавалеристов и ряды наступающих поляков расстроились. Противник стал быстро отходить. Момент был самый благоприятный для нас. Лихо взметнулись шашки в руках бойцов и полк понесся в давно жданную атаку. Поляки не выдержали и обратились в бегство. Нам представилась полная возможность поохотиться за ними.

Увлекшись победой, мы стали далеко гнать противника, а в это время к нему на помощь подошел целый полк. В пешем строю они стали наступать на нас, пользуясь туманом и низменностью, и отрезали нас с тыла. Тогда мы сбились в кучку и образовали ядро. Пулеметы нещадно косили нас справа: у многих были убиты лошади. Через несколько часов раздалась команда командира полка: „вперед", и мы стали быстро двигаться к противнику.

Снова завязалась схватка, удары шашек мерялись с ударами штыков.

Дружным натиском мы прорвали цепь поляков и стали забирать пленных и трофеи. Туман стал рассеиваться, и солнце ласково улыбалось нам, как бы торжествуя вместе с нами победу.

2-го эск-на *Сибиряк.*

Бой под м. Радзивиллово.

Стояли мы в местечке Радзивиллово. Наш 1-й эскадрон занимал переправу через речку и следил, чтобы поляки не перешли на нашу сторону. Правей нас версты на 1½ стоял эскадрон 1-го кавполка, занимая тоже переправу.

Занимать переправу пришлось долго, и мы были все утомлены, так как спать не приходилось в виду близости противника и часто по ночам была перестрелка с поляками.

Спустя 20 суток к нам на смену пришел 4-й эскадрон, и мы очень обрадовались. Мы думали: вот теперь отдохнем после продолжительного дежурства; но вышло не так, как мы предполагали.

После смены мы отошли назад на полторы версты, в деревню, и разместились по квартирам, так что на каждую хату пришелся взвод. Командир эскадрона, тов. Абросимов, находился как раз в нашем взводе, и мы стали на квартиру вместе, заняв клуню. Недалеко от нас стоял полевой штаб бригады. Вскоре мы заснули богатырским сном.

В эту ночь поляки, выбрав более удобное место для переправы в районе эскадрона 1 го полка, незаметно перешли через речку и оказались на нашей стороне. Тут они открыли ружейный и пулеметный огонь по нашим заставам, и, так как это было неожиданно, то заставы, отстреливаясь, стали отходить от переправ. Наша батарея открыла беглый огонь по противнику. Мы же спали мертвецким сном и, хотя стрельба была от нас недалеко, не проснулись, пока не разбудил нас сам комбриг, тов. Степной, которому пришлось чуть не каждого из нас в отдельности хорошо встряхнуть..

По приказанию комбрига мы живо вскочили на коней и поскакали на помощь эскадрону 1-го полка, который был уже не в силах держаться, так как патроны были на исходе.

Наш геройский командир—тов. Абросимов, понимая важность задачи. повел нас карьером на прорыв поляков. Доскакав до леса, мы спешили два взвода, которые в пешем строю пошли по болотам, так как всем неудобно было итти в конном строю.

Подойдя совсем близко, несмотря на огонь противника, мы сначала открыли частый ружейный огонь, от которого поляки немного смешались. Видя их замешательство, командир эскадрона подал команду—„в атаку, в пешем и конном строю", и мы с криками „ура, даешь поляков"—бросились за командиром эскадрона, который всегда был у нас впереди. Дружной атакой мы сбили поляков, и тут началась рубка, что называется, направо и налево. Нами было много порублено и захвачено много пленных и трофеев. Так что хотя мы и спали, но не проспали и задали перцу поляку, чтоб нас не беспокоил и чтобы знал, что мы, не выспавшись, очень сердитые бываем.

Таким образом наша позиция была вновь восстановлена, и эскадроны, придя в порядок, вновь заняли переправы.

14 к. п. особ. бриг. *Куликов.*

Бой под Грубешовым.

Балки, холмы, рытвины. Наши коноводы расположились в ложбине, но все-таки из этой ложбины виден костел польский из Грубешова. Спешенные бойцы частыми ружейным и пулеметным огнем жарят по окраине села. Командир полка был у нас тогда т. Ракитин, а командир эскадрона— Перфильев. Славные ребята. С ними пошел бы куда угодно.

Смотрим, один, два, три и так далее—удирают поляки. „По коням!" — крикнул комполка, и с громким „ура" мы ринулись в село. Начали тасовать белополяков, аж клочья с них летят. Мы бы всех их тут захватили, да вышло два маленьких недоразумения: первое — то, что когда мы их начали лупить уже во всю, смотрим — по балке слева показалась громадная колонна быстро несущейся на нас кавалерии. Мы не ожидали своих, и когда увидели на нас несущуюся кавалерию, то немного смутились, пока не узнали, что то была наша 4-я дивизия. Второе недоразумение то, что батарея 11-й дивизии и наша, не учтя того, что мы все-таки быстро двигались за поляками, начали жарить наши по нашим из орудий и устроили нам заградительный огонь. Поэтому часть поляков удрала в лес. В костеле, на самом верху, был польский пулемет, из которого стрелял по нас ксендз. Так мы его торжественно вниз головой с костела отправили путешествовать в вечность.

Кружко (3 й эск.).

В плену у бандитов.

Рано утром 3 февраля сего года назначили меня с 4-м взводом 3-го эскадрона в раз'езд и дали задачу узнать, какие части стоят в дер. Широкобалке. Приезжаем в Варваровку и спрашиваем крестьян: „Кто стоит в деревне Широкобалка?" А они отвечают: „Там никого ни бачили, не знаем". Едем дальше.

Только-только под'ехали к деревне Широкобалка, думая заехать в крайнюю хату спросить, кто там есть, вдруг с

окраины выскакивают бандиты и начинают по нас стрелять. Первым залпом они ранили мою лошадь, которая прошла польский и врангелевский фронта, а тут не могла меня спасти. Видя, что лошадь падает, что я все равно пропаду — направляюсь пешком в деревню, а шесть человек бандитов с шашками летят ко мне. Ну, думаю, пропал — зарубят. Окружили меня. Передний слезает с коня и первым долгом за плащ. Другие то же самое: кто в карман лезет за деньгами, кто пояс стаскивает, чуть не передрались, как волки из за добычи. Потом подкатила тачанка с пулеметом и оттуда выскочил какой-то старый бандит с большущей рыжей бородой до пояса и говорит: „что, попался, „коммунист"?. И давай меня плеткой. Тут и другой бандит ударил меня прикладом по лицу, так что искры из глаз посыпались и кровь потекла. Я уже думал — добьют, оказывается.—нет. Стали спрашивать, кто я такой, какой губернии, „кацап" или кто другой. Я им и говорю—мол, казак донской. Повели меня к своему батьке Матвиенко. Сначала завели в одну хату умыться, так как с разбитого лица у меня лилась кровь. Умываюсь, а сам начинаю лясы точить с ними, они и рты разинули и уши развесили. „Этот, говорят, своим будет".

Привели к батьке. Вижу, сидит в переднем углу их батько в красном полушубке, с новым маузером. Засмеялся. „Что, говорит, у тебя такое?". Я отвечаю: „Сам знаешь— война", и думаю, — как их назвать? Бандитами — убьют, пожалуй; „товарищами" —тоже как бы чего не вышло. Наконец, надумал. „Батько, говорю, я и тебе, пожалуй, служить буду". „Ага, говорит, такой-сякой, служить будешь? Узнал, что Николай Николаевич Дон и Кубань заняли, а Петлюра с Врангелем в Киев вошли". „Что ж, отвечаю, и Буденный то же самое нам говорил и в газетах у красных о том написано". А он выслушал, да и говорит: „Ну, коли служить будешь, так я тебя полечу немного". Струхнул я. Чем, думаю, лечить он меня будет, не маузером ли? Ан. нет. Взял пузырек с иодом и помазал мне ушибленное место.

В это время приводят еще двух из моего разъезда: Палкина Степана и Свистунова Ефима, и они тоже служить соглашаются.

Вот Матвиенко и приказывает своему ад'ютанту посадить нас на лошадей. Дал таких кляч, что дай бог за деревню выехать, как раз выезжать пришлось.

От'ехали верст 10, глядь—погоня: наш 3-й эскадрон, как потом оказалось. Едем мы с Свистуновым самыми задними, а Палкин - на подводе у мужика. Подводчик—молодой парень из дер. Варварки, рожа зверская, тоже, наверное, из бандитов. Видя, что эскадрон догоняет, бандиты поскакали рысью. Насчитал я их человек со 100. Тачанка с пулеметом и три обывательские подводы с салом, хлебом и разным барахлом. Мы тоже к повозкам присоединились. Вот Палкин и говорит подводчику, чтобы он не гнал лошадей и потише ехал. А тот возьми да и скажи бандиту, который на подводе сидел: „Этот коммунист хочет остаться и не велит гнать". Бандит берет обрез и тут-же пристреливает Палкина, а подводчик сбрасывает его в снег и нам погрозил: „и вам то же самое будет".

Притихли мы. Думаем, когда ночь будет, тогда удерем. А эскадрон все ближе и ближе. Смотрим, бандиты рассыпаются в лаву и в атаку. Но в это время полк подошел и бросился на эту шайку. Бандиты—кто куда, а мы с обозом, значит, в сторону повернули. Догоняют нас два бандита. „Текайте, говорят, красные наших рубят". Поехали с обозом по балке. Вижу я, что остаются с нами только два-три бандита, и шепчу Свистунову как бы нам обоз захватить да их перебить? А он говорит: „Куда же мы с ним денемся, ведь мы совсем в другую сторону от полка едем, да и темнеет уже". Так и отложили свою мысль.

А бандиты тоже струхнули. Под'езжает один и говорит: „А ведь я, братцы, тоже не против советской власти". Ладно, думаем, запел себе".

Переночевали на одном из хуторов, а утром на обывательской подводе двинулись обратно. Приехали в Грушевку и застали там свой обоз. Там уже были и трупы убитых товарищей: Шарова Ивана и Игошкина Максима, которых бандиты зарубили, когда погнались за моим раз'ездом. У Игошкина лошадь ногу сломала, и он соскочил с лошади, отстреливался, пока не зарубили его и Шарова. Жаль, очень жаль было видеть трупы своих старых, дорогих товарищей.

Тов. Палкин был уроженец Симбирской губернии. Шаров—москвич, а Игошкин—не знаю. Всегда они были первыми на фронте, всегда служили образцом храбрости и бодрости. И так захотелось отомстить, при виде их, этим подлым бандитам.

Помк-ра взвода *Ковалев*.

Сорвалось.

Послали меня сднажды в раз'езд на село Асово. По сведениям, там стояли колчаковцы. Едем. Только приблизились, по нас сразу залпом... А у меня во взводе в то время был некий Давыдов, от'явленный кулак и белогвардеец, не знаю даже, как он попал в Красную армию Вот увидал он, что, пожалуй, нам не сдобровать, и решил „подсобить" своим. Ехал он сзади меня и—бац из винтовки. Только не суждено было мне умереть от советского оружия. Промахнулся, подлец. Я к нему: „Ты это что задумал". „Случайно, говорит, нечаянно". Пригрозил я ему и говорю ребятам: „Айда, вперед". Полетели. Беляки струхнули и удрали... По приезде в деревню приходит ко мне этот Давыдов. Так и так, говорит, прости. По злобе это я. Больше никогда не буду. Только не выдавай... Расстреляют... Вижу я, что парень того... Лица нет.—Махнул рукой. „Ладно, говорю, не попал, и ладно .. чего там. Однако, недели через две этот тип был пойман в какой-то проделке и попал таки в исправительную роту.

Взводный командир *Сухов*.

Образцовый политрук.

С начала формирования 62-го кавполка тов. Стерликов вступил в его ряды красноармейцем. Своей храбростью и исполнительностью, а равно и деятельной агитацией среди своих товарищей и крестьян, он быстро выдвинулся и был назначен политруком своего эскадрона. Всегда среди своих красноармейцев, вместе с ними и в бою, и в походе, и на отдыхе, - тов. Стерликов заслужил себе всеобщее уважение.

Его усилиями создана крепкая ком'ячейка, постоянно пополняющаяся новыми членами, и налажен образцовый порядок в эскадроне. На всех стоянках он старается вести усиленную работу среди местного населения, помогая ему не только словом. но и делом. Например, при остановке на несколько дней в селе Васильевке, Новомосковского уезда, он организовал комнезамож и оборудовал общественную кузницу.

Тов. Стерликов — самоучка, не окончивший никакой школы, рабочий Пермской губернии, с первых дней революции вступил в ряды красной гвардии и до настоящего времени находится на передовых постах Советской Республики. Побольше бы нам таких политруков.

Красноармеец *Апухтин.*

В тылу у белополяков.

Во время рейда нашей 1-й Конной армии по тылу поляков, в районе мест. Комарово, Холмской губ., в одном из местечек расположились обозы штаба армии, особой бригады и частей II-й дивизии.

Дело было 30 августа 1920 года. Рано утром послышалась частая ружейная стрельба.

Это, оказывается, поляки обошли наше местечко с трех сторон. Вышло это так неожиданно, что поднялась сильная паника и все пустились бежать кто куда,— кто на фурманки, кто постромки пообрезал, а кто и пешком к лесу. Во время панического бегства было брошено много повозок с патронами и прочим военным имуществом, несколько тяжелых орудий и радио станция. Но среди общего переполоха нашелся один красноармеец, который не поддался панике и, схватив первый попавшийся на глаза ручной пулемет, стал призывать товарищей сгрупироваться к нему и взять винтовки, чтобы отразить поляков.

Это был красноармеец Сибирского кавполка,—т. Медведев, который находился при обозе 1-го разряда этого же полка.

Собрав некоторое количество красноармейцев,—т. Медведев рассыпал свой малочисленный отряд в цепь и ринулся с ним к опушке леса, где группировалась польская конница. Передняя лава уже бросилась на нас, когда т. Медведев скомандовал своему отряду „вперед" и цепь с криками „ура" бросилась навстречу полякам.

Получив неожиданный отпор и ошеломленные дружными залпами, поляки смешались и, потеряв несколько убитых и раненых, повернули обратно в лес.

Так была отражена первая атака. Видя, что дело поправляется, и остальные обозники мало-по-малу стали стекаться к отряду, и у т Медведева образовалась пехота до 500 штыков и полуэскадрон кавалерии. После этого, заняв пехотой старые германские окопы и разбив конницу на две группы, т. Медведев выслал раз'езд, чтобы осветить местность и послал донесение начальнику штаба армии обо всем случившемся, сообщив, что брошенные орудия и другие трофеи снова отбиты и спрашивая, что дальше делать и с кем держать связь.

Под прикрытием этого отряда обоз спокойно стал отходить в лес, где и остановился.

В это время пришло известие от начальника штаба армии и предписание явиться к нему начальнику отряда. За проявленное хладнокровие т. Медведев получил благодарность и приказание, связавшись с частями II дивизии, отступить на указанное место.

Так нашелся среди красноармейцев самоотверженный и преданный революции человек, который сумел увлечь массу и спасти весь обоз с армейским имуществом.

Честь и слава таким бойцам, как т. Медведев!

Т. Медведев, Михаил Антонович, уроженец Медвеженского уезда, Ставропольской губернии, дер. Пкочаноконской. В германскую войну он служил в Кавказской и кавдивизии, в 18-м драгунском Северском полку, вместе с т. Буденным, а в эту войну был в 50-й дивизии, в 1-м легком арт-дивизионе. С мая 1920 года, переведенный в Сибирский полк, он всегда служил примером для красноармейцев, как честный и сознательный боец. Т. Медведев теперь находится в нашем полку и аккуратно исполняет все возложенные на него обязанности.

Красноармеец *Воронин.*

Славная поимка.

Это было на Восточном фронте. Накануне наш полк сделал попытку переправиться через реку Чусовую. Неудачно. И после жаркого боя отошел обратно. Часа в 4 утра посылают меня со взводом на тот берег, где был бой, разведать, ушли ли белые. Переправились. Никого нет. Ушли. Решили поехать дальше. Пустили рысью. Видим, впереди деревня, а по дороге к ней пехота движется. Раз! Раз!—Залпом. Как зайцы, прыснули. Поймали мы человек тридцать. Что с ними делать? В полк вести—погоню бросать жалко. С собой взять,—а вдруг сами наскочим, да отберут их обратно. Решили сдать их жителям на сохранение. Так и сделал. Приехали в деревню. Мужики сбежались. Я и говорю им: „Так, мол, и так—возьмите их, пожалуйста, в „холодную". „С большим удовольствием",—отвечают. Вот позабрали их мужики—ведут и в спины подталкивают. А я крикнул своим ребятам, и айда дальше. У второй деревни снова догнали беляков. А надо сказать—местность у Чусовой лесистая. Не разглядишь, сколько нас. Вот мои колчаковцы решили (у страха глаза велики), что нас, должно быть, полка два или больше. И по хатам разбежались. Послал я к ним для переговоров одного хлопца. „Об'ясни им, говорю, что нас целый полк и мы их всех порубим, если не сдадутся". Забрали мы тут три пулемета да триста пехотинцев—(винтовки, впрочем, были не у всех: „храбрые" побросали их еще по дороге) и погнали. Как же удивились они, когда узнали потом, что их взял в плен один взвод! А братва посмеивается: —„Ну что,—говорят,—видите, как с красными воевать? Молчат, затылки почесывают.

Взводный командир *Сухов*.

Меня не поймаешь. А поймаешь—так не удержишь.

Это случилось в Крыму, когда мы дрались с врангельцами. Под селом Александровкой, Днепровского у., Таврической губ., был здоровый бой. Много тогда насело на нас белых. Командира полка убили. Неустойка случилась, и я попал в плен. Забрал меня один калмык. Зарубить сначала

хотел, а потом раздумал. „Скидай, говорит, плащ". Стал я снимать нарочно медленно, чтобы время оттянуть .. Гляжу— а мой калмык кобурами занялся. Белье вытаскивает. Вот и решил я бежать. Благо огороды рукой подать (дело было на улице села Александровки). Сказано - сделано. Махнул я через забор и—айда по огородам. Бежал, бежал, наконец, зарылся в солому на одном дворе. Пролежал суток двое, а потом пришел и наш полк, и я вернулся в свой эскадрон.

Красноармеец *Гамзиков*

Из воспоминаний бойца.

(По дороге на Западный фронт).

Вспоминаю... Не так-то давно, после разгрома деникинской армии, наш полк стоял на отдыхе (вернее, формировался) в 25 верстах от гор. М., в деревне М. Федоровка.

Бойцы были расквартированы по 2—3 человека; обращение к нам населения было хорошее, относительно довольствия было тоже хорошо.

В первые дни отдыха красноармейцы были заняты приведением в порядок лошадей, обмундирования, подготовляясь к предстоящей войне, зная, что у нас на западе открылся новый фронт и что он требует от нас еще большей энергии в борьбе против надменных ляхов.

Правда, стоянка была веселая, но скоро она нам наскучила. Пошли среди красноармейской массы толки: как они на Сибири разбили Колчака, на западе—Юденича и на юге—Деникина; при этом вспоминают и об отважных бойцах, отдавших жизнь за свободу.

Но вот один из товарищей своим грубым баритоном оглушает всех:

— Что вы говорите о чем-то прошлом, не лучше ли поговорить о настоящем? Вы не забывайте, что у нас на западе идет война, где уже бьются наши товарищи. Эх, чорт побери, надоело сидеть на месте, хотя бы скорее на панов.

Только проговорил он это, вдруг, подбегает к нашему кружку красноармеец и говорит:

— Товарищи, новость! Завтра в 10 часов утра наш полк должен погрузиться в вагоны для отправки на фронт.

Не успел он договорить, как из грудей этой кучки красноармейцев раздалось громкое „ура“.

В эту же ночь мы выступили на станцию, где к назначенному времени погрузились в вагоны.

Ко времени нашего от'езда на станцию с оркестром пришел полк красных командиров, и под крики „ура“ и пение революционных песен наш эшелон отбыл.

Да, весело было стоять на месте, но еще веселее стало на душе нам, когда мы поехали в поезде;

На одной из станций Юго-Западной ж. д. нам пришлось задержаться на двое суток. Очень томительно было стоять на месте; наши взоры были обращены только вперед; нетерпение скорей добраться до фронта все более и более одолевало нас.

Мы доехали до Белой Церкви, дальше ехать было нельзя, вследствие неисправности железнодорожного моста. Выгрузились. Тут пошел дождь, и пока мы доехали до деревни, до которой считали 7 верст, на нас нитки сухой не осталось.

— Это не беда,—говорят солдаты,—мы уже привыкли переносить все невзгоды, только вот беда,—до фронта еще далеко“.

И тут опять повторение: „Даешь Варшаву!“ Наш путь только вперед, поворота нет и не может быть...

Сражались мы на Сибирском фронте—там разбили Колчака; перебросили нас на Петроградский фронт—там расчесали Юденича, и успели на Южном—Деникина загнать в Черное море.

А теперь почти докатились и до панов, которым не сдобровать: для них тоже мы штыки и сабли отточили и винтовки пристреляли...

Итак, товарищи, сомкнем ряды теснее и под красным знаменем ударим дружно на белогвардейские полки.

Вперед, на панов! „Даешь Варшаву!“

Сибирского кавполка красноармеец *А. Смотров*.

Веселый бой.

(Восточный фронт).

Веселый июльский полдень. По тихой деревенской улице лениво слоняются кучки кавалеристов. Делать нечего. Полк несколько дней стоит на месте. Ребята, привыкшие к постоянным переходам, изнывают от скуки. „Хоть бы скорее на новое место", — то тут, то там слышатся возгласы. Вдруг — сбор. Хмурые лица оживляются. Поход... поход... наконец-то! „Ребята, — говорит скучившимся красноармейцам командир полка, — поздравляю с новыми квартирами. Идем на Большой Касаргуль... Богатое село, привольное. Только там, кажется, квартиранты есть — беляки". „Даешь Касаргуль!" — дружно отзывается братва. Прогоним беляков". С шутками, смехом садимся на коней — и вперед. Не доходя версты полторы, полк спешивается в березовой роще и посылает в деревню разведку — разузнать о противнике. Раздолье в роще. Тень, прохлада, ягоды. Все с наслаждением кидаются на траву. Вдруг — выстрел, второй, и затрещали винтовки, затарахтел пулемет. „Квартиранты-то, знать, еще не ушли" — вполголоса замечает один красноармеец. „Ну, что-ж, попросим выйти, — задорно отзывается другой, — чай, не в первой". Атаковать в конном строю деревню оказалось невозможно — с правого фланга было озеро, а налево тянулся густой лес. Рассыпались в цепь, и бегом на беляков. Постреляли, постреляли они, да и текать. Забрали мы тут человек 20 пленных. Говорят: „А мы вас дней через пять ждали". „То то, мол, и оно, — говорим, — а мы на новые квартиры поторопились".

К-р взвода *Сухов*.

Примерные бойцы.

Во время жаркого дня под г. Старо-Константиновым красноармеец 3-го эскадрона Виктор Медведев был ранен в ногу, но, несмотря на то, что из ран ручьем лилась кровь, он не покинул строя и оставался впереди всех до конца боя, увлекая своим примером товарищей. Вследствие силь-

ной потери крови, ему пришлось ехать в лазарет, но, едва оправившись от раны, он вновь поспешил в свой старый полк, где и находится до настоящего времени.

В самый разгар боя, под местечком Комаровым, Холмской губ., когда мы отражали атаку поляков, у красноармейца 3-го эскадрона Рузанова была ранена лошадь. Несмотря на это, он продолжал оставаться в сфере огня, стреляя до последнего патрона. Потом пешком пустился за уходящим эскадроном и вернулся невредимым. Пусть пример этих бойцов послужит уроком исполнения красноармейского долга.

Красноармеец *Березин*.

Поход на банды.

После ликвидации Врангеля в Крыму внимание Красной армии было сосредоточено на борьбе с бандитами, которые существовали во многих губерниях, а главным образом, на Украине. На долю 2-го, ныне 62-го, кавполка выпало очищать Екатеринославскую губернию от банд Махно, Матвеенко, Бровы и других. Ненависть бойцов росла к бандитам по часам, так как они мешали ликвидировать ту разруху, которая осталась после войны. Банды мешали укреплять власть на местах. Бандиты расстреливали политработников, агентов по сбору продналогов и членов исполкомов. Были случаи невероятно ужасных казней, например: разрезали живот и насыпали туда зерно, ловили красноармейцев, выкалывали им глаза, отрезали уши и т. п. Можно ли было терпеть бандитов после таких зверств, которые уничтожали жизнь и всякую здоровую работу, необходимую для человечества? К бандитам посылались всякого рода воззвания с обещанием амнистии, предлагали сдаваться, но бандиты и не помышляли о сдаче. Кулачество этому способствовало, чувствуя в них единственную защиту от бедноты. Необходимо было срезать бандитские болячки на теле Советской Республики, и 2-й, ныне 62-й кавполк эту задачу вместе с другими красными частями выполнил.

— Повидимому, на нашем участке гады, — заговорил Никольский, красноармеец Донской области, ехавший в передней тройке, наверно еще зная, что бандиты действительно на нашем участке.

— Ты что прозывала? — обратился татарин Юзай, — что ты на слыхав, когда командыр сказав, что Брава едым быть?

После таких коротких об'яснений, повидимому, Никольский сразу понял, и оба замолчали, спрятав носы от снега, которым било в лицо.

Дорогой все ехали молча. Дул сильный ветер, от которого пики свистели и звенели—от ударов снега, бросаемого ветром. Налево почти ничего не было видно. Тянувшаяся гора закрывала горизонт. Направо от колонны было ровно, но за вьюгой тоже ничего не видно. Все были засыпанные снегом, озябшие, никто не хотел говорить, ни петь, ни даже закурить, хотя, правда, табак был редко у кого, и если кто закурил, то одну папироску курят человек пять, только и слышно: „дай бекаса, потянул три раза, и достаточно — передавай другому". Лошади шли, повесив головы, спешили шагать, чтобы не отстать от впереди идущей тройки и имели такой вид, как будто и они недовольны бандитами, не дающими никому покоя.

„Стой", — раздалась команда от головы колонны. К командиру полка тов. Бобкину под'ехал тов. Чуряев из головной заставы, дошедшей уже до деревни, в которую двигался наш полк.

— Тов. командир, как только мы стали под'езжать к деревне, выскочили оттуда одиннадцать всадников и уехали на гору влево,—доложил коротко тов. Чуряев.

Командир полка взглянул на планшет: „Гм... так, значит они в немецкой колонке, а это их застава".

— А сколько верст до деревни? — спросил т. Зеленов.

— Три версты.

Бойцы все насторожили уши: кто смотрел по сторонам, а кто подслушивал, что говорит командир полка, как бы невзначай под'ехав поближе. Хотелось быть знакомым с задачей. А в это время командир полка давал уже распоря-

жения командиру второго эскадрона: „Повернуть эскадрон налево по направлению горы, рассыпаться в лаву и осветить местность. Правое плечо за мной, рысью марш", — скомандовал комэскадрона, и эскадрон двинулся вперед. Нужно было оттянуть полк назад, так как впереди лежал хребет гор с выпуклостью к нам. Комполка, направив эскадрон с одной стороны на немецкую колонку, где находился Брова, с полком хотел зайти с другой стороны выпуклости горы, и таким образом вести полк и эскадрон с двух противоположных сторон, в одну и ту же точку. Замысел у командира полка был правилен, каждый скоро его расшифровал, и от братвы возражений не было, что тогда случалось, конечно, еще в наших частях.

Второй эскадрон пошел прямо лавою на гору. Едва успел эскадрон подняться на гору, как Брова, успев выступить из села, начал обстреливать его из пулеметов. Полк шел рысью, и Брова, безусловно, не видел, кроме нашего эскадрона, который был послан на гору, никого. Бандиты, увидев перед собою один эскадрон, считая его своею жертвою, бросились на него, как бешеные. Эскадрон отступил и, отстреливаясь из пулеметов, задерживал банду, дабы дать возможность окончить маневрирование полку. Наконец, полк вышел с другой стороны Бровы, который, заметив такую историю, оставил эскадрон и быстро перенес пулеметный огонь на полк, одновременно всей бандой строясь в колонны для атаки. В это время наш второй эскадрон подошел близко к банде и открыл по ней огонь. Наш удар был сосредоточен с двух сторон: на левом фланге был первый эскадрон, от которого 3-й взвод, под командой взводного командира, тов. Журавлева, заходил почти в тыл банде, а направо и впереди — остальной полк. В тылу же у Бровы была речка, хотя небольшая, но к мостику через нее подходил уже наш третий взвод. Герои полка, которых необходимо отметить—Сухов, Иванов, Карпиков, Карпенко, Попов, Гапочкин и другие, первыми, как львы, бросились на банду; около переправы они захватили шесть пулеметов и уложили много бандитов. Брова и больше половины шайки все же переправились через реку. Полк хлынул за ними. Настигнув бандитов, рубили их направо и налево, так что через каждые 20 саженей обязательно лежал зарубленный

бандит. По дороге попадались лошади, повозки, пулеметы и всякого рода „барахло". Так продолжали мы гнать банду девятнадцать верст. Брова бежал впереди своей шайки и не старался оглядываться, как его бандиты расплачиваются за прошлые проделки; он не знал, что же, в конце концов, останется от его банды.

„Ну-ка, еще один нажим"!—закричали все и еще прикали коней. Еще шесть пулеметов и полтора десятка бан литов Стало темнеть. Сам Брова скрылся лишь с маленькой шайкой Остальные были уничтожены. Трофеи подобрали чисто. С тех пор Брова перестал существовать самостоятельно. На дворе было темно, вьюга не умолкала, и бойцы уже занимали квартиры, где ночевал Брова с бандой, т. е. в немецкой колонке, и расспрашивали хозяев, что говорили бандиты, а со своей стороны рассказывали, как рубили бандитов

И. А. Таранов.

Ледяной поход

Это был переход полка из станицы Ново-Минской в станицу Роговскую, Кубанской области. В ночь на 1-ое января 1922 года был отдан приказ по полку о выступлении из Новоминской, имея ночлег в Придорожной. Ночь была лунная и морозная. Казалось, что переход будет удачен. Однако, не всегда сбываются мечты. Перед рассветом затянуло все небо и пошел небольшой дождь. В шесть часов утра полку приказано было собраться на сборном месте. К моменту построения полка дождик начал усиливаться. Подается команда: „по коням", и полк двинулся по маршруту. В степи еще было порядочно снега, дорога набитая и замерзшая. Дождик начал чередоваться со снегом и впоследствии превратился в ливень. Часам к 11 дороги уже не было, — сплошная масса воды; все овраги и балочки были залиты водой, так что трудно было предугадать, где именно должен итти полк. Командир полка с сабельными эскадронами ушел вперед верст за пять, а меня оставил со всем полковым обозом. Дорога стала уже разбиваться, лошади

приставать. Все красноармейцы, кои были при обозе без лошадей, и я с ними, были принуждены слезать с повозок и итти пешком. День клонился уже к вечеру, а прошли всего лишь 25 верст, и до места ночлега нужно было пройти еще 18 верст. Лошади совсем пристали, люди утомились, промокли и прозябли до невозможности.

Наступила ночь. Темнота—хоть глаз выколи; не видно нигде ни звездочки, ни огонька, не слышно и лая собак. Растерялся я окончательно от переутомления и слякоти, и не знаю, как вывести обоз на дорогу, но до ночлега добиться определенно нужно. Стал я среди белых полос, залитых водою, отыскивать бывшую набитую дорогу, и вот как будто бы нашел и направил обоз. Однако, далеко мы не уехали. Врезались в лощину, которая была вспахана и из которой с трудом пришлось вытаскивать повозки. Выбрались на другую белую полосу и направились. куда приведет. Состояние ужасное. В сапогах полно грязи и воды, обмундирование промокло, по телу льются струйки воды. Среди неудачников этой ночи послышались возмущение и проклятья такому переходу. Женщины с детьми окончательно пропадают. Часам к 10 ночи подул небольшой ветер; тучи стали расходиться, и дождь решил уступить перемене погоды. Вскоре показались огоньки и послышался лай собак. Все как будто воскресли из мертвых, запели песни, даже и лошади пошли веселее. Наконец, в 12 часов ночи прибыли к месту ночлега.

Однако, эта ночь не осталась бесследной. В эту же ночь умер один боец,—фамилии не помню,—который перед выступлением был совершенно здоров. Масса бойцов заболело.

На утро опять поход. Но полк прошел всего лишь семь верст. Остановились на отдых.

На следующий день—снова в путь, запрягли уже по четверке и с большими усилиями добрались до станицы Брюховецкой, но не все. Половина обоза растерялась по пути следования.

В Брюховецкой сделали дневку, и в промежуток этого времени подтянулась часть отставшего обоза. Командир же полка с сабельными эскадронами не оставался на дневку, а пошел к месту назначения. После сделанной мною дневки

я отдал распоряжение двигаться дальше, т. к. медлить было нельзя, ибо земля все больше и больше отходила. Командиру полка послал донесение—с обозом выступил по дороге на Роговскую.

Вытянулся обоз за станицу — стой, машина; дальше итти нельзя. Отдаю распоряжение — взять крестьянских лошадей, заложить по шестерке и двигаться дальше. Повозки стали одна от другой отставать на почтительном расстоянии; пешеходы не в силах уже были шлепать по грязи, которую сплошною массою тащили за собой повозки. С половины пути посылаю одного из всадников в Роговскую к командиру полка с просьбой о высылке крестьянских лошадей с упряжью в помощь и для смены уставших лошадей.

Часа через три результаты налицо. Тянутся верениицами всадники с упряжными лошадьми. Заложили по 10—15—25 лошадей в одну повозку и двигаемся дальше. Наступила ночь. Темнота, шум, крик, свист по дороге, каждый стремится скорей добраться до станицы. У переезда через железную дорогу обыкновенно по бокам всегда стоят два белых столбика. И вот с моей тачанкой у одного из таких столбиков случилось ночное приключение. Мои управляющие, которых было 5 человек: один — на козлах, а четверо верхами, т. к. лошадей в запряжке было десять, врезались на этот столбик так, что он попал как раз между передними колесами и рессорой и так втиснулся, что ничего нельзя было сделать. Но не оставлять же ее среди дороги и не бросать семью и вещи в степи! В отношении силенки мои управляющие передо мной пасовали, а поэтому я был принужден полезть в грязь под тачанку, поднять ее и сдвинуть назад. Все это мне удалось сделать, тачанку выручил, но сам измазался, как шут. Затем снова все пристроили и двинулись дальше. В'ехали в станицу, стали расспрашивать, где расположен штаб. Никто не знает. Направились в центр и случайно напали на квартирьера, который указал мне квартиру. Стучу: „Хозяин". „Кто там?" „Бабка, открывай поскорей, замерзаю..." „Ах, вы, антихристы рогатые (это старухи так звали буденовцев по шлему). Анчибалы вас носят по ночам". Но скоро все улеглось, и мы очутились в теплой хате.

Ну, и походчик... А сколько таких походов сделала вся 1-я Конная армия и, в частности, наш славный 2-й, ныне 62-й, кавполк!

Помощник командира полка по хозчасти *В. Ромашков.*

Из воспоминаний.

В последних числах апреля 1920 г., когда полк наш стоял в селе Попасном, Екатеринославской губ., Новомосковского уезда, ребятки стали собираться в бессрочный отпуск и письма домой послали: „ждите". Откуда ни возьмись, появился в районе Васильевки и Андреевки сам батько Махно с довольно-таки солидной бандой. Полку было приказано выступить.

Согласно оперативного приказа по бригаде, наш 2-й полк пошел в обход Васильевки и Андреевки, оставив хозчасть на месте. №-й полк, который был расположен в Перещепино, должен был двигаться прямо на Васильевку и Андреевку.

Задача бригады была такова: зажать махновскую банду в кольцо и тут же ликвидировать.

Но Махно был парень не из глупых. Он отлично знал замысел штаба бригады, благодаря своей хорошей агентурной разведке. Он видел, как двигался наш полк; знал даже, в каком направлении, и знал откуда и куда должен итти №-й полк. Высланные нами раз'езды попали к нему в руки, благодаря своей оплошности. Махно учел и обстановку, и время. После того, как 2-й полк скрылся с глаз наблюдателя-махновца, Махно решил побарахлить в Попасном и поживиться кое-чем от нашей хозчасти. Но ему это не удалось.

В то время в нашей Особой бригаде был хороший и преданный своему делу начальник штаба, тов. Малиновский, Петр Иванович, который во-время сумел предупредить нас посылкой гонца на мотоцикле. Часов в пять вечера, числа не помню, смотрю, по улице скачет на своем сером-задонском коне наш начком, тов. Морозов. Кричит: „Вылетай!"

Красноармеец спрашивает его: „тов. Морозов, в чем дело?" „Говорят тебе, вылетай, значит, исполняй приказание." Хозчасть наша за десять минут свернулась и выскочила из села, имея при себе три пулемета. „Максима" на тачанках и несколько вооруженных бойцов „на всякий случившийся случай". Махно уже был в Попасном, когда наши последние повозки выезжали из села, но почему-то решил за нами не гнаться.

Недалеко от Попасного с нами встретились квартирьеры №-го полка. „Спрашивают нас: „Ну, как дела, где Махно?" Мы, конечно, ответить ничего не могли, потому что только выступили из Попасного и там никого не было. Квартирьеры поехали дальше, а наш обоз вытянулся по дороге в направлении дер. Губиниха

Как только под'ехали квартирьеры №-го полка к первой хате и не успели еще спросить у жителей о положении, махновцы – тут как тут. Забрали их всех в свои руки, разделили и тут же возле мельницы порубили. Не помню точно, сколько, но, кажется, человек двадцать. Отряд махновцев состоял, по приблизительному подсчету, из ста сабель и двадцати пулеметов „Максима" на тачанках. А всего было у них до сорока пулеметов и около пятисот сабель.

После того, как махновцы расправились с квартирьерами № го полка, они двинулись в направлении Перещепино, откуда шел №-й полк. По пути следования встретились с одним из эскадронов №-го полка и, опрокинув его, повернули вправо, по дороге на Михайловку. Переправившись через незначительную речку и повредив мост, они засели в лесу за бугром, близ дер. Магденовка, в трех верстах от реки.

Наш 2-й полк, обойдя Васильевку и Андреевку, нигде не встретился с махновцами. Узнав от жителей, куда направились бандиты, пошел в этом же направлении.

№-й полк, сгруппировавшись и в полном своем составе, стал преследовать махновцев. Махновцы же в это время заняли удобную позицию и ожидали полк. Когда полк подошел к испорченному мосту, была глубокая ночь. Произведя незначительную починку моста, полк переправился и пошел дальше. На рассвете раз'езды донесли, что махновцы находятся близко и занимают такое-то положение. Полк принял боевой порядок и пошел в наступление. Махновцы занимали довольно выгодную позицию, и, благодаря хоро-

шему маневрированию, открыли ожесточенный пулеметный огонь с двух сторон и, расстроив окончательно ряды полка, бросились в лаву. Полк принужден был в беспоряде отступать и на этот раз потерпел полнейшее поражение, потеряв человек до пятидесяти убитыми, несколько человек ранеными и лишился шести пулеметов с тачанками, лошадьми и прислугой, отойдя на левый берег реки.

В это время подошел наш 62-й полк. Но махновцы скрылись. Тут же было получено приказание штаба бригады выделить группу из лучших командиров на хороших конях из №-го и 2-го кавполков для дальнейшего преследования банды и к этой же группе были приданы броневые автомобили из штарма 1-й конной. В группу были выделены наш помощник командира полка, тов. „Мирончик" — так мы его звали, командир 1-го эскадрона, тов. Таранов, и др. храбрецы. „Мирончика" и Таранова махновцы тоже хорошо знали и все время добирались до них, но им это не удавалось и не удалось. „Мирончик" был назначен начальником этой группы и быстрым аллюром пустился в погоню за махновцами, с душой, полной злобы, и желанием отомстить врагу за смерть лучших товарищей.

Махновцы были им настигнуты. Банда, хотя не вся, была уничтожена. По словам одного из участников этого боя, тов. Парадизгардер, махновцы дорого расплатились за смерть наших бойцов. В этом бою было взято у махновцев до шестнадцати пулеметов и др. трофеи. О подробностях боя расскажут участники.

Ромашков.

История годовщины полка.

Наш полк—старый, заслуженный, прошедший все фронты Республики, существует с 25 мая 1919 года, сформирован в период борьбы белогвардейской своры против Советской Республики.

Свою первую годовщину полк справлял около Таганрога, в дер. Федоровке, где он в то время стоял. За год полк побывал на Восточном фронте, участвуя в боях под Кунгуром,

Малмыжем, Екатеринбургом, после этого—на Петроградском фронте, принимая участие в обороне Петрограда от генер. Юденича, побывав в двух боях Ямбургских и под Царским Селом, и дальше полк отправляется на Южный фронт, где от Новочеркасска до Новороссийска гонит противника, занимая с боем Краснодар и Новороссийск. Вот после таких-то походов и боев полк, стоя на отдыхе, и справлял свою первую годовщину. В это же время он получил весть о том, что пойдет еще на один фронт. а именно, польский, что и было встречено бойцами криками: „Даешь Варшаву!"

Свою вторую годовщину полк справлял в х. Арпачин, Донской области, где он стоял, побывав еще на двух фронтах—польском и врангелевском, а также на Украине, где все время вел борьбу с бандитами - Махно и другими. Здесь за два года полк насчитывал не только военные победы, но и победы на фронте труда, так как за это время приходилось и дрова возить из леса к железной дороге, и пахать, и косить, помогая крестьянам и республике в хозяйстве.

Свою третью и четвертую годовщину полк справлял в ст. Старовеличковской, где он стоял полтора года, занимаясь учебой.—Пятую годовщину и сейчас свою шестую годовщину полк празднует в Красной столице, сердце нашего союза—Москве, как бы в награду за победы. которые он одержал за шесть лет существования. А за это время он сделал много, очень много.

На этом праздновании полк подведет итоги своего пути и работы, и будет идти вперед, как шел до этого времени, пожиная лавры побед на всех фронтах.

Каждый боец должен знать историю полка, в котором он служит.

Воронин.

21-й Кавполк.

(Из воспоминаний политработника).

Это было в те безотрадные дни, когда Петроград окружали белогвардейские войска ген. Юденича. РКП (б.) мобилизовала все свои силы для защиты этого факела мирового коммунизма. Никому не хотелось отдавать Петроград.

В этот момент я был мобилизован Дновской организацией и вместе с несколькими товарищами отправлен на фронт в распоряжение Поарм 7. Мне пришлось попасть в только что прибывший с Восточного фронта на поддержку Петрограда 21-й полк. Его все знали. О нем все говорили. Всем была известна его дисциплинированность и спайка. Все слышали о его славных боях на Восточном фронте Найти такой известный полк было нетрудно. Воинственный вид красноармейцев, мохнатые сибирские шапки дополнили нарисованную моим воображением картину. Встретили меня очень радушно, и я скоро ориентировался в новой обстановке. Познакомился с личным составом полка и принялся за работу. Чем больше я знакомился с 21-м полком, тем больше он мне нравился, тем сильнее росло желание бытьему полезным.

Замечательный это был полк, численностью в 500 сабель, весь он представлял собою какую-то патриархальную, братскую семью, спаянную крепкими дружескими узами. Красноармейцы, большей частью старые сибирские партизаны, выгодно отличались от других частей своей сознательностью, стойкостью и дисциплинированностью. Работалось среди них легко и охотно. 21-й кавполк оправдал возлагаемые на него надежды. В ряде упорных боев он разбил противника. А вскоре и весь белогвардейский фронт рухнул.

Для новых подвигов, для новых славных дел перебрасывается 21-й полк на Южный фронт. Форсированным маршем, все вперед и вперед, быстро проходит он Дон и Кубань и, наконец, берет Екатеринодар и Новороссийск.

Отдохнув после ликвидации Южного фронта, полк в мае месяце 1920 г. вливается в 1-ю Конную армию, переименовывается сначала в „Сибирский", а затем во „второй Особый" и вместе с ней принимает участие в польской и крымской кампаниях, неизменно честно и храбро выполняя свой красноармейский долг. Затем отводится на зимние квартиры в Екатеринославщину и участвует в ряде экспедиций за бандами.

Много изменилось за эти два года в полку. Много нового появилось в нем. Из 850 человек едва 20—25 осталось в нем старых сибиряков. Почти целиком обновился полк. Но его старый дух, его славные традиции остались неизменными и до ныне.

Пожелаем-же в этот день годовщины 62-го кавполка, чтобы и дальше шел он по славному пути, намеченному его предшественником — 21-м кавполком, чтобы и дальше сохранил он его революционный дух и неизменно оставался храбрым, честным и зорким на передовом посту Советской Республики.

Зеленов.

Воспоминания.

(О 62-м кавполке бригады Особого назначения при РВС 1-й Конармии)

Попал я в полк на польском фронте в 1920 году, в дер. Пузово. В то время мы откатывались из Польши к нынешней западной границе. Но впервые познакомился с полком, когда он еще стоял на формировании, после горячего участия в боях на Южном фронте, вблизи гор. Таганрога. Зная, что полк имеет начало формирования в 1918 году, зная, что полк в Красной армии один из старейших, я за это уважал его и очень часто сожалел, что не имел чести служить со дня его формирования.

Как сейчас, я помню бои, в которых полк участвовал. Старо-Константинов, взятие города, потеря противником 35 убитыми или, вернее, зарубленными, бои под Кременцом, рейд к Подгайцам, бой под с. Лопатиным в Галиции, где полк в составе бригады выбивает и уничтожает часть Познанской стр. дивизии противника, бои под Львовом, рейд в тыл противника под гор. Люблиным и бои во время рейда под м. Комаровым и гор. Грубешовым, где был прорыв обратно на нашу зону после 8-дневного непрерывного боя в тылу у белополяков, прощальный бой под с. Пузово и ряд мелких стычек. Первый и последний бой в „крымской кампании" (врангелевский фронт), затем отход на зимние квартиры на Украину, где пришлось столкнуться и уничтожить ряд банд—Махно, Матвеинко, Литвиненко, Бровы, Сазонова, и прочих, где пришлось бороться с отсталостью населения, контр-революцией и темнотой культурной. Пришлось восстанавливать разрушенную Украину и работать, работать... Все вынес на своих плечах состав полка, да и как не вынести при наличии революционной выдержки, стойкости и дисцип·

лины, которой полк так славился, что даже противники знали это и боялись полка. Много славных страниц вписал 2-й кавполк в великую книгу гражданской войны и истории Красной армии. Много помог укреплению революционных завоеваний Октября.

Помню и славных командиров полка. Как будто наяву, стоит передо мной Георгий Михайлович Екимов, храбрейший командир, друг и брат красноармейца, он погиб в крымскую кампанию, в степях Таврии, в бою под с. Отрадовка, отражая с полком налет дроздовской дивизии противника, налетевшей на бригаду и на Штарм 1-й Конной. Вечная ему память!

Еще незаурядная личность, это — нынешний командир полка, Л. В. Камский, командовавший ранее бригадой, в состав которой входил полк. Он сумел познать истину революции и, чуждый нам по происхождению (помещик, офицер), пошел с нами за лучшие идеи, за рабоче-крестьянскую власть, которой в делах доказал преданность свою. Вечный балагур, шутник, он серьезен в делах Он пользуется авторитетом бойцов. Память о нем будет также жить у многих. Помню я и командиров, командовавших после т. Екимова. Это т.т. Бобкин и Кузнецов. Они себя особенным ничем не проявили, но и они могут гордиться честью, что на их долю выпадала задача командовать одним из старейших полков Красной армии. К числу последних можно отнести еще тов. Ракитина, впоследствии командовавшего нашей бригадой.

Еще одна личность на фоне исторических событий в полку играла большую роль. Это — помкомполка Никита Андреевич Миронов. Донец-казак, беззаветно храбрый, он не раз доказывал противнику, что в Красной армии есть герои. Из других командиров помню беззаветно-храброго комэска т. И. А. Таранова, комэска т. П. Чистоходова, комвзводов т.т. Ивана Сухова и И. Лавренова, из покойников, павших смертью храбрых — комэска т. Абросимова, помкомэска т. Воробьева, начкоманд т.т. Шадрина и Мишина, комвзвода т. Кожинова. Красноармейцев, геройски погибших, трудно было удержать в своей памяти. Вот имена некоторых изних: Солошенко, Чугунов, Кутузов, Н., Яковлев, Н., Павлов, А., и много др. жертв. Из живых бойцов мне особенно помнится т. Медведев, герой рейда под гор. Люблин.

Из политического состава хорошо помнится — военком полка тов. Зеленов, Исаак Львович, руководивший политической жизнью полка долгий период. Хороший товарищ, партиец, он пользовался заслуженным авторитетом. Его помощник, Иван Федорович Лебедев,--образец беспримерного стоицизма, стойкий коммунист, двигал политическую и культурно-просветительную работу в полку со дня его формирования. Поистине громадные усилия он приложил для процветания революционных знаний бойцов полка. Поэт, образованный и умный человек, он в бурные годы полка передал многим много знаний из своего умственного запаса. Из прочих политработников заметны: политрук т. Стерликов, В., политрук Харитонов. Едва научившись в полку читать и писать, они стали работать, не покладая рук.

Из позже выдвинувшихся лиц заметны т. т. Воронин, политрук (бывший библиотекарем и неизменно следовавший за полком со своей библиотекой), тов. Соков, политрук (из бойцов), т. т. Подольский и Громов, А., служившие и сейчас служащие, руководители парторганизации полка.

Трудно... трудно всех перечесть и отметить за весь период существования 62-го кавполка, потребовалось бы много времени и труда, что не дает нам возможности проделать это.

Заканчивая воспоминания, мне еще раз хочется выразить восхищение и удивление о славном пути, пройденном 14-м, ныне 62-м, кавполком, сражавшимся в защиту завоеваний Октября.

Да здравствует 62 кавполк и его революционный, политический и красноармейский состав!

Да здравствует полковая организация РКП (б)!

Слава оставшимся в живых старым ветеранам-бойцам, командирам и политработникам полка, ныне служащим в полку или ушедшим и рассеянным по всем уголкам необ'ятного СССР.

Вечная память погибшим борцам, бойцам — героям и вождям, отдавшим жизнь за освобождение униженных и оскорбленных пролетариев всего мира.

Слава! Слава!

Секретарь военкома 63-го кавполка

1924 г. 7/VIII.
Москва, Октябрьские казармы.

Ваш *Николай Пех.*

Как мы добывали на фронте пропитание.

(Из периода военного коммунизма).

I.

Голод и холод заставляет хоть кого быть хитрым; не даром же у нас сложились пословицы: „голод не тетка", „голь на выдумки хитра". То, что здесь мной передается, это так и было, и я бы прямо сказал, что в то время без этого никак было невозможно.

Дождь,—как из ведра, ветер, — точно взбешеный, то с одной стороны, то с другой, то прямо в лицо, так и лезет, так и старается смести тебя, как какую-нибудь бумажонку. За воротником—вода, за голенищами—вода... А тут лошадь спотыкается, чуть не упадет; вода этак неприятно пробежит по телу, и начнешь барабанить зубами что-то вроде походного или похоронного марша. И пешком не хочется итти—тоже не ахти как хорошо шлепать по грязи, в темноте, когда буквально ничего не видно... Да, минута не из приятных.

Кажется, что едешь верст, наверное, пятьдесят, а жильем даже и не пахнет. Тут тебе вспоминаются и „шамовка", и сарай, где пришлось спать неделю тому назад, и все это кажется, по меньшей мере, раем...

Но вот— огонек... другой... Сразу чувствуешь некоторый прилив теплоты, подгоняешь лошадь и уже заранее предвкушаешь всю сладость отдыха...

Вот мы и в деревне.

Команда—сюда — два человека, сюда—три человека... Приехали... конец мытарствам...

II.

Нас—двое. „Хозяин! Хозяин!" Ответа нет. „А ну, перелезай через ворота, открывай сам". Сказано—сделано. Заезжаем во двор и прямо к хате. Ни звука. Стучимся, как могут стучаться только голодные, озябшие, нуждающиеся в отдыхе, знающие отношение хозяина к „красным"—красноармейцы. Издаем звуки тревоги, казалось бы способные заставить вскочить на ноги целый полк. Молчание.

Но видя, что терпение наше истощается, замашки не совсем приличные и глотки весьма здоровые—наконец, слышится скрипение, кряхтение, кашель и появляется хозяин, а вслед за ним хозяйка.

Взяв во внимание столь „предупредительное" отношение хозяев, мы решаем брать их „на пушку": „Хозяин, открывай хату, нужно лошадей заводить, а то они замерзли".

— Та що це ви, нехристи, чі що? — голосит хозяйка.

„Ну ладно, не разговаривай, открывай хату,—требуем мы.

„Товарищи,—уже другим тоном говорит хозяин,—зачем же в хату, ваших лошадей заведу в конюшню". „Вот, вот, не даром же председатель совета говорил про тебя, что ты защитник Советской власти, только смотри, про сено не забудь".

Мы в хате. Хозяйка уже на печке. Спит... Собственно говоря, нельзя сказать, что спит фактически, но больше—юридически: один глаз закрыла, а вторым обозревает местность, так сказать,—какие маневры будут делать буденовцы...

Мы выжимаем лишнюю, по нашим подсчетам, воду. Умываемся с аппетитом... Яснее ясного—„треба вечерять"... Но... хозяйка „спит".—Начинаем по всем правилам атаку. —„Хозяйка, ты, наверное, забыла, что еще не давала нам ужинать? — „Нема нічого, хліба даже нема". Мы группируем силы. Пробуем с другого фланга.

Берем бинокль и направляем в то место, где по обыкновению имеют свое местопребывание хлеб, сало, масло и другие привлекательные вещи.

— Вася, смотри, сколько хлеба, а ну, давай сюда, возможно, козяйка просто запамятовала...

...Фронт прорван—хозяйка уже слезает с печки.

Вопрос, смешанный с недоверием и любопытством: „А оце ваша штучка хіба бачить и скрізь доски?"

Получает безусловно утвердительный ответ, достает кусок хлеба и говорит: „Скільки народу іде, всим нада по кусочку, сідайте, вечеряйте".

Фронт прорван, но враг еще не сломлен. Ведь, не единым хлебом жив человек. Намечаем новый удар, обещающий быть всесокрушающим...

Подготовка. Ведем беседу, на манер политчаса, о том, что против кулаков, которые не дают Красной армии хлеба,

мы изобрели орудие, и показываем компас.—„Вот, бабка, смотри: куда укажет эта стрелка, там находятся крашенки, полезные для красноармейского желудка. Вот, вот, сейчас мы узнаем, находятся ли у вас эти предметы“...

Победа полная. Через десять минут шипит яичница и по хате проносится запах чего-то, по меньшей мере,— приятного.

Входит хозяин и при виде яичницы ужасается нашим успехам, но—минута супружеского совещания—и мы мирно ужинаем...

Конечно, подход не совсем, может быть, деликатный, но... это был лучший выход, по крайней мере, в то время...

И. Таранов.

НАШ БЫТ

Рис. 25. Группа парткоров и военкоров полка.

Рис. 26. Драмкружок полка.

Рис. 27. Музыкальный кружок полка.

Рис. 28. Спортивный кружок полка.

Рис. 29. Школа грамоты на занятиях.

Рис. 30. Военный уголок полковой школы.

Рис. 31. Хозяйственная команда и связь полка.

Рис. 32. В Ленинском уголке хозкоманды

Шенкеля... завхозу.

На окрвоенполиткурсах СКВО выпускной экзамен. Тут дела важные, не даром у некоторых курсантов поджилки трясутся.

Лишь тов. Ф. почтительно скромен: не горланит, как петух, не разбазаривается во все стороны, как кукушка.

Ну что ж, экзамен, не велика беда. На польском фронте похуже дела бывали.

Одним словом, т. Ф. вполне спокоен: по полит-экономии на ять, по библиотечному делу даже с хвостиком...

Но... было бы смешно, если б не было грустно.

Т. Ф. на линии огня. Все идет, как по маслу. Ни сучка, ни задоринки. Хорошо, удовлетворительно, отлично...

Еще вопрос: „Где у вас шенкеля?“

Пауза.

— Шенкеля (неуверенно) я (смелей) сдал (совсем непринужденно)...

„Кому, кому вы сдали?...

— Завхозу...

„Повторите, что вы сказали“.

— Шенкеля я сдал завхозу.

„Это вы как же так?“

— Еще в полку...

„А, в полку! Ну, ступайте“...

И только после наш добрый малый догадался, что между шенкелями и шпорами (а т. Ф. как раз их и подразумевал, отвечая на экзамене) существует небольшая разница...

В. К.

Завклубом VII.

Много было их. Всех считать—не пересчитаешь; пальцев не хватит. Но один из них, а именно VII, был самым замечательным во всех отношениях.

Обыкновенно для таких людей существует слово „универсальный", но для нашего завклубом этот термин не совсем подходит. Вот возьмите его: ежедневно прочитывал массу литературы, начиная с мира приключений и Вербицкой и кончая журналом „Под Знаменем Марксизма" и Кантом... Каждый день из-под его торопливого пера выходили пара, другая инсценировок для постановок в клубе. Выдвинул проект ежедневных вечеров самодеятельности с самой широкой программой, при участии нескольких десятков красноармейцев и, был уже близок к осуществлению его, находил время для того, чтобы, по крайней мере раза два-три, поругаться со своими сослуживцами, днем и вечером. Исполнял обязанности, подчас одновременно: завклубом, учителей, всех вместе взятых, старшего и младшего библиотекарей, уборщика, режиссера, редактора стенгазеты, суфлера, корреспондента, гримировщика, первого артиста и один раз даже артистки...

Поистине многообразны были его обязанности... Он был гением своего дела. А в полку его называют добродушно чудаком... Но разве можно было понять нашего завклубом вблизи? Пройдут века и только тогда вселенная узрит все величие и размах нашего незабвенного Митрофана Алексеевича.

В. К.

В чем иногда выражается атеизм.

Не любил он его, бога-то .. А мы в ту пору как раз у попа стояли, на квартире-то... Вот раз мне и говорит он-то. У него, Ванька, яблок в саду много, у попа-то... Как раз же и за домом сад-то... Это, говорит, боговы, можно, про яблоки-то... А поп частенько заглядывал в садик-то... Говорю: если нас застанет, ему-то... А он: дурной, попа боишься—мене-то.... Уговорил все-таки меня-то... Пошли мы с ним

вдвоем-то .. Запузырились наши старенькие карманы-то... А тут, поди ж ты, прямо к нам поп-то... Как хватанет яблоком-то мой товарищ-то, в попа-то... Он —дай господи ноги-то... С тех пор в наше ведение перешло попово владение-то... Хвактически... Вот так-то...

В. К.

Опять в полку.

Дело было в 1919 году в городе Казани, куда в 1917 году я приехал из города Кинешмы, Ивано-Вознесенской губернии, с целью подыскания себе заработка. Проживая в Казани, я решил со своим т. Коловым вступить в ряды Красной армии, чтобы тем самым принять участие в борьбе трудящихся с буржуазией. Решив это сделать, я узнал, что в городе формируется Кавалерийский полк, называемый 2-ом Сибирским, куда я и направился.

Как сейчас помню.—Край города, большое здание. Здесь формируется полк из мобилизованных и добровольцев, которых не мало. Вхожу. Узнаю через толпящихся в коридоре, берут ли добровольцев, как сделать и что нужно, чтобы поступить в полк; боюсь, не отказали бы, скажут—еще молодой (мне было тогда 17 лет), а у самого неимоверное желание скорее стать красноармейцем.

Наконец, узнал, что можно поступить. Т. Колов пишет мне заявление командиру полка т. Екимову, который ласково встретил и принял в полк, назначив в 1-й эскадрон. 3 взвод. Командиром эскадрона в то время был т. Камский, который тоже принял меня хорошо. С этого времени я стал красноармейцем полка.

Как только попал в полк, быстро освоился с жизнью и бытом, познакомился с красноармейцами, и мы стали жить единой, тесной семьей. Была действительная товарищеская спайка и взаимоотношение. Настроение красноармейцев было боевое, веселое. Все хотели поскорее принять участие в боевых действиях, но формирование полка затянулось больше месяца.

Наконец, через месяц моего прибывания и начала формирования наш полк выезжает на фронт. В это время фронт

с белыми проходил около ст. Вятские Поляны, близ Казани, где впервые принимал участие в боях и наш полк. Сражения во время моего пребывания были небольшие между отдельными отрядами, целому полку не приходилось.

Так я с полком от Вятских Полян прошел за реку Каму (более подробно места, по которым прошли, не помню). В боевых действиях ребята наши были отчаянные. Было мало случаев, чтобы побивали наших, все больше победа приходилась на нашей стороне. Мне было как-то приятно, когда приходилось участвовать в сражениях. Если не было долго сражения, ребята скучали и часто без разрешения куда-нибудь уезжали, где-бы подраться с белогвардейцами.

Пробыв в полку около года, я заболел тифом и был отправлен на родину, в город Кинешму, откуда уже снова, в виду болезни, не мог возвратиться в полк.

Теперь снова, к моей радости, как рожденный в 1902 году, я очутился в своем прежнем полку, попав по мобилизации уже. Как прибыл, я стал узнавать, что за полк, и, услыхав фамилию командира полка, т. Камского, стал расспрашивать об истории полка у старых бойцов. От них я узнал, что попал в тот полк, в котором был раньше.

На другой же день, увидев комполка т. Камского, помкомвзвода т.т. Олейникова и Сметанина, я окончательно убедился, что нахожусь действительно в бывшем 2-ом Сибирском полку.

Красноармеец 2-го эскадрона 1-го взвода

Евгений Павлов.

Привет родному полку.

Ко дню 4-й годовщины 14-го Кавполка Особой кавбригады старые бойцы полка, ныне слушатели Окружных Военно-политических курсов, отправили приветственную телеграмму своему полку.

— Мы гордимся боевым прошлым полка и его заслугами перед революцией,—заявляют курсанты. Мы уверены, что молодые бойцы 14-го кавполка с честью выполнят стоящие перед ними задачи на пятом году существования полка.

По выпуске из школы мы, курсанты, снова вольемся в ваши ряды и с полной энергией передадим вам новые знания.

Курсанты 14-го кавполка:
Панчук, Маринич, Бехтеев и Воронин.

Будьте уверены в нас.

Мы, отпускники 14-го Кавполка, уходя домой по демобилизации 1898 г., шлем оставшимся нашим товарищам в рядах Красной армии свою благодарность за теплые проводы. Нам, отпускникам, был устроен митинг-спектакль и товарищеский семейный ужин. По приезде домой мы верно будем выполнять все те наказы, которые нам даны и так же сумеем побеждать на фронте труда, как мы побеждали на фронте кровавом в борьбе с золотопогонной сворой. Имея достаточный опыт, имея знания, которые мы получили в Красной армии, мы все свои силы положим на укрепление народного хозяйства. Мы также надеемся, что вы, остающиеся в армии бойцы, сумеете охранять наш мирный труд. Шлем вам, бойцы, последний товарищеский привет и надеемся на вас, как и вы будьте уверены в нас. Да здравствует фронт труда!

Отпускники 14-го кавполка
Никольский, Фирсов и др. (10 подписей).

Равняйтесь по нашему шефу.

(1923 год).

В газетах мы часто читаем о шефах, которые забывают про свои части, а части их не знают и не видят. Наш шеф не таков. С момента прикрепления, сделал многое для нашей части. От него мы получаем много обмундирования, фабрикатов и литературы. Ни одного праздника, ни одного парада не проходило без представителя от шефа. ВЦСПС часто нас посещает, заботясь о нас. Недавно нашу бригаду в частности наш полк, посетили представители от шефа из Москвы, которые приезжали узнать, как живет часть и в

чем нуждается. Было собрание полка, на котором с приветствием от шефа выступил т. Родькотин и Девокеан, которые, от лица 7-миллионного организованного рабочего класса, приветствовали нас и ставили ряд задач, которые необходимо выполнить. С ответом от имени бойцов полка выступили т.т. Кишнякин, Стерликов, Рудыкин и от полкбюро т. Громов, которые благодарили шефа за то, что он не теряет с нами связи, и за материальную помощь и духовную поддержку со стороны шефа, и дали обещание, что те задачи, которое стоят перед нами, будут выполнены с честью.

Представителями шефа был сделан доклад об истории профдвижения в России и о роли и задачах профсоюзов. После закрытия собрания бойцы, выражая любовь к любимому шефу, с криками „ура" стали качать представителей шефа. Спасибо нашему шефу за его помощь, связь и заботу о нас.

Побольше бы таких шефов, как наш шеф бригады—ВЦСПС. Равняйсь по нашему шефу!

62-й кавполк *М. Воронин.*

Помешало в работе.

Наш клуб помещался в здании 2-х классного начального училища станицы Старовеличковской. Нужно правду сказать, клуб у нас на хорошей ноге, благодаря энергии и уменью завклуба т. Трубицына. Не проходило недели без вечера самодеятельности, спектаклей и кино-картин и т. п. Библиотека—читай только, войдешь—глаза разбегаются. И мы шаг за шагом подвигались вперед „к намеченной цели: расширению нашего кругозора знаний. Но однажды в работе случилась заминка. В здании клуба, заботами предисполкома, были выкрашены полы, наступил учебный сезон и клуб наш на время прекратил свою работу. Это „на время" тянулось 2 недели. Наступает вечер—хоть бери ливенку, да на улицу — горланить „Страданье". Такая досада брала на полы, что не хотели сохнуть.

14 кавполк *Греков.*

Хороший хозяйственник.

(Февраль 1923 года).

У нас, в 14-ом кавполку в 1-ом эскадроне временно занимает должность командира эскадрона т. Сычев. Тов. Сычев, не отставая в строевом отношении, зорко следит за хозяйством эскадрона, чтобы оно не расхищалось. У него каждая мелочь и каждая вещичка на учете. Раз'ясняя красноармейцам необходимость бережного отношения к своим вещам, он сам в хозяйственности служит примером. Придя на конюшню и увидев, что в ней не чисто, он сам берет метлу и начинает подметать, показывая пример другим, или когда происходит чистка оружия, то он сам разбирает и помогает бойцам чистить. Этим он увлекает красноармейцев и приучает их к хозяйственности и бережному отношению ко всему, что находится в эскадроне. Побольше таких хозяйственников-командиров, как т. Сычев, и мы забудем о бесхозяйственности и наладим наше хозяйство.

14-й кавполк—военком эск-на *Воронин*.

Жизнь и работа отпускников.

(Связь полка с демобилизованными бойцами 1901 г.).

После демобилизации бойцов 1901 года наш полк дал наказы проводить работу в деревне, укреплять ее в культурном отношении и в строительстве Советской власти. Отпускники были снабжены литературой, необходимой для работы в деревне. В полку была создана комиссия связи, которая должна была одной из своих секций держать связь с демобилизованными. Уехав домой, старые бойцы не забыли наказов, которые давал им полк, и держат связь с полком, что показывают их письма о том, что они делают в деревне и как там ведется работа. Комиссия связи дает раз'яснения и советы по разным законам на запросы отпускников и высылает литературу в деревню.

Вот что пишут старые бойцы из деревни:

Тов. Лавров (с дороги, во время остановки в Ростове н/Д.):

„Прибыли в Ростов благополучно, дорогою читали литературу. Настроение хорошее, все ведут разговоры о том, как будут строить жизнь в деревне, дома. В Ростове нам была санобработка; ходили в баню, побрились и после был митинг, где наши бойцы выступали с тем, чтобы выполнять по-буденовски все задачи, стоящие перед нами. Везде нас встречали и провожали с музыкой".

Он же (из Кубанской области, ст. Калужской):

„В городе Краснодаре, когда приехал, встретили хорошо, дали мне должность в ст. Калужской, и я теперь секретарем ком'ячейки и заведывающий библиотекой в станице. Большое спасибо за библиотечку — она мне пригодилась здорово в работе, так как в деревне еще много темноты и много предстоит борьбы с ней, а также развивается самогон, с которым я поведу борьбу с ячейкой".

В следующем письме пишет:

„Спасибо за письма, привет всем бойцам и руководителям полка. Опишу жизнь в станице. Я секретарем ячейки, работаю и членом совета. По приезде в станицу я приступил к работе среди членов РЛКСМ и подготовке политграмоты членов партии. Организовал женотдел и ячейку ОДВФ, а также выпускаем стенную газету. Я три дня в неделю читаю лекции по политграмоте; хотя и сам слаб, но все же мы двигаемся вперед, хотя и медленно. Самогоноварение прекратилось совсем. Крестьянский выигрышный заем берут крестьяне охотно. Мало только культурных сил, приходится быть самому во всем инициатором. Скучаю очень по полку, по занятиям, которые я любил, особенно конные учения. Выписали на 8 экземпляров газет, а для станицы 75 экземпляров местной газеты. На всех собраниях приходится быть докладчиком. Кооперация у нас хромает. Пишите письма, они мне прибавляют силу в работе, а то трудно".

Тов. Котельников (Донского округа, хут. Титово):

„Привет и благодарность полку за память и за высланные газеты и справочник. Осенью думаем организовать клуб, избу-читальню. Молодежь идет навстречу нам. Старики же посматривают косо. У нас еще есть деление на казаков и иногородних, но, постепенно, не только молодежь, но и старики, начинают сознавать, что старые песни пропеты: при Советской власти все трудящиеся одинаковы".

Тов. Кишнякин (Кубанск. обл. ст. Ново-Величковская):

„Председателем у нас в станице, в исполкоме, бывший офицер, член партии. Человек как будто бы ничего. Помощник его тоже партийный, передовой человек в станице, но частенько бывает пьяным. Попивают и наши кооператоры. Кооперация вся в долгах. Культпросветработа среди населения не ведется. Ремесленники и кустари хотят организоваться в союз, но им никто не оказывает содействия. Демобилизованные кр·цы не организованы и с ними никто не считается. Я решил взяться за их организацию и буду это дело подталкивать в нашей парторганизации. Красная армия научила меня многому. Я занимаю должность начальника милиции".

Тов. Минин (из Воронежской губ.):

„Я состою председателем комитета взаимопомощи. Членами комитета являются мои сотоварищи, демобилизованные, ведем борьбу с самогонокурением. Некоторые самогонщики угодили под суд. Это хорошая острастка для других. Ведем борьбу и с религией. Жаль, что нет денег на выписку „Безбожника", а без него трудновато вести беседы, к тому же крестьяне с большим доверием относятся к печатному слову.

Тов. Стерликов (Уральск. обл., Сергиевский район):

„Состою председателем районного комитета взаимопомощи. Ваши письма служат для меня планом в моей работе. Как бывший военком, я охотно выполнял все планы и задачи в Красной армии, с такою же охотой выполняю их в деревне. Буду держать связь с вами".

Тов. Ракотянский (Кубанск.-Черномор. обл., ст. Ново-Пашковская):

„Всем горячий привет и великую благодарность за высылку мне „Красного Воина", так как я из газеты узнаю жизнь в Красной армии и что делается кругом нашего союза. У нас в станице газеты попадаются очень редко. Моя газета ходит из рук в руки, все ее читают. Также приходят ко мне и берут книги, которые я привез из полка. Вечером веду беседы с молодежью. Пишу в газету заметки — как в „Красноармейскую Газету", так и в „Красный Воин".

Тов. Александров (Воронежск. губ.):

„В деревне, в которую я приехал, ни ячейки, ни клуба нет. Есть изба-читальня, но работы совершенно никакой не ведется. У молодежи есть стремление к просвещению. Крестьяне совершенно нигде не могут получить никаких справок. Я прочитал две лекции по истории земли. Было слушателей до 50 человек. Много крестьян приходит ко мне за справками, на беседы. Очень интересуются жизнью центра. Попав в обстановку деревни, я особенно ярко увидел, что Красная армия — великая школа коммунизма. Счастливы те, которые попадают в стены этой школы. Полученные знания очень и очень мне пригодились".

Тов. Дубина (Кубанск. обл.):

„Я сейчас занимаюсь сельским хозяйством. Участвую в общественной работе. Крестьяне засыпают вопросами, на которые по силе возможности даю ответы. На общих собраниях крестьян провожу беседы. Вообще, начинаю бороться с беспорядками, темнотой деревни. Плохо то, что мало знаний. И мой наказ к товарищам красноармейцам: как можно лучше учитесь, внимательно относитесь к политчасам, потому что и вам придется оставить ряды красной армии и вернуться в деревню".

Тов. Галинский:

„Веду работу среди крестьян. В деревне темнота до невозможности, так же как и религиозность. Сельсовет бездействует. Отношение к крестьянам грубое, несознательное. Уверяю вас, что буду работать, не покладая рук, и никогда не поддамся темной деревенской стихии".

Тов. Зотов (Донская область):

„Состою членом бюро ОДВФ. Ведем работу по укреплению воздушного флота. Затем веду усиленную борьбу с самогонщиками. С момента моего приезда в хутор предал суду 62 человек злостных самогонщиков, в связи с чем самогоноварение сильно сократилось. Прошу вас, пишите мне письма и давайте советы, потому что ваше слово еще больше подкрепит мне силы".

Тов. Горобец:

„Работаю в исполкоме, в военном отделе. Вступил в кандидаты РКП. Налаживаю работу кружка. Здесь мы проводим беседы, ставим спектакли. Втягиваем понемногу крестьянскую молодежь".

Клуб ожил.

Клубная работа, которая до этого времени у нас в полку, в станице Старо-Величковской, еле-еле подвигалась, стала быстро подниматься с прибытием нового военкома полка, тов. Зеленова.

Тов. Зеленов быстро ознакомился с составом полка и, подобрав хороших работников, в том числе и клубников, стал двигать клубную работу с мертвой точки. Клуб был переведен в здание бывш. 2-х классного училища, где была устроена хорошая библиотека, театральная зала, со сценой и декорациями. Здесь бывает много кр-цев и местных граждан, т. к. в нашем клубе сосредоточена вся культурно-просветительная работа станицы.

Прибыл хороший организатор по клубному делу, тов. Трубицын, и, благодаря его стараниям, работа библиотеки и клуба пошли вперед. Подобран хороший драмкружок из своих же сил. Им часто ставятся спектакли, от которых сбор идет то на школу, то на приют и другие нужды. Ставятся также и бесплатные спектакли для красноармейцев. Постановка хороших пьес стала пробуждать массу бойцов к творческой работе. Образованная литколлегия часто выпускает устную газету, в которой бойцы принимают деятельное участие, описывая в ней жизнь части, читая свои рассказы и воспоминания.

Развиваются спортивные кружки; у нас есть и футбольная команда.

Бойцы, несмотря на усталость от дня учебы, — принимают живое участие в кружках, — особенно всех заинтересовывает игра в футбол.

Клубная работа вообще, благодаря стараниям клубработников, в особенности нашего завклуба, тов. Трубицына, идет хорошо.

Смотря сейчас на жизнь нашего полка, можно с уверенностью сказать, что передышка, данная нам, используется полностью и ни один час не проходит даром.

1-го эск. 14-го кавполка
Особой кавбригады *М. Воронин.*

Наше бюро.

Полгода тому назад наше Бюро представляло собой крепкий, тесно связанный дружескими узами кружок. В его состав входили: т.т. Соболев, Дюев, Лебедев, Зонис, Белевич (последний умер от тифа при переезде на Южный фронт). Отличаясь замечательным единодушием и спаянностью, это Бюро рано учло громадное значение широкого вовлечения в политическую жизнь полка красноармейской массы, с одной стороны, и партийной обработки комсостава с другой.

Под этими лозунгами и шла все время просветительная деятельность Бюро. Широкими митингами, глубоко продуманными беседами и лекциями, организацией коллективных чтений газет и литературы, вообще, Бюро добилось создания сильной и многочисленной коммунистической организации. Умелое приспособление к обстоятельствам, инициатива, способность быстро схватывать требования момента — вот основные, характерные черты старого Бюро. При полном отсутствии инструкций и руководств (одно время такое наблюдалось), Бюро в ряде совещаний вырабатывает проект инструкций для библиотек, для ком'ячеек и т. п. Когда на Петроградском фронте особенно остро почувствовалась нужда в газетах и литературе, Бюро приходит к мысли организовать издание полкового журнала, и под редакцией одного из своих членов, т. Лебедева, выпускает первый номер „Нашего Журнала".

Правда, журнал скоро прекращает свое существование, вследствие неожиданной переброски на Южный фронт, но это уже является обстоятельством, которое сильнее людей. Усилиями Бюро партийная организация была поднята на такую высоту, что к моменту ликвидации Южфронта, когда наш 21-й кавполк становится ядром вновь сформированной

кавдивизии имени доблестно-погибшего командира 40 полка Екимова, все руководящие политические посты во всех девяти полках замещают коммунисты 21-го к. п., так что в самом 21-ом к. п. их вновь остается небольшая группа.

По прошествии известного периода времени, энергично принявшись за работу, уже отчасти обновленное (часть старых членов из него выбыла), Бюро вновь создает крепкую организацию. Много выбыло старых „сибиряков" за эти 2 года. Совсем немного остается их теперь — и красноармейцев и политработников. Стерликов, в самом полку прошедший подготовительную партийную работу и из малограмотного политически человека превратившийся в дельного политрука, Гопаненко — такой же старый партизан, энергичный и умелый работник. Харитонов — и все... И красноармейцев не более как 20 - 25 человек осталось стариков.

С каждым днем обновляется полк. Но руководящий старый, „сибирский" дух остается в нем неизменным. Итеперь еще можно слышать с чувством некоторого превосходства произносимые слова: „Мы — сибиряки".

И можно только пожелать, чтобы и в дальнейшем полк не терял этот „сибирский" духовный облик, чтобы и новое Бюро шло по славным путям своего предшественника.

Зеленов.

Ликвидация безграмотности во 2-ом кавполку.

После долгих и упорных боев, после томительных переходов и лишений мы пришли к победе. И вот с ликвидацией врангелевщины, этого последнего контрреволюционного оплота, нашей первой задачей стояла борьба с безграмотностью, с невежеством наших бойцов. Часть наша получила на некоторое время передышку. Ее мы собрались использовать, главным образом, в этом направлении, тем более, что, казалось, обстановка благоприятствует нашему плану: фронт кончен, полку предстоит зимовка. Но осуществить наши намерения нам не дали „внутренние враги". „Батько" всех разбойников, кулаков и бандитов — Махно поставил пред нами другие задачи—железной метлой вы-

месть из пределов Украинской Сов. Республики всю нечисть, которая мешает налаживанию нового строя. Не доезжая до места зимовки, мы повертываем обратно, и снова начинаются бесконечные походы, погони за беспокойными партизанами".

Наконец, разогнав их, по разным направлениям и в сущности ничего не добившись, мы останавливаемся, наконец, в селе Михайловке, Екатеринославского уезда. Открываем клуб с библиотекой-читальней, организуем систематические собеседования, словом, начинаем развертывать просветительную работу среди красноармейцев, делаем попытку организации полковой школы грамоты. Нас встречает живой отзыв в красноармейской массе. Из эскадронов выделяются ученики. И... внезапный переезд в другой район, другой уезд. Приходится бросать все то, что с таким трудом наладили за неделю.

Приехали. Снова беремся за прежнее, хотя опускаются руки и падает энергия. Идя навстречу желаниям уже пробудившейся массы, вновь открываем в селе Орловщине школу грамоты. Правда, только в одном 2-ом эскадроне. Как раз в это время (уже совершенно против нашего ожидания) приходят из Побрига Особой пособия: буквари, тетради, ручки в самом минимальнои количестве. Но лучше немного, чем ничего. И вооружившись этими запасами, начинаем занятия.

Школа—простая крестьянскяя хата с огромной русской печью да двумя рядами расписанных икон и стенной лавкой. Перетащили из полуразрушенной местной школы побелевшую от времени классную доску, на которой, за отсутствием мела, пришлось писать углем. Своими силами сорганизовали колченогий стол, штук пять скамеек, выдали ученикам буквари (на два человека—один), тетради, ручки. Разбили учеников на две группы по 18 человек каждая. Одну взял я, другую—мой друг и приятель Лицентов.

Утром первого дня я был невыразимо счастлив: восемнадцать школьников сидели за кривыми столами и слушали мою речь. Занятия начались. Понемногу ученики стали привыкать к школьным порядкам—смирно сидеть, внимательно слушать учителя, заниматься по четыре часа в день. Начинало казаться, что одним лихим налетом мы уничто-

жим своего исконного врага - нашу серую безграмотность, наше бессознательное безразличие ко всему светлому, чистому, от чего так далека наша армейская деятельность. Но и на этот раз сорвалось. Опять поход. Опять банды. Нервные, озлобленные, оседлали бойцы своих коней и скрылись в ненастном тумане.

А мы как у разбитого корыта остались у своей опустевшей школы.

Время идет своим чередом. Полк гоняется за бандами. Побриг шлет циркуляр за циркуляром — открыть то, организовать другое, наладить третье. А наши *просветительные учреждения* волей судеб обречены попрежнему работать только на бумаге Действительность показала непригодность эскадронных школ грамоты.

Проходит день за днем. Эскадрона нет. И школа, которую представляли себе в радужных красках, бездействует. И мы, наконец, пришли к мысли о необходимости перемены метода. Решили создать одну полковую школу грамоты, забронировав в ней известное количество красноармейцев. Открыть ее удалось только на третьей продолжительной стоянке. Забронировали мы 27 учеников и открыли занятия в местной школе. Эта школа представляла достопримечательность своего рода — муравейник какой-то. Три смены местных учеников занимаются. Две наших. Комсостав да еще драматический кружок. Но парты и столы и прочая обстановка „великолепны". Занятия пошли быстро вперед. Понемногу ученики втянулись в дело и с увлечением принялись за учение. Отзывчивость и старательность учеников, с другой стороны, не мало способствовала поднятию нашей энергии и бодрости. С удовольствием мы занимались с ними по 4 и даже по 5 часов в сутки. Что за наслаждение было видеть эти 30 склоненных над партами голов,—слушать, как эти, что называется, „ни бе, ни ме" не знавшие люди начинают хорошо, хотя еще довольно медленно, читать и писать, решать задачи и примеры по арифметике, о которых они раньше и понятия не имели. Одно плохо; кризис в пособиях. Только приобретем бумаги (чаще всего нелегальным образом)—глядь, карандашей нехватка или перья вышли. И опять перерыв в работе.

Если на этот раз нам удастся постоять хоть немного на месте, мы сделаем первый выпуск, а пока еще вновь набрали 40 человек и начинаем с ними заниматься. К концу следующего месяца рассчитываем совершенно ликвидировать неграмотность в нашем полку. Еще один шаг, еще одно усилие. и—победа за нами. Невежество, наш последний враг,—будет побеждено.

Учитель *Смотров.*

Наш журнал.

(Из воспоминаний политработника).

Дело было поздней осенью 1919 года, на Петроградском фронте. Полк ушел на позицию, а мы, т.-е. хозчасть, клуб и прочие учреждения, остались в маленькой чухонской деревушке. Скучища ужасная. Общества никакого. С чухонцами на русском языке много не наполитработничаешь. Газеты приходят через час по ложке. Двадцать раз перечитанная библиотека. конечно, не могла удовлетворить запросов скучающей компании Словом, положение было неважное. Да и бойцы все время ворчали, что нет газет, журналов, писем и приставали к Бюро, чтобы оно как-нибудь пришло на помощь Вот захожу я. по обыкновению, вечером, к И. А. Соболеву, тогдашнему пред Бюро и военкому хозчасти, поболтать, убить время. Сидим за чаем, перекидываемся ленивыми фразами о том, о сем. У кого что болит, тот о том и говорит, так и я: начинаю, как водится, об отсутствии новостей, газет, писем...

Вдруг секретарь Бюро, Дюев, Н. А.—толстяк сорока двух лет, бездна добродушия и русской лени, „дядя Костя“ как мы его звали, и большой чудак по натуре, своим сонным голосом роняет:

— А почему бы нам не издавать свой журнал?

Я так и глаза вытаращил—не со сна ли думаю, он этакое... Дюев и журнал...

А Соболев ухватился:—„А ведь и дело—говорит—что же? Почему бы нам на самом деле не приняться за журнал? Времени—более чем достаточно, бумага есть, сил хватит...

Признаюсь, грешен, по всегдашнему интеллигентскому скептицизму усомнился в осуществимости предположенного, стал возражать.

— Помилуй,—говорю,—как же это так, вдруг?—хвать, да и журнал! А на чем мы его печатать будем? Где найдем сотрудников? И т. д. в таком роде.

Заспорили. Все—свое. А потом и я увлекся. Да что, думаю, и в самом деле—ведь не боги горшки обжигают. С литературой мы более или менее знакомы, и почитывали, и пописывали в свое время понемножку. Бумага у нас есть. Печатать можно в канцелярии.

— Ладно,—говорю,—идет.

Сейчас же принялись за дело. Выделили из себя (вернее, целиком вошли) редакционную коллегию и принялись распределять отделы.

— Ты,—говорит Соболев,—стихоплет, так бери себе поэзию, гражданскую и лирическую, я возьму статьи по разным вопросам, а Дююшка...

— А я буду вести официальный отдел,—авторитетно отозвался „Дядя Костя“ (он был юристом).

Теперь—сборы периодические: решили, что мне „поэзии“ одной мало—поручили обзор вести. Поднялся вопрос, как назвать журнал. Мнения разделились: Дюев стоял за что-нибудь громкое, в роде „Факел коммуны“, „Гроза Буржуазии“ или, по крайней мере, „III Интернационал“.

Мы с Соболевым оказались умереннее. Наконец, сошлись на названии „Наш Журнал“, как более интимном и не столь громогласном. Расселись за столом, взялись за карандаши, и работа закипела...

Через пять дней вышел в свет, правда, в ограниченном количестве, довольно солидный первый номер „Нашего Журнала“, причем с его печатанием не обошлось без казуса—машинист, вообще не долюбливавший „политических“, категорически отказался от сверхурочной работы, даже за плату, и мы с Соболевым при свете огарка две ночи печатали, путаясь с непривычки в шрифте и разгоняя сон „дарственными“ папиросами...

Должен сказать, что, к сожалению, мой скептицизм оправдался. Через несколько дней после выхода „Нашего Журнала“ мы погрузились в вагоны и отправились на Юж-

ный фронт. Там начались беспрерывные походы, военные действия. Потом я захворал и уехал в лазарет. А вернувшись из него, уже не застал своих редакционных коллег—„дядя Костя“ уехал домой, а Соболева перевели в другую часть. Так и распалось наше издательство.

Старый Сибиряк

Приветственное письмо.

14-му кавполку 1-ой Особой кавбригады
1-ой Конной армии.

От демобилизованных бойцов вашего полка.

Дорогие товарищи, красные орлы 14-го кавполка! Мы, ушедшие из рядов Красной армии, а в частности из дорогого для нас 14-го кавполка, в настоящее время проживаем в станице Старовеличковской и общим составом демобилизованных бойцов шлем вам свой горячий товарищеский привет, а также пожелание всех успехов в дальнейшем, т.-е. поражать врага так же, как поражали мы в историческую эпоху наседающую на нас отечественную контр-революцию. В особенности—молодым бойцам, занявшим наши посты в дорогом для нас полку, в общем - ряды Красной армии, а в особенности—нашей доблестной №-ой Красной армии.

Чтобы они так же учились обращаться с конем, винтовкой и шашкой, как на деле доказали своим уменьем мы, старые бойцы. А мы все-таки больше, чем уверены, что молодые товарищи, находящиеся в настоящее время в полку и стоящие на посту мировой истории, занимаясь учебой военного дела, выполнят все заветы Ильича о задачах Красной армии. Ибо за вашим движением учебы следят все заклятые враги нашей единственной в мире пролетарской республики, а угнетенный пролетариат видит в вас авангард и освободителя их из-под ига угнетателей-кровопийцев.

А мы, в свою очередь, постараемся выполнить заветы *Ильича* по сельскому хозяйству, т. е.—все для кооперации и через кооперацию—к социализму.

А потому, дорогие товарищи командиры, политруки и красноармейцы 14-го кавполка, да здравствует 5 ая годов-

щина нашего дорогого полка со дня его формирования и да здравствуют его командиры, политработники и красноармейцы!

Да здравствует наш дорогой и любимый вождь, организатор 1-ой Конной армии—тов. Буденный!

Корешок, Солодов, Заводний, Рыбаков, Рубин, Юрко, Калиниченко, Смагин, Ковальчук, Гайдуков, Колпаков, Брюханов, Брызгалов, Гаврилов, Альшанский, Каркачев, Донцов, Бондаренко, Пономарев, Сергеев, Бойчук, Горобец, Тельнов, Попов, Федорчук, Ваверис, Конев, Дедов, Тишкун, Тришковцев, Сердюков, Карлов, Афанасьев, Калунин, Лебедев, Бессарабов, Гараев.

НАШЕ СЛОВО

ВЕНОК НА МОГИЛУ ПАВШИХ.

Вы верили, идя в неравный бой,
На смертный пир,
Что солнце правды, жизни трудовой—
Зальет весь мир!
Вы крепко верили в победу рук:
Сохи, станка,
Погиб отец—докончит сын, иль внук—
Одна рука.
Вы верили—свободы маяки—
В свой правый стан,
И верим мы: проснутся бедняки
Всех стран, всех стран!

Мартын Задека.

ПАМЯТИ ПАВШИХ.

Вы гибли в сраженьях, в атаках смелых,
В борьбе за рабоче-крестьянское дело.
Спите, орлы боевые, красных Советов сыны,
Спите, герои лихие, жертвы гражданской войны!
Вы умирали в мученьях за революции честь.
Гибнет наш недуг лукавый, подвигов наших не счесть.
Вы на полях, окропленных
Кровью для нас дорогой,
Бились за всех угнетенных,
За идеал наш святой.
Спите, орлы боевые, мы на посту сторожа.
Враг не осмелится дерзкий гибелью нам угрожать.

Кр-ц 2-го эск-на *О. Берзин.*

ПАВШИМ БОЙЦАМ.

Вы пали со славой за вольность и право,
Любимые братья. Вам — вечный покой,
Проклятье убийцам и всем кровопийцам,
За старый порядок стоящим стеной.

Имен ваших миру никто не укажет
И памятник пышный не будет стоять
Над гробом, но вольная песня расскажет...
Потомкам, как честно вы шли умирать...

Вы пали не даром — могучим пожаром
У новых бойцов разгорятся сердца.
Придя вам на смену, мир вырвут из плена
И трон они свергнут златого тельца.

И скоро восставший и цепи порвавший
В единую семью сольется народ.
И в царстве свободы, забыв все невзгоды,
Он теням героев хвалу воспоет...

Красноармеец *Лебедев*.

УБИТЫЙ.

На лице — застывший ужас,
Прочь отброшено ружье.
Над недвижным трупом кружит
С громким криком воронье.

Кто он? Что он? Красный? Белый?
Чьею пулею убит?
В небо взор остеклянелый
Укоризненно глядит.

Ни шинели, ни папахи...
Скрали... — Вот она — война.
Из-под защитной рубахи
Рана черная видна...

Что-то думал он, сердечный,
Умирая под кустом?
Вспоминал ли край нездешний,
Где стоит отцовский дом?

Имя ль матери с тоскою
В миг последний он шептал?
Или занят был другою,
Что своею милой звал?

Кто расскажет? Кто ответит?
Неподвижен мертвый взгляд.
Равнодушно солнце светит...
Спи-ж, неведомый собрат.

Старый Сибиряк.

ТУРГАЙСКИЙ КАЗАК.

Выступая на бой,
Песню громко он пел...
За свободу страны
Жизнь отдать он хотел.

И пришлося ему
Пасть в неравном бою,
Защищая свой дом
И свободу свою.

И остался один
Конь, товарищ его,
Казака воронье
Расклевало всего...

Красноармеец *Стерликов.*

ПОЭМА О КОМАНДИРЕ ЕКИМОВЕ.

I

Никогда, никогда не погиб
Тот, кто умер за правое дело.
Пусть сгнило твое тело,
Как гриб.
Если ты жизнь отдал
За святой идеал,
За мечту золотую—свободу,—
Не погиб никогда:

Ты с народом всегда,
От народа — к народу.

II

Штаб-ротмистр Екимов Григорий,
„Блестящий офицер".
Не ты-ль подал другим пример,
Когда пенилось Красное море?
Не ты-ль сорвал погоны,
Взял в руки красный стяг?
И вот вчерашний враг,
Защитник короны —
Ты с нами... брат... в рядах.
И как шипели змеи,
Враги конур,
И нашей заветной идеи?
Ах, сколько бурь,
Кровавых бурь!
Ночные, хищные шакалы
Мозолей, пота — палачи,
На нас направили мечи,
Нас вызвали на бой кровавый
С одною голою рукой...
Это был последний, решительный бой.

III

Стояли черные заводы,
Пустели хмурые поля,
На защиту свободы —
Кричала земля:
„Рабочие взводы!
Крестьяне-взводы!"
На алчных химер!
И ты с нами новый, другой,
Всем близкий, родной,
Екимов, старый офицер,
Товарищ, друг красноармейца,
Пояка лихого командир,

Прямо не верится,
Что это был за славный пир!
От Петрограда до Новочеркасска
И дальше, до седого моря;
Ты точно рыцарь в сказке—
Екимов Григорий,
С своими сибирскими орлами
Играл белыми головами.

IV

Как нужно сильно, нежно, свято
Любить родной, измученный народ,
Чтоб отказаться без возврата
От мишуры и от господ.
Какую чистую душу
Нужно иметь,
Чтоб любить и умереть!
Спи мирно, красный герой,
Да не нарушу
Твой покой.

V

Есть светоч, яркая звезда,
Что манит разных рас народы,
Это светоч свободы—
Коммунизма звезда,
Она у нас, у нас она,
Что может быть святей и выше,
Как умереть за коммунизм,
Когда мы гимн его уж слышим.
И ты отдал, счастливый, жизнь,
Бессмертный, вечный гражданин,
На поле спора—
Без звука жалоб и укора—
Страны Советов сын.

VI

Вечная память...
Колонна тебе из мраморных глыб

И Красное солнечное знамя!
Нет, Екимов не погиб,
Екимов, ты—
Ты с нами.

Греков.

ПАМЯТИ ЕКИМОВА.

Вот вспыхнуло утро, и полк наш несется,
Несется бесстрашно вперед на врага...
В нем много геройства, в нем много отваги.
За правое дело и смерть не страшна.
Но что это? Выстрел? Снаряд разорвался,—
Убил храбреца, командира полка...
Он вырвал из строя тяжелую жертву,
Но все же пришлося ему отступать.
Так был тут убит командир наш бесстрашный,
Что смело в атаку ходил впереди.
Но мы не смутились тяжелой потерей
И лишь поклялися врагам отомстить.
Проклятье тебе, о наемник Антанты!
Недолго придется тебе воевать.
И всю твою свору мы сбросим, ведь, в море,
Где будете рыбу собой вы кормить.
Тогда над землею покажется солнце,
Не будет господ и не будет рабов,
И крепкою братской семьею возьмемся
За общее дело, за общий наш труд...

Красноармеец *Воронин.*

НА СМЕРТЬ НАЧАЛЬНИКА ПУЛЬКОМАНДЫ ТОВ. МИШИНА.

Помню борца я, товарища Мишина,
В славном Особом полку
Вел дисциплину в команде он крепкую,
Вечно он был начеку.
Был он любимцем у всех пулеметчиков...

Как мы любили его.
Как не хотелося нам расставаться с ним.
Как мы жалели его.
Пуля сгубила его белопольская,
Вывела вон из рядов.
Так и впилася в бок, как будто ужалила...
Пал он на землю без слов.
Жизнь свою отдал за дело народное,
Пролил горячую кровь.
Спи же спокойно. Тебя не забудем мы.
Вечная честь и любовь...

Красноармеец *Петухов.*

СМЕРТЬ ПУЛЕМЕТЧИКА.

Был верный товарищ, наводчик лихой
В команде,—фамилия его Шпилевой,
Отважно сражался за свой он народ
И крепкой рукою держал пулемет.

Свистящие пули летели туда,
Где гордых панов собиралась орда.
Внезапно—задержка. Умолк пулемет.
И кинулась шляхта в атаку вперед.

И пулей шальною был ранен боец.
„Все кончено... ранен... приходит конец...
Но пусть же справляет победу банкир—
Бедою окончится вражеский пир...

И скоро восстанет забитый народ...
И рабские цепи навек разобьет“:
Так раненый на смерть боец прошептал...
Он делом идею свою доказал.

Красноармеец *Власов.*

ПАМЯТИ ТОВ. АНИКЕЕВА.

Был славный боец Аникеев.
Он в армии красной служил.
За равенство, братство и волю
Он голову честно сложил.

Мы все до отхода на поле
Бесстрашно лежали в цепи.
Отставши от нас, поневоле,
Он сдался, не зная пути.

Но паны не знают пощады
И если попал красный в плен—
Поставят к стене, расстреляют,
И на смерть он был присужден.

Но помните, белые паны:
Мы вам никогда не простим.
За гибель несчастного брата
Мы вчетверо вам отомстим...

Так спи же спокойно, товарищ,
Погибший в неравном бою.
За благо родного народа
Ты голову сложил свою...

Красноармеец *Левашев.*

КРАСНОЙ СЕСТРЕ

Горя святой любовью к брату,
На фронт далекий ты пошла.
Ты в жертву красному солдату
Жизнь молодую обрекла.

Как тихий ангел, в лазарете
И днем, и ночью на ногах,
С улыбкой ласки и привета
На целомудренных устах.

Являлась ты к больным мученья
Несчастных братьев облегчить
И бодрость словом утешенья
В угасшем сердце возбудить.

При переходах, на привалах,
Зимой—в морозы, в летний зной,
Для нас, измученных, усталых,
Была ты другом и сестрой.

Я помню бой—рвались снаряды,
Дробь пулеметов впереди,
Ты шла бестрепетно с отрядом
С крестом багряным на груди.

Но пуля меткая попала,
Окрасив кровью твой висок,
И, как степной цветок, упала
Ты на желтеющий песок.

Покойся ж с миром. Пухом будет
Тебе сырая мать-земля.
Кто знал тебя, тот не забудет
И помянет добром тебя...

И. Вольный.

НАД МОГИЛОЙ ТОВАРИЩА.

Далеко от родного края
Ты уснул непробудным сном,
Не услышишь ты песень больше
В родном селе своем.

Разве только весной случайно
Из далеких родных степей
Прилетит и споет песню
Желанный гость-соловей.

Спи же, красный боец советов,
Сраженный пулею в бою.
Мы над телом твоим клянемся
Отомстить за кровь твою.

Красноармеец *Смотров.*

ТОВАРИЩУ ЛАЩИНОВУ.

Прилетел ты с юга смелой, вольной птицей —
От родного края отогнать врагов.
На врага летел ты, думал с ним сразиться,
И не знал, что ляжешь от руки панов...

Вдруг, в разгаре битвы ранило осколком
Белую, казачью, молодую грудь.
Ты упал на землю... —„Эй, вставай, товарищ,
Не на месте лег ты, чтобы отдохнуть".

Нет. Не отзовется. Неподвижный, строгий
В небо устремил он взгляд—живой укор.
Спи, родной. Не время плакать о несчастьи.
Нужно дать суровый недругам отпор.

Братья! Поклянемся не давать пощады.
Недругам сторицей нужно отомстить.
Близок час расплаты. Все на баррикады.
Пусть наш лозунг будет: „Пасть иль победить!"

Красноармеец *Шляпников.*

ГИБЕЛЬ ГЕРОЯ.

Памяти тов. Шестакова.

Ты выполнил честно задачу,
Врага отогнал далеко.
Но эта победа досталась
Родному полку нелегко...

Ты шляхту косил пулеметом.
Ты знал, для чего воевал—
За правду, за волю народа
Ты в жертву себя отдавал...

Под горенкой, в битве кровавой,
Снарядом убило тебя.
Ты дрался за дело коммуны
И жизнь свою отдал любя.

Покойся же с миром. Да будет
Могила приютом твоим.
Полк смерти твоей не забудет
Врагам за тебя огомстим...

Красноармеец *Петухов*.

ПЕСНЬ СОМНЕНИЯ.

(Попам всех стран и культов).

Вы говорите: „Бог над нами.
Он милосерд и справедлив,
Его извечными трудами
Обильны жатвы наших нив.

От века сущий,—сущих в странах
Он, триединый, сотворил...
Хвала в кимвалах и тимпанах
Властителю небесных сил“...

Но где же правда и законы
И беспристрастие его?—
Один имеет миллионы,
А миллионы—ничего.

Не бог ли виден в ваших войнах,
Насильях, казнях, мятежах
И предприятиях разбойных—
Колониальных грабежах?

Не бог ли в золотой короне
С идиотическим лицом,
Сидящий на мишурном троне
В своем наряде парчевом?

Не бог ли—в митре, омофоре,
От виноградных тучных лоз
С свиною тупостью во взоре —
Епископ? Это ли Христос?.

Так где же бог ваш „Промыслитель“?
Где „сущный вечно“ и „везде
Превечный мира искупитель“?
Его не вижу я.. Нигде.

Ивась Вольный.

ПИСЬМО КРАСНОАРМЕЙЦА.

Мама. Не жалей, что снова на войне я,
Что опять я слышу пуль докучных свист...
Я бы мог остаться,—но тогда, краснея,
Смог ли бы носить я званье: коммунист?

Коммунисты, знаешь, это те, кто стойки
Не с эстрады только, не лишь на словах,
Но и в лазаретах, где так жестки койки,
И на беспрерывных будничных фронтах.

Что же? На собраньях должен был лишь петь я
О борьбе и счастьи смерти за народ?..
И пускай в Сибири снова свищут плети,
И крестьян-рабочих буржуа гнетет?..

Мне немного лет? Но, знаешь, все, что старо,—
Там, у белых, злобно ковы строит нам...
А мне, в девятнадцать, имя коммунара,
Если долг исполню,—будет по плечам.

И не плачь, родная, если буду ранен,—
Ведь, пойми же,— за Интернационал.
В годы революции нужно сердца пламень
Закалить борьбою, заковать во сталь...

Для победы нужно жертв, конечно, много,
И, быть может, жребий на меня падет...
Но одна открыта для меня дорога,
И она лишь к счастью, знай, меня ведет...

Доброволец.

* * *

Я ненавижу Византию
И христианства мрачный бред,
Не понимаю их Мессию
И не ценю его обет..

Нет! Возрожденный новой силой
(Во мне дух разума живет),
Для жизни я порвал с могилой,
Избрав трибуну—не киот.

Пусть славославием святые
Слух тешат „горнего царя“,
Свобода—вот моя стихия,
Вот муза чудная моя...

С архистратигами не знаясь,
(Я сил „бесплодных“ не люблю),
Живу, землею наслаждаясь,
И гимны в честь ее пою...

Ивась Вольный.

КРЕПЧЕ БОРИТЕСЬ.

Красное пламя бурлит и клокочет,
Сыплются искры кругом,
Мир загорелся, кипит и грохочет.
Крепче боритесь с врагом.

Облетает мир безбрежный
Клич победный, клич летучий,
Он, крылатый и мятежный,
Поднимает мир могучий.

Разбиваем рабства цепи,
Разрушаем все барьеры,
Трудовой семьи мы дети,
Открываем счастью двери.

Красное знамя бурлит и клокочет,
Сыплются искры кругом,
Мир загорелся, кипит и грохочет.
Крепче боритесь с врагом!

Гусарский.

НА ПЕРЕПУТЬИ.

Вышел я на перепутье.
Две дороги предо мной;
По которой же направлю
Шаг уверенный я свой?

Вот дорожка полевая
Змейкой между нив бежит,
Появляясь, исчезая,
В даль она меня манит.

В даль чудесную, где поле
Солнце золотом зажгло,
Где раскинулось на воле,
Как красавица, село.

Где природа, воздух, небо,
Где так радостно лышать...
Не по этой ли дороге
Буду путь я продолжать?

. . . . . .

Вот широкая, прямая.
Та, что к городу ведет,
Где, массивом подавляя,
Мрачно высится завод.

Где фабричные сирены,
Злобно воя по утрам,
Возвещают о работе
Истомленным беднякам.

Где ни неба, ни простора,
Где, камнями стеснены,
Позабыли люди свежесть
Возрождающей весны...

Город. Город. Страшный город.
Чуждый солнцу, свету дня.
Черствой, каменной громадой
Подавляешь ты меня.

Все, чем в свете дорожу я,
Все, что есть в душе моей,
Безвозвратно погублю я
В пасти каменной твоей.

Обескровленный, разбитый
В нескончаемом бою,
За кусок несчастный хлеба
Рано кончу жизнь свою.

. . . . . .

Вправо. Вправо... Шум слабеет..
Далеко фабричный дым ..
Прими меня, деревня,
Сыном любящим своим ..

Ивась Вольный.

ВИХРИ ОКТЯБРЬСКИЕ.

Вихри Октябрьские,
Грозно-стихийные,
Разбившие царские
Троны кровавые
Вихри могучие,
Вихри великие
Царство родившие,
Миру грозящие.
Выше взвивайтеся!
Глубже врывайтеся
В недра подземные,
В выси надзвездные.
Разбейте грозящие
Преграды стоящие,
Люди свободные,
Гордые, смелые.
Выше могучие
Стяги кровавые.

Горобец.

НОВЫЙ ГОД.

(Памяти 1920 года).

С Новым годом поздравляю,
Вас, товарищи-друзья.
И от всей души желаю
Вам здоровья, счастья я.
Верю я, что год 20-й

Есть последний год невзгод,
Что уж скоро час расплаты
Для всех недругов пробьет...
Мы Сибирь отвоевали,
Свергнут нами был Колчак,
Красный Питер отстояли
От родзянковских вояк.
И за счастие народа
Мы на дальний юг идем,
Где Деникин-воевода
Понадумал быть царем.
Пусть же этот враг последний,
Как и прежние, падет.
И тогда над Русью бедной
Солнце красное взойдет.
И с победными лучами
Ночь исчезнет навсегда.
В бой. Последний бой с врагами
За Республику Труда.

Старый Сибиряк.

КРАСНЫМ КАВАЛЕРИСТАМ

Смело, красные орлы,
Смотрите—вот они, паны.
Дружней на гордого врага,
Коль честь вам ваша дорога.
Коня ретивого вперед
Пускай во весь опор,
И дай зазнавшимся врагам
Стремительный отпор...
Еще не много и—ура!
Начнется старая игра—
Коли. Руби. Топчи. Смелей!
Отродий барских не жалей.
Разбей Разбей их в пух и прах,
Чтоб знали, что такое—страх.
Тогда и честь, и слава вам,
Кавалеристам-удальцам.

Красноармеец *Смотров.*

НА ТРУДОВОМ ФРОНТЕ.

(Работа полка после врангелевского фронта до 1923 г.—стоянки на Кубани).

Наш четырнадцатый кавполк удалый,
Он примерный был в строю,
Бил врагов он и разруху,
Безпощаден был в бою.
Мы врагов давно разбили—
На Украйну полк пошел:
На зимовку разместились,
Но Махно вскоре пришел.
Отдыхать нам не пришлося:
Мы за бандою пошли.
Снова шашки и винтовки
Вновь работу тут нашли.
Эскадрон пошел наш первый—
Дружно кинулся он в бой:
Командир кричит—„Ребята!
Шашки вон. Вперед „за мной".
Сам вперед, служа примером,
С шашкой острой он скакал—
„Все за мной. Скачи карьером".
Нам команду подавал.
Но махновцы не сдаются:
Видно, на утек пошли.
„Нет пощады. Бей их, хлопцы.
Без пощады их руби".
Вот их много порубили,
Много в плен тогда взяли,
И вернулись мы с победой,
Отличившися в бою.
И в борьбе зимой за бандой,
Весь свой отдых провели,
Но зато дали возможность
Часть бойцам домой уйти.
Несмотря на все те банды
Махно. Коробка и Брова,
Дружно взялись за работу:
Возим с леса мы дрова.
Мы привыкли со врагами

Побеждать их всех в бою,
Победим мы и разруху,
Бесхозяйственность свою
Не страшна для нас работа,
Скоро справимся, ведь, с ней.
У бойцов одна забота—
Мирно жить и жить вольней.
Хорошо все понимаем,
Для чего дрова нужны.
И поспешно выполняем
Все заданья, что даны.
Но вот окончена работа,
Задача скоро решена,
Тут опять у нас забота:
Обсеменить надо поля.
Помочь надо бедным семьям,
Красноармейским матерям,
Инвалидам и сиротам,
Всем неимущим и вдовам.
Все мы рабочие—крестьяне:
Нам работа не страшна,
Только нужно матерьялу—
Позасеем все поля.
У кулака ведь есть машины,
Раскулачим мы его.
Что имеет он излишне,
Заберем мы у него.
Вот устроили мы пункты,
Что прокатными зовут,
Ты берись, бедняк, за дело,
Инвентарь тебе дадут.
Мастерские тут открыли
Для починки инвентаря,
И бесплатно об'явили
Починять для бедняка.
Посевкомы организовали,
Выбрав лучших в них людей,
Для работы выделяли
Неимущим лошадей.
—„Семян нет? Берись за дело,

Заяви, иди в комбед,
За работу берись смело
И тогда не будет бед".
И работали мы с плугом,
Держа винтовку за плечьми,
Нельзя расстаться с верным другом,
Труд мирный охранять должны.
Так работали мы в поле,
Трудов здесь много положив,
По нашей твердой, крепкой воле
В сельхозе фундамент заложив.
Пусть не думают бандиты —
Буржуй, помещик и кулак,—
Что мы разрухою разбиты
И с ней не справимся никак.
В ответ на вражьи мы сужденья,
Даже не стали отдыхать.
На фронт труда без размышленья
Пошли хозяйство поднимать.
У нас и в данную минуту
Ничто не вырвется из рук,
Ни молот, плуг и ни винтовка,
И нападенье отразим мы вдруг.
ВЦИК., увидя всю работу,
Заслуги наши подсчитал,
Наградить нас взял заботу,
Знамя Красное нам дал.
Но вот приказ мы получили
На Дон с Украйны перейти—
Нам благодарность об'явили
От украинской бедноты.
Поход был дальний и тяжелый,
По пыльном, жарком нам пути,
Кавалерист же был веселый,
Песни пел он—„Конь лети".
Вот пришли мы на стоянку,
Наверно, будем отдыхать,
Пора же страдная подходит,
Нам лучше время не терять.
Нам косить, ведь, надо сено,

На зиму корму запастись,
И, за косы взявшись, смело
За работу принялись.
Зазвенели в руках косы:
„Косари“ пошли вперед!
Несмотря на то, что босый
Боец песенки поет.
Скоро закончили покосы,
Сено в скирды мы свезли,
Ходят слухи и расспросы —
На Кубань нам перейти.
Неспокойно на Кубани:
Бандитов много развелось,
Под командою Дубины
Наступление велось.
На Кубань только приходим —
Банда вдруг встречает нас,
И жестокий бой заводим,—
Потрепали их тут враз.
И на кучки их разбили...
Бегут бандиты, кто куда,
А также много порубили
И бить их стали без труда.
Воевать, ведь, нам неново,
Храбро б'емся мы с врагом,
И кубанские все банды
Скоро, скоро разоб'ем.
Из-за этих-то бандитов
Продналог не собран был,
Для Республики Советов
Хлеб голодным нужен был.
Налога сущность понимая,
Зачем он нужен для страны,
И тут меры принимаем,
Собрать задачи нам даны.
Сразу работа закипела—
Налог мы стали собирать:
„Разбой“.—Кулачество запело.—
„Большевики пришли нас обирать“.
Но видя, что бандитов нету—

Поддержки с ихней стороны—
Подчинилися декрету,
Сдавать налог везли они.
Хоть зла тут было много,
Несознательности—тьмы,
И за сокрытие налога—
Не обходилось без тюрьмы.
Как ни трудно нам работать,
Но наш ведь, лозунг—побеждать!
Мы агитацией и делом
Казаков стали убеждать.
Труды ведь наши не пропали,
Налог собрать мы помогли,
Комиссии, отряды выделяя,
Давали помощь, чем могли.
Теперь мы в мирной обстановке,
Год второй уже стоим;
Что происходит за границей—
За этим зорко мы следим.
И видим мы, какие планы
Буржуазия против нас чертит—
Должны мы быть всегда готовы,
Чтобы врагов вновь отразить.
А для того, чтобы умело
Могли сражаться со врагом—
Мы за науку взялись смело:
Руби, коли, учись с конем.
Строй военный повторяем,
А также учим молодых;
Красную армию сокращаем
И служим каждый за троих.
А как идет у нас ученье—
Скажу я после, а пока,
С буденовским приветом
Кавалерист четырнадцатого кавполка.

М. Воронин.

ТРИ ГОДА.

(Написано к 3-х летнему юбилею бригады).

Да здравствует праздник Особой бригады,
Что три славных года не знала преграды,
В разгаре жестокой борьбы сформированной,
С мыслью защиты Советов основанной,
Гордо и смело пошла на врагов
За власть Советов, за власть бедняков.
В то время ведь Польша на-нас наступала,
И наша бригада с ней в битву вступала,
С лозунгом верным: „Вперед и вперед!"—
За мирный труд, за рабочий народ.
Храбро дралася, панов на пути побеждая,
В боях легионы, полки разбивая;
В минуту опасности вновь для страны,
Когда наступал враг с другой стороны,
Бригаду на Врангеля нашу послали
И тут также мы победу стяжали.
Разбили мы Врангеля, били Махно:
Вся эта шайка была заодно.
Покончили с ними, взялись за работу—
За помощь крестьянству—вот наша забота;
И за учебу мы дружно принялись,
Военной науке ведь мы обучались,
И, празднуя трехлетний юбилей бригады,
Мы скажем—„Нет для нас преграды!".
На всех фронтах и фронте просвещенья,
Чтоб сильным быть. — „Да здравствует ученье!".
Как верный страж, смело и гордо стоим
Мы—часовой Советов—за всем зорко следим.
Да здравствует армия Конная-Красная,
Бригада Особая, врагам всем опасная,
С вождями ее непобедимыми,
И бойцами в боях непоколебимыми,
В свой трехлетний юбилей—
К новым победам. Бригада, смелей!

Старый боец *М. Воронин.*

ИСПОЛНИМ.

(Написано после призыва 1901 г.).

Надоела нам грязь на Кубани,
Что ни день, то вновь дождик идет —
Было много за это там брани,
Как погода такая пойдет.
Целый день ведь занятья проходят,
Обучают бойцов молодых,
По колено в грязи их там водят,
Надо сделать героев из них.
Поступили они к нам недавно,
На замен наших старых бойцов,
За войну те устали изрядно,
Показав в ней лихих удальцов.
И теперь отдохнуть им уж время
И хозяйство в порядок привесть,
Передать свое славное „бремя“—
Молодым Знамя Красное несть.
А когда по домам уходили,
Они завет нам оставили свой,
Об одном они нам говорили:
Изучайте скорей красный строй!
Берегите коня и винтовку,
Пикой, шашкой учитесь владеть,
Хорошо знай военную сноровку,
На коне учись лихо сидеть.
И теперь мы завет выполняем,—
Целый день строю учимся мы,
Командиров приказ исполняем,
Будем так же храбры, как они.
И хотя нас погода смущает—
Недостатков есть много у нас,
Но учиться ничто не мешает—
Если трудно пришлося зараз.
Мы все ясно теперь понимаем,
На каком мы посту все стоим;
Кто враги, хорошо также знаем,
И за ними мы зорко следим.
Также знаем их планы-заветы,

Чтоб надеть на нас цепи оков;
Охранять будем твердо Советы—
Власть рабочих, крестьян, бедняков.

Старый боец *М. Воронин.*

УЧИСЬ, УЧИСЬ.

Учись, учись, ученье—свет,
Умным будешь или нет,
Того никто не знает,
Ведь у иных талант бывает.
Может быть, и ты такой,
Талант у всякого есть свой,
Учись, учись, не забывай —
Науки все ты познавай.
И их когда ты все познаешь,
Тогда и это ты узнаешь,
Что неученье—тьма зовется—
С нею ты должен бороться.
От ней бывает много бед,
От тьмы погиб—один ответ,
И в просвещенный этот век
Будь ученый человек.
Ты властелин есть на земле,
С умом подвластно все тебе,
Ты природу покоряешь,
Ты и страною управляешь!
Так знай вперед и не забудь:
Учись, учись, ученым будь.

М. Воронин.

* * *

Ну что-ж, расскажи, старикашка, по дружбе,
Что в церкви сегодня видал?
Какая сегодня там служба,
И, может быть, новость узнал?

„Да.—Вздохнув глубоко,
Голосом начал глухим
(Что не встречалось давно):
Видел я в церкви людей,
Много их, много было,
И каждый как будто иконе своей:
Молился и я. Я был там в углу.
Тоже смиренно вздыхал:
Все были нарядно одеты—
Праздник им бог посылал.
Красиво светились огни,
Как будто бы празднику рады они,
Но это известно и вам,
Что праздником делают там.
Вот кончилась служба,
Люди толпою ушли—
Ждали их дома обеды.
Все уж прошли.
Вышел последним и я.
И что я увидел тогда?
Хотя и не новость была,
Но там, под церковным забором,
С болезненно-детским укором
Мальчишка сидел.
На меня он так кротко, невинно смотрел
И плакать неслышно старался.
„Ради христа,—он просил,—
Один я остался,
Отца я не знаю давно,
А мать умерла вот недавно.
Дайте мне ради христа“,—
Плаксиво просил он меня.
Холодно было, он крепче сжимался
В рваных лохмотьях своих
И как будто бы скрыть их старался.
Голое, синее тело...
Хотя бы ты в церковь зашел,—
Сказал я с участьем.
„Меня не пустили—я шел“...
Вот какую там правду

Сегодня увидел я там:
Тут праздник повсюду,
А там, под забором,
С голоду гибнет дитя.
Замерзло б уж—ради христа.

Горобец.

„ЗЕМЛЯКАМ ИЗ КРАСНОЙ АРМИИ".

Послание первое.
(из старой тетради).

Токашурские граждане,
Исполкомщики, крестьяне,
Люд рабочий, трудовой—
Вам привет далекий мой.
В первых же строках письма
Извещаю вас: весьма
Я доволен и счастлив,
В пух и прах врага разбив,
Наша армия вперед
Вдаль без устали идет,
И (бессилен белый бог)
Скоро вступим в Таганрог...
Киев вновь захвачен нами.
Скоро схватимся с панами—
Сворой ксендзов и господ,
Польский что народ гнетет.
Балахович с Гольцем вместе
Слышат тож лихие вести,—
Что на ихние полки
Валом прут большевики,
И что английские танки
Не спасут теперь Родзянки.
Слишком много уж полков
Едет красных казаков
Все сибирские ребятки...
Для последней, значит, схватки.
И от этакой напасти
Многочисленные власти

Прибалтийских стран (как быть?)
Мир стремятся заключить,
Да мешает, вишь, Антанта,
(Богачей всесветных банда).
Чуют гады, что настал
Для господ девятый вал.
Вот Антанта и хлопочет,—
Задушить нас, братцы, хочет,
Люд рабочий покорить,
Власть буржуям возвратить.
Только ихние крестьяне
Уж не те, что были ране.—
Начинают бунтовать:
Не хотим-де воевать
С трудовым российским людом,
Будет кровь вам лить, Иудам,
Для корысти для своей,
Для защиты богачей.
Нам враги-то не крестьяне,
А банкиры да дворяне.
Вот каков рабочий сказ.
Вывод ясен здесь для нас—
Трудовой народ проснулся,
Класс рабочий всколыхнулся
И готовит помощь нам...
Будет жарко богачам!
А до той поры мы, братцы,
Как-никак должны держаться,
Увеличить нашу рать,
Боевой в ней дух создать,
За работу взявшись дружно,
Дать армейцам все, что нужно—
Хлеб, одежду и снаряды,
Чтобы красные отряды
С новой силой на врагов
Лес направили штыков.
И тогда мы очень скоро
Навсегда покончим с сворой
Генералов и попов,
Спекулянтов, кулаков.

Сетью школ страну покроем,
Изб-читален понастроим,
Все заводы пустим в ход,
Чтоб измученный народ,
Позабыв невзгоду злую,
Смог наладить жизнь иную—
Без начальства. без властей,
Без нужды, без богачей...
Ну, пока довольно, братцы...
Написал я вам, признаться,
Кое-как. И то—отвык...
Вам известный большевик,
Друг рабочих и крестьян,
Писарь—

Лебедев Иван.

СТУЧАТ ОДНОЗВУЧНО КОЛЕСА.

Стучат однозвучно колеса
И движется поезд вперед...
Под красные призвал знамена
Нас порабощенный народ.
Идем на Урал и Сибирь мы,
Где белые грозно царят,
Где в тюрьмах восставших рабочих
Попы и буржуи гноят.
Где слышатся стоны и вопли,
Где реки народной крови...
Чтоб братьев от рабства избавить,
Мы головы сложим свои.
Быть может, при первой же встрече
В неравном бою мы падем,
Быть может, погибнем в неволе
Замучены злобным врагом,
Но знаем, что встали за правду
Мы—дети нужды и труда,—
И гордо сияет над нами
Красная наша звезда...

Старый Сибиряк.

ИЗ БОЕВОЙ ЖИЗНИ.

Вот мчится конница лихая
На эту врангельскую рать,
Буденный, саблею сверкая:
„Вперед, товарищи. Ура!“

Мы свободу добываем,—
Наша армия сильна,
И хоть много в свете гадов—
Разобьет их всех она.

„Будь, товарищ, ты на страже!“—
Нам Буденный говорит...
Мы погибнем за свободу,
Если нам судьба велит.

Но желанную свободу
Мы врагам не отдадим.
И с врагом в неравной битве
Иль умрем, иль победим!

Красноармеец *Шляпников.*

* * *

Тишина вокруг советов зарубежная.
Что творится там?
Скоро будет буря неизбежная,
Даю слово вам!
Стихло. Замолкли гады мировые,
План чертят для казней новых.
Морочат люд рабочий—не впервые.
Эй, товарищ! Не зевай! Будь готовым!
Не забудь и это гадам показать,
Растолкуй им все яснее,
Что умеем мы и новый мир создать
И зажить счастливей, веселее—
Передышка; время не теряй!
Бери в руки молот и топор,
А винтовку—ни! ни!—не бросай!
А разрухе дай отпор!..

А. Донецкий.

МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Вьются красные знамена.
Песни вольные звучат.
В прах летят с голов короны.
То—проклятьем заклейменный,
Восстает пролетариат.

Тщетно верные жандармы
Запоздалый бьют набат.
Не уйти от грозной кары!
С треском рушатся казармы,
Просыпается солдат.

И купцы, и офицеры,
И монахов черных рать,
И эс-деки и эс-эры—
Все под стяг царя и веры,
Чтоб „холопов" обуздать!

Право-левые центристы
(Всех едва ль и сосчитать!),
И прямые монархисты,
И полу-социалисты—
Порешили: „усмирять!"

Сербы, чехи и бушмены,
И словацкая орда,
И английские „джентльмены",
И французы—словно стены,
С четырех сторон... беда!...

Но все шире, шире пламя,
Вьется, рвется на простор...
Гордо реет наше знамя
Над железными рядами,
Веселя бунтарский взор.

Не согнет рабочий спину!
Нет! Сквозь тесный вражий стан
По горам и по долинам
Клич несется: „Воедино,
Пролетарии всех стран!"

Кроют землю баррикады.
Угнетенный мир встает

И, не знающий пощады,
Чрез буржуйские преграды
Фронт единый создает!...

Ивась Вольный.

КАПИТАЛ И ПРОЛЕТАРИЙ.

Подражание А. Пушкину: „Бонапарт и черногорцы".

„Пролетарий? Что такое?—
Капитал раз вопросил;
Неужели даже русский
Не боится наших сил?
Обождите-ж, санкюлоты...
Об'явить им всем сейчас,
Чтоб без спора возвратили
Все, что отняли у нас.
Сколько фабрик и заводов!
А военные долги?
В рабство всех их, всех в лакеи
Чистить нашим сапоги!"
Вот он шлет на нас „героев"—
Тут Юденич и Колчак,
Тут Деникин, с ним и Врангель,
Словом, всех их что собак.
Нам сдаваться нет охоты,
Пролетарий не таков:
У него есть меч могучий,
Молот в тысячи пудов.
У него есть много силы,
Капитал нам полбеды:
Есть и конница, и пушки,
Красной армии ряды.
Мы засели. Ждем: что будет?
Что? Что? Взяли нас в кольцо?
Смело в бой! И с красным флагом
Смерти глянули в лицо.
Жарко было: мы рубили,
Тысячи голов снесли,
Полководцы же „герои"

Еле ноги унесли.
С той поры нас ненавидит
Капитал, наш вечный враг,
И дрожит от страха — только
Видит ярко-красный стяг.

М. Греков.

ГОЛОС „КНИГИ ТВОРЧЕСТВА".

Лишь родилась я на свет,
Как все, почти без исключения,
Мне доставляют огорченья
И много мерзостей и бед...
Просила я: „Пиши, мой друг,
Твори, и этим развивайся,
Учи, учить других старайся,
Используй выгодно досуг"..
Увы! Не поняли меня...
И вот финал: я полна грязи.
Поверьте, в каждой вашей фразе—
Обида, да и плачу я...
Когда уйдете вы домой,
А я одна здесь остаюся—
До утра я в слезах томлюся
И проклинаю жребий свой...
Зачем калечите меня?
Мое высокое названье
Отдали вы на поруганье,
Кому же?—Будням, злобе дня
Вы от начала до конца
Меня заполнили лишь бранью,
А мысли, творчеству и знанью
Не дали строчки... для бойца...
За свой короткий, горький век
Я много, много испытала...
Конец мой близок... Я устала...
Так слушай, черствый человек:
Я ухожу, но смена есть,
Люби, холи мою подругу,

Будь благодарен за услугу,
Храни ее, как глаз, как честь.
Теперь прощай и будь счастлив...
Обиды все твои забуду,
Быть может, завтра же я буду
Взята „коллегией" в архив...

Книга творчества.

Голос книги творчества переложил в стихи по ее просьбе

М. Греков.

ПЯТЬ ЛЕТ.

Пять лет борьбы и напряжений,
Пять лет могучего труда—
И вот над нами в блеске славы
Сияет яркая звезда.
Мы победили. Серп и молот
Сковали нас в одно звено...
А сколько сделать дальше нужно,
Еще нам сколько суждено!
Рабочий! На родном заводе
Теперь хозяин только ты.
Из стали, меди и железа
Выковывай стране цветы...
Крестьянин, пашни – беспредельны.
Владыкой мира будет труд.
„Казак"—почет одним мозолям,
А лени—наш позор и суд.
Будь зорким, друг, красноармейцем,
Держи винтовку и клинок...
Нас ждет давно к себе на помощь
Юг, Север, Запад и Восток...

М. Греков.

ЭС-ЭРЫ.

Кто они, враги народа,
Всех рабочих и крестьян,
Продавалась кем свобода
Капиталу хищных стран?
Кто они, земли химеры?
„Эс-эры".
Кто с помещиками знался?
Генералам, кто был друг?
Для буржуев кто старался,
Заменил им верных слуг?
Их злодействам нет и меры.
„Эс-эры".
Кто с наемными войсками
Выступал не раз на нас,
Чтобы властвовать над нами,
В лапы взять рабочий класс?
Эти жадные пантеры
— „Эс-эры"
Кто в войну освобожденья
Нам в тылу вредил всегда?
Кто стрелял в Вождей Движенья,
Как не эти господа?
Кто они, чьи души серы?
„Эс-эры".

Наказанье высшей меры
Понесли уже эс-эры...

М. Греков.

ДВА СОСЕДА.

(Экспромт)

Из церкви придя, хмурый дядя Влас
Плотнехонько поел, напился чаю,
Цыгарку выкурил. Потом на час
Пошел он поболтать к соседу Ермолаю.
А было это утром в воскресенье.

— „Здорово, кум. Ну, как твой хлебец?“—„Ничего,
Пудов за триста будет у меня всего.
Отдам вот продналог, оставлю на обсемененье,
А остальной в моем распоряженьи.
С меня довольно. Ну, продам немного,
Нельзя же, знаешь сам, нужна подмога“.
— „А сколько же с тебя пудов-то продналога?—
Спросил угрюмый Влас.
— „Да что-то в роде сотни.
Хочу вот отвезти весь хлеб зараз,
Потом же будет мне вольготней“...
— „Избави бог тебя,—вскричал тут дядя Влас.
Все сто пудов? К чему, что за нужда?
Не торопися, кум, спешить куда?“
— „Да как куда? А что ж, делить на части?—
Сбил Власа Ермолай.—Не в интересах власти.
Скорей свезем мы хлеб—и тем скорее
Наладим жизнь в стране. Куда живее?
Есть хлеб, вези, брат, что лукавить?“
— „Ну, весь везти, скажи-ка, кто меня заставить?“
— Ведь урожая все равно не скроешь.
— Ты—гражданин, забыл о том?“
Повесил голову угрюмый Влас.
— „Прости меня,—сказал он Ермолаю.—
Ты прав“. И через час:
— „Ну, что же, Ермолай, везем? Я запрягаю!“

М. Греков.

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ.

(Пародия)

Весело сияет
Месяц над столицей
И резвится в небе
Золотою птицей.
Тишина немая,
Нет ни ссор, ни драки,
Трудовой люд в поле,
Там же и собаки.

Лишь в одной аллейке
Слышен шопот нежный
„Кто-то“ там „кого-то“
Чмокает прилежно.
Да в одном домишке
Светится лампада,
Кто ж не спит так поздно?
Гм! Узнать бы надо!
Подошел к окошку
(Я на все привычный).
Глядь, там пред иконой
Поп стоит станичный...
Молится, сердяга,
А в глазах тревога:
У него теперь же
Сборы продналога...
Крестится умильно
И поклоны бьет...
Дудки, батя, дудки—
Номер не пройдет!

М. Греков.

КТО ОН?

(Посвящается красному кавалеристу)

Кто он, светлоликий,
Гордый и великий,
Как Георгий Римский, на коне
У ворот отчизны,
Новой, яркой жизни?
„Давайте мир стране!“
Кто он, воин строгий:
Разрушив чертоги
Проказных, сытых, жадных палачей,
Стоял на страже братства
Враг цепей и рабства
И гроза царей?

Кто он, юноша прекрасный?
— Кавалерист красный!
Кто он, солнечно лучист?
— Красный кавалерист!
Гордость пролетариев всех стран?
— Все же он... титан!

М. Греков.

ФЕЛЬЕТОН.

I.

На Красной, у запечатанной аптеки, встретились два подростка 15—16 лет, девочки, которые улыбнутся вам, когда назовете их барышнями.

— „Ах, здравствуй, Сонечка, (поцелуй)! Как живешь, мой дружок (еще)? Что-же это тебя так долго не видно (третий)? А у тебя сак новый! Кто шил? Какая прелесть! Да, знаешь, сегодня в клубе вечер молодежи, пойдешь? Нет? Почему, миленькая? Пойдем. Говорят, интересно будет".— „Нет. Я пойду ко всенощной".—„Но почему же ты не хочешь пойти в клуб?"—„Да мама не пускает",

II

В 2 часа ночи. У дверей маленького дома беленькая фигурка, осторожный стук...—„Кто там?"—слышится сердитый голос из комнаты. „Это я, мама". Минута. Скрип отворяемой двери. — „Где это тебя черти носили?" — „Я в клубе была. Там вечер молодежи..."—„А, вечер молодежи? С солдатами знаться? Что же, ты хочешь, чтобы и нам дегтем ворота охузовали? Вот тебе! Вот тебе"!

И еще целых десять минут остановившийся прохожий слышал, как раз'яренная мать таскала по коридору свою непослушную дочь...

III.

Две похожие на ?? бабушки идут со всенощной... У клуба движение. В здании слышны говор и смех...—„Вот, Сергевна,

времена! Совсем, окаянные, бога забыли. Люди в церкве стоят, а они в музыку... Киянтер сбоку храма господня. И как только терпит господь милостивый... И наших соблазняют... Вот сегодня какой-то вечер молодежи, мне внучек Петюшка рассказывал... И что-же, родная, собирается и он итти к этим безбожникам. Как-же, так и пошел! Спрятала сапоги и штаны под замок... Небось, без штанов не пойдет".

IV.

Завклуб тов. Трубицын, полымая своими большими сапогами серую, дорожную пыль, понурившись, брел домой... Он был недоволен сегодняшним вечером. Вышло совсем не так, как хотелось ему... Была глубокая ночь... На улице не было ни души. Вдруг из-за угла вышли и приблизились к нему несколько закутанных фигур...—„Он, сукин сын! Катай его, бабы"! И не успел, сердяга, сообразить, в чем дело, как очутился на земле, а рогачи, палки, коромысла звонко запрыгали по его спине...—„Не завлекай наших ребятишек и девок в клуб, вот тебе вечера молодежи! Будешь знать, окаянная душа. Через тебя и бога забыли". И плохо пришлось бы завклубом, да на его счастье подвернулся возвращавшийся с дежурства милиционер и разогнал этих мстительных баб.

V.

Товарищи, это только фельетон, но вам, молодежь, наверное придется вести борьбу со своими батюшками и матушками. Будьте крепки. Стойте за свои молодые права. Все в союзы! Все на работу.

М. Греков.

БЕЗ ЗАГЛАВИЯ.

I.

Быстро бегали буквы по валику „Ундервуда", искусно работала машинистка. Ветврач полка диктовал:

„Работа по сбережению консостава зависит также и от того, как вы, тов. завхоз, относитесь к моему детищу—Ветколодку, как и каким количеством вы снабжаете его бумагой,

Принимая во внимание бедность Республики, которая не в состоянии снабдить нас медикаментами, и что заболеваемость сапом прогрессирует, что чесотка начинает снова оживать в полку, что механические повреждения и падеж конского состава настолько велико, что не хватает бумаги для официальных донесений. А главное, ваша заинтересованность в немедленном исключении на предмет получения инспекторского свидетельства".

Ветврач остановился, положил руку к думательному аппарату, полысевшему от постоянных забот, попросил прочесть, прибавил несколько подробностей, расписался и коротко попросил отбарабанить на конверте: весьма срочно. Завхозу 14 кп., в собственные руки".

Запечатал и послал с конным нарочным. И молодая 25-ти летняя кобыла зашлепала по грязи медленно и лениво, видимо, не понимая, какой срочный пакет имеется у седока.

Это дело совершилось 1 января 1923 года,

II.

После плотного завтрака завхоз полка на своей квартире занимался текущими делами. На каждой бумажке завхоз разным почерком делал надписи: „отказать", „не по существу", „привлечь к ответственности", „не по адресу", „вернуть обратно"; и т. д. Наконец, деловой день закончился, и завхоз сделал движение, чтобы пойти на базар за капустой, как вдруг вестовой штаба известил его об особо важном пакете...

Нервно разорвал конверт, прочитал, сплюнул с сердцем и начертал: „Принимая во внимание, что полк отчислил только 10 пайков на бумагу, с настоящим требованием вам надлежит обратиться в ветчасть бригады".

Это событие произошло 8 января сего года.

III.

Сонный фельдшер, дежурный по околодку, рапортовал:

Т. доктор. Во вверенном вам околодке никаких происшествий не случилось, кроме того, как смерть двух лошадей: 1) Конь 33 лет, во лбу звезда, грива в размет, хвост позади в чулках и ботинках. 2) Кобыла неизвестных лет, зубов нет, издохла от ожирения. Разрешите вызвать комиссию?

— Можно. Напишите командиру полка о назначении комиссии из 5-ти лиц, напишите так, чтобы смерть констатировалась им без колебаний, чтоб не наскочить на теперешние строгости.

— Слушаюсь,—гаркнул фельдшер и удалился выполнять трудную задачу. Вырвав старые описи из старых дел, за неимением бумаги, фельдшер приказал машинистке: „Срочно, в пять экземпляров".

Ветврач, посмотрев на календарь, пришел к выводу, что хозчасть полка бумаги не дает и принялся составлять черновик рапорта начветчасти бригады. Это совершилось 15 января.

IV.

Начветчасти получил рапорт и направил в штабриг, где рапорт удостоился подписей всех начальствующих лиц, с резолюцией: „Завхозу 14-го кавполка немедленно исполнить".

Календарь показывал 20 января.

30 января завхоз 14-го кавполка решал великую задачу: как могли в бригаде узнать, что ветоколодок сидит без бумаги? Собрав всех деловодов, решили запросить ветоколодок. И еслиб не инспектор СКВО, наверное-бы и теперь ветврач писал черновики рапортов на старых архивных бумагах...

14-й к. п. *Гипер.*

„УГОЛОК СНА".

(Картинка-фельетон)

В школе грамоты II ступени 14-го кавполка идет урок родного языка. Тихо. Слышно только, как в соседней комнате-читальне кто-то во всю мочь барабанит на рояле.

— Ватрушку с'ело, что стол большой,—читает ученик.

— Где здесь предмет, назови?—спрашивает учитель.

— Ватрушка. Предмет неодушевленный.

— А еще?

— Стол.

— Теперь действие предмета, — говорит учитель.— Казанцев. Ты назови действие предмета.

Казанцев осоловелыми глазами глядит на доску.

— Ну, что же ты? На какие вопросы отвечает действие предмета?

Молчание.

— Да что это с тобой?—волнуется учитель.

— Спа-а-ть хочу,—тянет ученик.—Ночью в карауле был.

Он садится и кладет голову на парту. В углу слышится тоненький носовой звук.

— Что там?—сердится учитель.

— Волхов спит—отвечает сосед Волхова и вдруг клюет носом сам.

В окно виден тенистый сквер и манит к себе в прохладу.

Действие предмета отыскали и урок продолжается.

На „качестве предмета" спит полкласса.

Наконец, урок кончается и через 5 секунд в зрительном зале клуба слышится храп, свист. Растянувшись на скамьях, спят ученики до следующего урока.

В БЕССРОЧНЫЙ.

(Из недослушанных разговоров)

Отпускные идут на станцию, весело беседуя.—„Знаете что?—говорит отпускник товарищам в передних рядах. А ведь неохота расставаться с товарищами, с которыми вместе служили?"—„А и правда,—отвечает другой,—лучше бы итти домой всем вместе, а сюда бы пригнали молодых".

— „Да и нам ведь нехорошо было,—говорит третий,—когда мы расставались с седьмым годом".—Один из идущих в задних рядах, проходя мимо своего эскадрона, кричит товарищу:—„Не забывай, Гриша. Пиши, что у вас тут нового будет в полку".—„А я, як приiду и зараз пропишу. Напишу, напишу, какая будет перемена", — отвечает остающийся красноармеец.

Отпускных также провожали их знакомые барышни, с которыми они вели более откровенные разговоры. — „Не скучай,—говорит один провожавшей его барышне. Поеду,

посмотрю, как дома, заберу барахло и приеду к тебе.— „Да, приедешь,—отвечает она.— А зачем же забрал ты все то, что я тебе справила? Зачем"?... „Да знаешь ли, — смущенно говорит красноармеец, — не должен же я буду плохо ходить дома, а то скажут: что ты заслужил?"

Другой отпускник, на ходу прощаясь с барышней, говорил: „Знаешь что, Нюра, а я теперь дома и жинку-то не буду любить так, как тебя любил". — „А ты женатый?" — надув губки, говорит Нюра. А что же ты полгода гулял со мной и не сказывал?"—„Нюра, да как же я мог сказать?— выкручивается отпускник. Ты меня не любила бы тогда так, как я тебя люблю—больше, чем жинку".

Еще один отпускник идет с кубанской жинкой, которую везет домой, ее провожает мать, которая, чуть не плача, говорит: — „На кого же вы меня, детки, спокидаете? Не видать мне тебя больше, моя голубонька ясная".—„Не плачь мамуська, не плачь, увидишь, не пропадет она, к тебе в гости приедет,"—усмехаясь в ус хитро, отвечает отпускник.

На станции погрузились в вагоны; из-за тесноты заспорили, один кричит:—„Не пущу, да и все. Нас тут и так сорок человек, и ты еще лезешь, что ж я тебя на арбуз что ли, посажу?—„Да не сорок, товарищ, а шестьдесят на вагон. Вот и я лезу",—отвечает уже пролезший на крышу отпускник. Усадившись, нетерпеливо ждут отправки, и один, махая красной фуражкой, кричит:—„Крути, Гаврила!"—„Не, торопись,—отвечает другой, — дай ему паров набрать, ведь пять лет не торопясь прослужили, а теперь будем дома".

Проводив поезд, я пошел домой. По дороге, идя за двумя барышнями, что провожали отпускников, я услыхал их разговор.

— „Маруся, а ведь хороший был мой Петя? Как жалко, что уехал"—говорит одна.—„А мой говорил, что сейчас же приедет назад, только посмотрит на дом и приедет",—успокаивает себя и подругу другая. И я, слушая их разговор, и думал про них, насколько наивны или глупеньки были девчонки.

М. Воронин.

РАЕШНИК.

Ух! Мчался во весь дух. Три версты бежал. Думал—не застану. Ох, проклятый вокзал! Нет, лучше я по порядку стану. Ух, дайте перевести дух. Я все, все расскажу, вот только дыньку положу... Узнайте, сколько? Купил по дороге с Ростова.. А как трясутся ноги,—как у больного... Наверно, есть вопрос у вас... откуда дед Влас? Точно с неба свалился! Да, я нежданно явился, и интересен мой рассказ. Право, удивитесь вы: я прямо из Москвы. Как ни странно—а так это даже забавно в Москву в мои-то лета. Ну, вот. Что-то мой рассказ не идет на лад, а рассказать охота, и даже рад. Не знаю, как начать...

Мне так хотелось узнать про изменников и лицемеров-эсеров, а тут нет никаких газет, но пришлось узнать, что суд подходит к концу, да нужно рассказать о них бойцу. Ну, думаю, дед Влас, собирайся в добрый час. Собираться долго, что-ли,—взял хлеба, соли, кавунов пяточек, сложил все в мешочек, да за плечи, и с палочкой, мешком на станцию пешком, хотя и далече. Пришел, да сразу и знакомого нашел, домой едет из бригады, ну, поговорить рады. Поговорили, эсеров посудили, новости станичные передали и т. д. Сидели до ночи, он тоже до разговоров охочий и красноречив. Сказал, что у них в бригаде свой кооператив, что он заботится о помаде, привозит духи и много разной чепухи, то, бишь, полезных вещей, перочинных ножей, карандашей, и он купил карандашик за мильон.. Потом даже там есть саквояжи из парусины, новые, и главное—дешевые.

Ночью поезд пришел, я потихонько его кругом обошел —да на крышу, и притаился. Слышу голоса: „Вот здесь он скрылся". Ну, еще есть на свете чудеса: не нашли. Ушли. Ну, думаю, дед, не нужен тебе билет. Да не тут-то было, пропали мои уловки. Комиссия ссадила на Кущевке. Два дня сидел, хлеб ел да скорбел. Думаю, вот дедушка Влас и пасс. Ан нет, на третий день и в рассвет—поезд до Ростова, я, значит, снова попытался, план мой удался (под вагон забрался). И в Ростове сел на прямой московский. Ух, как он летел чертовски, думал, сорвусь, не усижу, молюсь, дрожу. Под вагоном опять. И начал уж на себя пенять. Ночью хорошо—не видно, а днем скверно—увидят—обидят

наверно. И стыдно. Кружится голова. Ссаживали еще раза два, но я не терялся—сидел, ждал, опять под вагон забирался, не спал и все-таки добрался.

Ах, Москва! Вот городище, а какие домищи, у нас—куда? И есть же на свете такие города! Что наши станицы? Вот в Москве бы поселиться! Да бабку с собой взять. Эх, наверно, Москвы мне больше не видать. Везде я там побывал, обо всем расспрашивал, все узнавал и в киятре даже был, видал, как представляли, мне бесплатный билет там дали, когда узнали, что я раешник с Кубани, кхе, кхе, по-стариковски даже побыл в бане Московской... Но вот, главное, был я где—на эсерском суде. Меня и туда пустили. Ах, как их там судили! Судят это председатели: „Вы, говорят, предатели, наемники капитала, вас, говорят, и расстрелять мало... Вы наших вождей убивали, дороги взрывали". И как начали, как начали! А они, это, сидят в ряд и больше молчат"„. Виноваты, говорят, а только, если бы вы нас не изловили, то мы, при нашей силе, наделали делов еще не столько!" Я стою, прислонился к стенке. Слушаю: „Речь тов. Крыленко" —сказал председатель. И он заговорил. Ах, создатель! Мне еще 100 лет прожить—так не говорить, не научиться говорить. Как будто течет водица и журчит. И все эсеров этих винит... И так внятно, понятно, так просто обрисовал, что и я понял, какие подлецы эсеры, изменники, хуже холеры, буржуйские наемники, враги рабочих и крестьян, и если бы не Красная Армия—с'ела бы нас жандармия и быть бы нам холуями капиталистических стран... Кто мятежи устраивал против Советской власти? Кто рад разорвать был ее на части? Все—эсеры, душонки низкие и подлые, к капиталу близкие и ему угодные. . . . . .

. . . . . .

Из Москвы я зайцем тоже. Там смотрели еще строже, но я хотя и старичек—не дурачек, голова с мозгами, и вот видите сами: я перед вами... А на нашем вокзале мне сказали случайно, к речи, что здесь вечер, и я, ей-ей, бегом сюда скорей. Только и всего. Да. Слыхал дед Влас, что есть новости и у вас, и много кое-чего... Еще в Тимошеньке на вокзале мне торговки рассказали, что у вас здесь „хлебные банды есть". Печальная для меня весть! И ночью банда лазила по амбарам, да не прошло ей даром. Ее все же изло-

вили. И кто же в ней были: и ваш брат солдат, и местные, небезызвестные коммерсанты и спекулянты, одним словом—компания. Ух! И задал бы им баню я. Позор! Солдат—грабитель, вор. Нет! Вот что думает дед. Елемент такой из армии — долой. Ну, местные — известные, разница в том, что раньше они ближнего грабили днем, а теперь—ночами. Понимаете сами?

Я ухожу. И так заговорился, да к тому и рассердился. И мне обидно и за солдатиков стыдно. Эх, позор какой! Ой-ой-ой! Ну, нужно и домой, слипаются очи. Спокойной ночи...

М. Греков.

РАЕШНИК.

I.

Здраствуйте, товарищи почтенные, все, кто здесь имеется, штатские и военные, разумеется.

Вам, дамы и девицы сей гостеприимной станицы, особое мое почтение, почет и уважение... Позвольте вы и мне, старику, представиться (не стройте глазок мне, красавица, мне бабушка моя куда милей. Ей-ей). Перед вами дедушка Влас, старый грешник, а по прозванию раешник, пришел потешить вас, а вот и мой рассказ... Мне передал его мой друг „Советский Юг". Лишь табаку понюхаю немножко, одну только крошку, и начну. Ох, грехи, грехи! Апчхи! Вот и хорошо. И так, начинаю. Я, братишки мои, газетки каждый раз читаю, лишь присылают их для клуба. Любо! Чего там не найдешь? Да, вот хошь. Прочитал я, как в городе Таганроге отцы-пустынники, мечтатели о боге, монахи-алтынники, по божьему внушению припрятали чулочки в укромном уголке до тысячи пар и много одеял. Но я не дознал, для какой такой цели св. отцы желание возымели запасы делать товарные, быть может, вздумали торговлею заняться? Не знаю, признаться. Но люди неблагодарные прознали про это, потом и газета—мой друг „Советский Юг", а дедушка Влас вот и познакомил и вас. Но это все не то. У дедушки Власа газетного запаса горы на досуге. Вот дальше послушайте-ка, други, как св. отцы, божьи купцы римской

церкви, о женитьбе возмечтали и у высшего своего начальства просить разрешения стали. Я сейчас познакомлю вас.

. . . . . .

Одно слово, немного неприличное, но что делать, друзья? -из песни слов выбрасывать нельзя, такое уж мнение и правило привычное. Да, вот еще. Вы, наверное, не слыхали, как во Франции Вандервельде освистали, когда он вздумал народу речь про меньшевистскую свободу держать с трибуны и клеймить грязью Коммуну. А в Германии, стране всякой мании, другой молодчик, до приключений охотчик, Розенфельд—голова, за всякие слова,—мол-де советы не надо,—чуть не поплатился боками, а надо бы гада попотчивать кулаками.

Но это все пустяки. Вот французские кулаки, буржуи —фабриканты и все ученые франты--штуку выкинули—дураки! Мол, язык эсперанто—язык общий всех стран-то, и на нем говорят большевики, поэтому его долой из страны родной; и министры просвещенья, все без исключенья, решили эсперанто упразднить и изученье запретить. Патриоты. А по моему, просто идиоты.

Устал я, братики-солдатики, хоть и говорил немного. Пора кончить, но и насчет продналога мне хочется сказать. Но это больше населению здешнему. Вы уже простите дедушке грешному. Привык я советы давать, может, это и хорошо, как знать? Граждане! Свезли вы продналог? Везите! Кто раньше не мог, сейчас спешите. Вы не деточки-семилеточки, поймите, что нужно это для страны, Совета. Ну, а теперь дедушка Влас уйдет от вас. Я, признаться, спешу. Прощенья прошу.

II.

Здравствуйте, бойцы лихие, буденновцы кавалеристы вы, кем гордится вся Россия, товарищи дорогие, беспартийные и коммунисты, все без различения—мое почтение. Слыхал дедушка Влас, что многие из вас бросают полк родной и едут домой, а на прощанье устроили здесь собранье поговорить, как дома нужно жить, что делать и какими быть, и так захотелось в вашей семье побыть, по душе поговорить, что дома не усиделось, и я, больной после поездки своей

с палочкой неразлучной, пришел такой печальный и скучный. Так тяжело, признаться мне, с вами расстаться. Уже не раз выступал здесь дедушка Влас, беседовал с вами, порою вас хвалил, порою же корил и обругивал нехорошими словами, но все же были мы друзьями. Я простой и славный дед, я долго зла не помню—нет, хорошими вы были, мы мирно жили, а кто из вас с пути сбивался подчас, ну и ругался дедушка Влас. Теперь вы едете домой—счастливый путь. Кто поработал, как герой, имеет право отдохнуть. Устраивайтесь дома понемногу, трудитесь и от меня не откажитесь несколько советов на дорогу взять. Я много жил на свете. Запомните же советы эти. Вот что, други дорогие. Призывала вас Россия защищать свободу. Вы правдою служили трудовому народу—как сыны рабочих и крестьян, и вот побежден враг-смутьян. Все вы давали обещанья не давать свободу на поруганье, стоять за нее горой. Помните же обет свой! У помещика и капиталиста все отняли мы дочиста, у нас теперь, в стране свободы—все фабрики и заводы и вся землица; враг побежден и злится. Может быть, он поднимется даже—так будьте все на страже. Вы при вашей мощи и силе—царских генералов победили, что на шее у нас сидели и в нашей крови потопить нас хотели. Они побеждены, но все же помнить вы должны—нужно быть на часах, окончательно не разбит враг, есть у нас еще враг злой, это империализм мировой, это капиталисты всего света. Они следят за нами, им ненавистна Советская власть. Они считают нас врагами и все-же думают напасть. Уезжая домой—помни это, друг мой, А чтобы нам сильными быть, нужно наше хозяйство укрепить и усилить мощь России—помните и это, товарищи дорогие. Уходя домой, вы переходите на фронт другой—на трудовой. На дорогу—вам дадут книг понемногу. Читайте, да родной полк не забывайте—пишите сюда, в этом нет большого труда. Когда вы ваши книжки прочтете—там найдете, как вам дома нужно жить, что делать и кем быть, там все ясно; и что вы там найдете, прочтете, помните повсечасно. Вам нужно с крестьянами жить дружно—в строительстве жизни помогать, в обиду бедняков не давать, быть на чеку — не давать властвовать кулаку. Не отвергайте моего совета — помните и это. С вас довольно здесь — вы послужили и отпуск заслужили. За

службу вам слава и честь! Вам можно и отдохнуть. Смотри же, товарищ, не забудь, какой совет дал тебе дед. Ну, счастливого пути.

М. Греков.

КРОКОДИЛОВА СЛЕЗА.

(Сценка на мотив „Прошли золотые денечки").

Помещик: Имел я земли очень много,
Крестьяне работали мне,
Но землю теперь отобрали,
Дай помощь, Антанта, извне.

Все: Прошли золотые денечки.
Власть царская, где же, где ты,
И пьяные бурные ночки?—
Остáлись одни лишь мечты.

Помещик: Бывало, мы дружно давили
Рабочих, крестьян, бедняков,
Теперь они сами у власти,
Не стало совсем дураков.

Припев. Прошли золотые денечки, и т. д.

Поп. Бывало, мы с их благородьем
Кутили всю ночь напролет,
Теперь же совет такой грозный, —
Самогонку варить не дает.

Припев.

Поп. Бывало, как в церковь я выйду
И людям начну говорить,
Натащут мне масла и яиц,
Я мог, как коров, их доить.

Припев.

Теперь дураков стало меньше,
И в церковь не ходят совсем.
Да видно, что вы одурели—
Я к вам обращаюсь ко всем.

Припев.

В клуб полка, я прошу, не ходите,
Ведь в церкви не хуже у нас.
И песни, костюм, декорации
И сам загримируюсь для вас.

Припев.

Но, видно, ничем не заманишь!
Жена, пойди рясу продай,
И крест, что стащил я из церкви,
За пару червонцев отдай.

Припев.

Офицер. Бывало, солдатам бил в морду,
И слово боялись сказать,
Теперь подошло ихнее время,
Кулак им нельзя показать.

Припев.

Бывало, надену мундир я—
Погоны и звезды блестят.
В Москве, на Тверской, все девицы
Любезно, с призывом глядят.

Припев.

Зачем мы рабочих учили,
Крестьянам давали понять,
Они воевать научились,
И власть нам у них не отнять.

Припев.

Погиб толстопузый Деникин,
Юденич, а Врангель удрал,
Рабочий могучей рукою
Мечты буржуа оборвал.

Припев.

Попадья. Бывало, молоденький юнкер
Меня горячо целовал,

К краскому я тут приставала,
А он надо мной хохотал.

Припев.

Придется отставить краскомов,
Они не хотят говорить,
А я б за любовные ласки
Могла (показывая на попа) его крест
подарить.

Припев.

(входят кр-цы, краском вместе с ними поют)

(к краскому) Я ласки хочу пролетарской,
Хоть разик меня обойми,
И крест золотой полфунтовый
В подарок за это возьми.

Припев.

Краском (помещику). Земли ты своей не получишь,
(офицеру) А власти уж вам не видать,
(попадье) А крест, не за ласки, конечно,
Могу для голодных я взять.

Пришли трудовые денечки,
Мы к свету и знанью идем,
Крестьян, казаков и рабочих
С собой к коммунизму ведем.

(берут за шиворот помещика, офицера, попа и попадью
и выталкивают)

Михайлов.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ.

Земля колеблется и слышатся удары,—с милитаризмом в бой
стихия восстает.
Там, в Токио, в Японии — пожары, и грозный призрак
бедствия встает.
Там, далеко, в столице капитала, рабочий люд трудился
где, потел,

Не ждал никто свирепого пожара, из недр земли столб
пламенный взлетел.

Послышались могучие удары, дома, заводы рушилися в миг,
В земле расщелины, громадные каналы, в среде людей
безумный плач и крик.
Землетрясение: погибли миллионы буржуев, богачей, рабочих
и крестьян,
Дворцы разрушены, в развалинах короны, стал нищим царь,
властитель и тиран.

Но нам не жаль погибших из тиранов, нам жаль рабочих
братьев, бедняков,
Погибли в кабале гнетущей лжи, обманов, но скоро сбросят
остальные гнет оков.
Мы беднякам рабочим пострадавшим из стран советских
помощь шлем!
На бой с буржуем, труд наш воровавшим, мы пролетариев
Японии зовем.

Михайлов.

ДНЕВАЛЬНЫЙ.

— Какой чудный вечерочек, славный выдался денечек,
Все ушли на политчас, лягу в сено спать сейчас.—
Так дневальный рассуждал, сам на сене уж лежал.
Дрыгнул ножкою два раза, пришла сонная зараза.
В сено нос слегка уткнул, богатырским сном заснул.
Вдруг Таранов очутился, военком полка явился.
Караваев-политрук, это прямо вон из рук!
Наш дневальный встрепенулся, в сене раз перевернулся,
Потянулся и вскочил, вдруг от страху подскочил.
Перед ним стоит Таранов, весь живой и без из'янов
На него грозно глядит. „Как ты смел заснуть?“—кричит.
Военком же замечает, с укоризною качает,
(Чем, не буду об'ясняться, должны сами догадаться):
— Это плохо, что ты спал, нужно впредь, чтобы ты знал,—
Спать дневальным не годится: это может пригодиться
Лишь врагам нашей страны, а мы—красные сыны.

Для того должны стараться, никогда не забываться".
Политрук же чуть не плачет, по конюшне рысью скачет.
Непорядок чуть заметит, себе в книжечке отметит.
Командира отводил, разговор с ним заводил;
Что, мол, нужно то исправить, то поделать, то направить.
А бедняга, наш боец, перепуганный в конец,
Все исправить постарался и не спать пообещался.

Михайлов.

ГАЗЫ.

(На мотив—„На сопках Манчжурии").

Тихо кругом. Лишь Крийер о газах толкует.
Жуткие мысли теснятся в уме, а Крийер картинки рисует.
Вот газа волна тихонько к людям подплывает,
Смертельного яда в составе полна,—она хлором его называет.
Смертельный тот яд в легкие к людям пробрался.
От славных солдат, неученых бойцов, ряд трупов ужасных остался.

А дальше фозген: для нас очень газ ядовитый,—
Он может убить очень много людей. Ты врач очень, видно, сердитый.
Крийер так говорит и смерти картины рисует.
Но красных бойцов это все не страшит—пред газом наш дух не спасует.

Мы грозны в борьбе и сильны наукой и знаньем.
Сыны революции — в страшной борьбе покорны ее приказаниям.
Изучим мы все, чем враг наш, буржуйчик, гордится.
Надежды на газ, скажем им, не имей, — газ может назад воротиться.

Бойцы, к вам призыв,—узнай хорошенько про газы
И, в случае страшной буржуйской войны,—не бойся сернистой заразы.
Лишь только не спи, о газах когда говорится.
Лишь с Лаптевым это Петром, Вергуном на занятиях может случиться.

А мы все, бойцы, газы детально изучим, оденем противогаз
пролетарской страны
И наглых буржуев отучим.
Бойцы-храбрецы, пощады буржуа не давайте, появится кто
в пролетарской стране—
Скорей в ГПУ отправляйте.

Михайлов.

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ.

Юноши... девушки, славные, светлые, красным порывом
полны.
Из вас создавалися сильные, смелые борцы пролетарской
страны.
В жизни мучительной, гнетом задавленной, вы впереди
всегда шли.
Знамя свободное, кровью облитое, твердой рукой донесли.
В наших боях и победах одержанных были всегда
впереди,
Лозунгом вашим в борьбе с буржуазией: красное
знамя блюди!
На все нападения своры грабительской был у вас
грозный ответ—
Били Деникина, сбросили Врангеля. Шлем вам сво-
бодный привет.
Юноши... девушки, славные, светлые, праздник всемирный
у вас.
Бойцы Красной армии, грозной, сознательной, в праздник
приветствуют вас.
С радостью в бой за страну пролетарскую конною лавой
пойдем,
Вас, молодые сыны пролетарские, в наши ряды мы зовем.

Михайлов.

КАСЬЯН И АГАПКА.

(Сценка. Мотив „Хазбулат удалой").

Агапка. Ах, зачем ты, Касьян,
Покидаешь меня?
Ведь ты мне обещал
Быть со мною всегда.
Иль меня разлюбил!
Так сейчас мне скажи,
А коль любишь, будь здесь,
Тем любовь докажи.

Касьян. Эх, Агапка, зачем,
Тебе так говорить,
Разве мог бы когда
Я тебя разлюбить?
Я люблю, как и встарь,
Поди ближе ко мне,
Уезжаю в Москву,
Кипит сердце во мне.

Агапка. Но ведь можешь с полком
Ты не ехать совсем,
Защищать эту власть
Не приходится всем.
Коммунисты в полку
Пускай служат одни,
А мы будем с тобой
Поживать, как паны.

Касьян. Видно, нет у тебя
В голове ничего,
Знаешь, паном сейчас
Ты живешь отчего?
Я винтовку свою
И коня берегу,
Интересы твои
Зорко я стерегу.
Интересы труда,
Всех рабочих, крестьян,
Защищаем мы все—
И твой верный Касьян.

А ты мне говоришь,
Чтоб с полком я не шел,
Чтобы барин опять
Сюда с плеткой пришел,
Чтобы землю твою
У тебя отобрал,
Чтоб работать тебя
На себя заставлял.

Агапка. Если так, поезжай,
Тебя буду я ждать,
Кончишь службу, тогда
Приезжай к нам опять.
Только там не балуй.
И ни с кем не гуляй
Бить буржуя — как, чем, —
Поскорей изучай.

Михайлов.

НА БОРЬБУ С РАЗРУХОЙ.

Мы в новую эру вступаем,
Мы к жизни цветущей зовем,
Мы молот высоко вздымаем,
Удар за ударом разрухе даем.

Вставай, брат рабочий, за соху, крестьянин,
Вставай, оглянися кругом,
Увидишь народ борьбой занят с разрухой,
И ты на работу бегом.

К станку становися, за молот берися,
С разрухою в бой поскорей,
Народ победит, в этом будь ты уверен,
И куй за народ, не робей.

Разруху народ одолеет, лишь дело свое ты твори,
И, молот вздымая высоко, разруху ударом дари,
Вставай же, крестьянин, об руку с рабочим,
С разрухою в бой поскорей,

Чем лучше мы будем работать,—
С разрухой покончим скорей.

Мы в новую эру вступаем,
От рабства к свободе зовем,
Мы молот высоко вздымаем,
Смертельный удар капиталу даем.

1920 г. *Михайлов.*

1-е МАЯ.

Яркое солнце плывет над землею,
Пурпуром ярким одето оно,
Словно в наш праздник ликует со мною,
Радости, блеска, свободы полно.

Красное знамя лучами ласкает,
Толпы народа теплом обдает,
В бой с капиталом весь мир призывает,
Смерть паразитам рабочий несет.

Могучим и мощным размахом
Он цепи насилья и гнета порвал,
Покончил с царем, кулаком и монахом
И двигаться к свету и знанию стал.

Колышется красное знамя,
Уверенно гимны свободы звучат,
Мы празднуем Первое Красное Мая,
Буржуи во гневе бессильно шипят.

1921 г. *Михайлов.*

БОРЬБА.

Над миром бури проносились,
Стараясь сбросить тьму и мрак,
Борьбы знамена выносились,
Но капитал был хитрый враг.

Рабочий мир в сетях опутал,
Тенета всюду расставлял,
За все попытки сбросить цепи
Он убивал и подавлял.

Не только силой, но морально
Бог был союзник богачей,
Свидетель бога, духовенство,
Благословляло палачей.

Вело рабочих на неволю,
На рабство, гнет с первых шагов,
Учило, что вся власть от бога:
Цари, министры — от богов.

Долго люд рабочий гнулся,
Нес он рабство, мрак и гнет,
Шли века, но вдруг очнулся, —
Взгляд назад и взгляд вперед:

Цепи, гнет, насилья, рабство —
Вот, что было позади.
Коммунизм, свобода, братство —
Он увидел впереди.

С твердой, сильной волей, смело.
На бой с царями выходил,
Бил капитал, были потери,
Но рухнул трон, труд победил.

Перед вождями стало дело,
Создать могучий с'езд труда —
Чтобы капитал добить умело
Руководитель надобен всегда.

Коминтерн в Москве уж создан, —
Наш штаб Коммуны мировой.
Привет вождям всем Коминтерна
В май — праздник силы трудовой.

1922 г. *Михайлов.*

БОЙ.

(На маневрах).

Вот вспыхнуло утро. Наш полк собирался.
Разведка с Брюхановым вперед уж летит.
Комполка об'яснить бойцам постарался,
Какая задача полку предстоит.

Команда—„по коням“, и двигаться стали,
Заставу—вперед и дозоры—в бока,
А главные—в колонные, чтоб сил не теряли,
Имели бы мощный удар кулака.

Дозоры доносят: противник есть слева,
И снова обратно летят наблюдать.
Комэск 3, пришпорив свою „Лилипутку“,
Поскакал командиру полка докладать.

Комэска Таранов получил приказанье
Кладбище влево не медля занять,
Построив на кладбище том укрепление,
Противника сильным огнем донимать.

Комэск 2 оставлен за кладбищем вправо.—
На случай удара в резерве стоять.
А мы с комполка два лихих эскадрона
Кладбище вправо пошли занимать.

Заняли без боя—противника нету,
Еще не успел он кладбище занять.
13-й полк прозевал ты, дружище, —
Изволь под огнем пулеметным стоять.

13-й полк, ваше счастье, что пули
Вперед не хотели никак полететь.
А еслиб на фронте вы так прозевали,
Пришлось вам коням бы хвосты навертеть.

1923 г. *Михайлов.*

ОТ'ЕЗД В МОСКВУ.

Бабушки, дедушки, тетушки, дядюшки, девушки, Гапка моя,
Хлопцы, ребятушки, куры, цыплятушки, гусь, поросенок, свинья,

Всем вам поклон, и поклон самый вежливый,
Полк наш уходит от вас.
Просим вас всех, только каждый по-своему, —
Вы проводите-ка нас.

Бабушка—маслицем, дедушка—уточкой,
Тетя—большим пирогом,
Дядюшка с хлопцем—сеном и мучкой
И, сверх того, табаком.

Куры, цыплятушки, гусь, поросеночек,
В печь залезайте скорей,
Там поизжаритесь—к нам забирайтеся
Манежным галопом, резвей.

Свинья распрекрасная, всем свиньям свинушка,
Должен всему быть конец:
Окорок жирный, весом с полпудика,
Ждет от тебя наш боец.

Девушка славная, умная, скромная,
Очередь ваша сейчас:
Бойца напоследок не очень отталкивай
И приласкай хоть на час.

Михайлов.

ШПОРЫ.

Уже издавна известно, что запрещенный плод не в пример вкуснее не запрещенного. Чуть ли не со времен Адама... И, несмотря на это, а может быть, именно потому, запрещенное или не дозволенное еще до сих пор имеет свою привлекательность. Тут мы прямо подходим к вопросу... о шпорах. Как будто бы, шпоры составляют принадлежность строевого командного состава в кавчастях, а также и в на-

шем полку. И как будто бы они, т. е. шпоры эти самые несчастные, имеют определенное назначение.

Как будто бы... Кто думает так, тот жестоко, однако, ошибается. Оказывается, в этой области произведена весьма существенная реформа. Самым ярким представителем в этом деле у нас в полку является (кто вы думаете?)... парикмахер... Вот так „реформатор"!...

Кто не верит, раскройте свои уши вечернею, ясной порой, и будь я распят, ежели вы не услышите звон... шпор. И заметьте, какой звон... Если будет „малиновый", то, значит, я угадал. Иначе оно и быть не может. Теперь вспомните, что малиновый звон, малиновые брюки, малиновые напевы весьма близки женским сердцам, а отсюда понятно, конечно, все.

Вывод излишен. Что и толковать: разные бывают „реформаторы".

В. К.

КАК МЫ РУГАЛИСЬ.

Именно, товарищи, ругались .. Это значит, когда-то, в давнопрошедшее время, конечно, не теперь. Теперь, братику, другие времена, ликвидация идет этой самой ругани. Но было другое время,—никак не скроешь.

Нужно сказать к чести нашей, ругались мы хотя и здорово, но сознательно—классово... Это тоже штука такая —из пальца не высосешь. Против кого, примерно, шли,— тому чаще всего, само собой, и попадало. Вне всякой очереди, в порядке экстренности—богу; товарищи, богу больше всех прочих супостатов попадало... не только богу самому, а богородице, боженятам и всем родственникам равным образом... Потому—безбожники. Против богов земных и небесных шли, вот оно дело-то какое... Даже небесную канцелярию частенько поминали, по случаю дождя ли, мороза ли, солнечной ли, жаркой погоды, бывало всякое... Честили и генералов разных—своих и заморских врагов, потому бились с ними не только на деле, а на словах тоже не хуже... Доходили, прямо, до комичности... Не спускали гвоздику, на котором поп вешал шляпу свою. Изобретениями, изыскани-

ями в этой области занимались — между боями... Ругались хорошо, но и бились хорошо. Теперь же бить особенно некого, — ученье заполонило все и вся... О ругани можно только писать, а скоро и писать перестанем.

В. К.

* * *

Попы с младенчества внушали
Нам веру в „бога и святых“,
И мы слова молитв шептали,
Не понимая часто их.

Толпой по праздникам ходили,
С душой открытой, в „божий храм“,
Гроши последние носили
И свечи ставили „богам“.

Торжественно гремели хоры,
Вздымая ладан из кадил,
И, устремив к иконам взоры,
Молились мы: „владыко сил“.

В тебя мы верили, „спаситель“,
В душевной простоте своей.
Но ты ни разу, „избавитель“,
Нам не дал помощи своей.

Когда при смерти в лазарете,
В грязи, забытый я лежал —
Молился я, но ты ответа
Мне, „Милосердный“, не давал.

Когда, не ведая покоя,
Я мерз и мокнул под дождем, —
Скажи мне, небо голубое,
Скажи, ты знало ли о том?

Приятно ангельские хоры
Внимать в чертогах золотых...
А видеть серых трупов горы?
А слышать плач сироток их?

Приятно запах фимиама
В надзвездных высотах впивать...
А каково в хлеву с свиньями,
Окончив битву, отдыхать?
Приятно слышать песнопенья
Во прах поверженных червей...
А раненым в разгар сраженья
Стонать под грохот батарей?...
Скажи же мне, „творец вселенной“,
К чему ты? Что ты людям дал?
Вдовице, горем сокрушенной,
Когда ты слезы осушал?
Когда одежду дал нагому?
Когда замерзшего согрел?
Иль возвратил глаза слепому,
Или калеку пожалел?
Нет! Нет! Величественно строго
Царил ты в горних небесах,
Всегда довольный званьем „бога“
И нами, лижущими прах.
Но погоди. Настанет время —
От сна воспрянет мир рабов,
И свергнет он с презреньем бремя
Твоих заржавленных оков.
Твои он уничтожит храмы,
С землей сравняет алтари,
И встретит новыми глазами
Восход блистающей зари...

Ивась Вольный.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

(От Николая I до наших дней).

Царь Александр скончался
(Дай бог ему всего),
И царский трон достался,
Наследнику его.
Наследник—парень бравый,
Был званьем Николай,

При нем по всей державе
Прошло: „Ой! Ой! Ай! Ай!“

Исправник по натуре,
С фельдфебельской душой,
Всего на свете больше
Любил он ротный строй.

И вот при сем жандарме,
Почти что вся страна
В огромную казарму
Была превращена.

Стой! Смирно! Левой! Правой! —
Звучало там и тут,
Учился днем и ночью
„Приемам“ русский люд.

Учился... но, однако,
Как началась война,
Наука оказалась
Ни к чорту не годна.

И в первых же сраженьях,
Без громких, лишних слов,
Разбили иностранцы
„Суворовских орлов“.

Французы, англичане
И турки—вот так фунт!
В два счета разорвали
„Железный русский фрунт“.

И полной неудачей
Окончилась война...
Кампаниею Крымской
Окрещена она.

Не вынеся позора
(Куда как дивен свет),
Монарх довольно скоро
Скончался в цвете лет.

Покорный божьей воле,
Вступает той порой
На трон осиротелый
Царь Александр II.

А надобно добавить,
Давно по всей Руси
Неслись такие слухи,
Что, боже упаси,

Придет-де скоро время,
Что белый государь
С народа сложит бремя,
Наваленное встарь:

Он крепостное право
Навеки отменит,
И волюшку и землю
Крестьянам возвратит.

И вот при каждой смене
Измученный народ
Ждал тщетно „манифеста“...
Но—шел за годом год,

„Царь-батюшка“ менялся
Своею чередой,
А в рабстве оставался,
Как прежде, люд простой...

Росла в народе злоба
И гнев против господ.
Царь Александр корону
Надел в тяжелый год.

Но хитрости и сметки
Не занимать царю,
„Пускай шумят“, — сказал он, —
Я их перехитрю.

Созвал он „депутатов“
(Попов, князей и бар)
— Я буду (слово свято)
Для всех вас добрый царь...

Все вольности дворянства
Клянусь я сохранить...
Мятежное крестьянство,
Холопов — усмирить...

Но надобна сноровка
(Ведь время уж не то),
Чтоб истинные планы
Не разгадал никто...

Берет он лист бумаги,
И вот в один присест—
„Признали мы за благо“, —
Катает манифест.

„Родному нам народу.—
Святая Русь, внемли“ –
Отныне дать свободу,
Но только... без земли...

Помещиков несчастных
Нельзя ж совсем раздеть...
А мы о вас всечасно
И впредь будем радеть...

Свершилось... В умиленьи
Весь православный свет...
А голод-то — не тетка.
Земли-то вовсе нет.

С коры ребята пухнут...
Народ — туда, сюда,
А царь все строже, строже...
Опять идет беда...

Но кончилось все это
Несложно, так-сказать, —
Под царскую карету
Подложен был снаряд.

И вот взлетел на воздух
(Что делалося встарь)
И фаэтон придворный,
И „Белый Государь“...

Похоронив папашу,
Сварганив монумент,
Наследник юный -- Саша —
Зацарствовал в момент.

Совсем иного складу,
Чем батюшка, он был, —
Одну он знал усладу,
Одно лишь он любил.

Красавец истый с лика,
В плечах — ой - ой, сажень —
С рассветом подымался
И пил он целый день.

Да ездил на охоту.
Да мощи открывал.
Да каждую субботу
Он баню посещал.

Имея все, что нужно,
Тяжелый на под'ем, —
Не очень он стремился
К победам над „врагом".

„Жалеющий" солдатов,
Ни с кем не воевал,
И только „демократов"
Внутри уничтожал.

Когда же час кончины
Для Саши наступил, —
„Монарха миротворца"
Он имя получил...

По смерти Александра
(Как водится у нас),
На царский трон вступает
Наследник в тот же час.

Крещенный Николаем,
Обиженный умом, —
Не то, чтобы красавец,
И не урод при том.

Не низкий, не высокий,
Не добрый и не злой,
Он, скажем беспристрастно,
Был паренек простой.

На Гессенской Алисе
Обвенчанный отцом,
У сметливой царицы
Он был под башмаком.

Покорный воле знати,
Он часто воевал,
И отдал очень много,
Хотя не много взял.

Зато внутри России,
Без тяжкого труда,
Справлялся он с крамолой
Успешнее куда...

Направо и налево
И вешал и ссылал...
Устои вековые
Он храбро охранял...

Но под конец уж очень
Азартно стал играть, —
На этом и случилось
Ему все потерять..

Он с кайзером Вильгельмом
Затеял вдруг войну,
Надеясь околпачить
Победами страну...

Попы не успевали
Молебны петь в церквах,
И с ревом провожали
Кормильцев в деревнях.

Народу говорили:
„Чрез шесть недель — конец",
А павшему сулили
Архангельский венец.

Но вот, — проходит лето, —
О мире не слыхать,
А царские газеты
Поют на старый лад:

— „Еще одно усилье,
Еще порыв один,
И будет занят нами
Заносчивый Берлин.

И над Айя-Софией
Крест будет вновь сиять“...
И на поля чужие
Везли за ратью рать...

Солдаты голодали
И гибли на постах...
А там — там пировали
И день, и ночь в дворцах...

И длилось так три года,
Покуда, наконец,
Старанием народа
Был свергнут „Царь отец“...

И Марья, и Алиса,
И множество фрейлин,
И дюжина великих
Князей, и царский сын.

И прочая вся свора
Ливрейных царских слуг —
В „Кресты“ упрятал скоро
Их всех восставший люд..

„Февраль принес свободу...
Да здравствует Февраль...
Вся власть — всему народу!“...
Неслося вширь и вдаль...

Крестьяне ликовали,
Бурлил рабочий класс —
„Никто теперь не будет
Гноить по тюрьмам нас.

Все фабрики — рабочим.
Земля — лишь для крестьян"...
А кое-кто смеялся,
Держась за свой карман...

Февраль сменился мартом,
За ним пришел апрель,
А дело не клеится —
Война кипит досель.

Кадеты-октябристы,
Родзянко, Милюков,
„Министры-социалисты",
Керенский и Гвоздев,

И прочие эс-эры,
И меньшевистский хор —
Без удержу и меры
Твердили про Босфор,

Проливы, Дарданеллы,
Берлин — всяк про свое...
И день за днем сидело
В окопах мужичье...

Внутри растет разруха,
На фронте — гибнет цвет
Российской молодежи,
А толку нет и нет...

Правительство все пишет...
Керенский — говорит...
Россия еле дышит,
Россия чуть скрипит...

И месяцев чрез восемь
Произошел скандал,
Когда настала осень, —
Режим февральский пал.

Октябрь в России отдал
Всю власть большевикам,
Но... Это время слишком,
Скажу я, близко нам...

О близком об'ективно
Не так легко судить, —
Так, чем писать об этом,
Не лучше ль погодить?

Придет иное время,
Окончится война, —
И кто нибудь продолжит
И эти письмена;

Споет о трибуналах,
Напишет о Чека,
О белых генералах,
О зверствах Колчака,

О Польше, об Антанте,
Бароне боевом,
И о махновской банде,
И обо всем... таком...

А я пока окончу
Нехитрый свой рассказ,
Довольный тем, что занял
Хотя немного вас...

В четвертый день апреля,
Полуденной порой,
По разным матерьялам
Составил очерк свой,

Потомкам в назиданье, —
Про жизнь былых времен,
По должности инструктор,
Звать —

Лебедев Иван.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Вместо предисловия 3
К шестилетию родного полка (Письмо Командиру 62 кавполка 1-ой Особой кавбригады) 5

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПОЛКА.

Общий обзор 9
Политическая жизнь полка. 17
Хозяйственная часть полка 23
Наши политработники 30
Наши командиры 36
Как выковывались бойцы нашего полка. *Таранова* 41

ПАМЯТИ ПАВШИХ.

Георгий Михайлович Екимов. *Сослуживца* 51
Памяти тов. Кожина. Кр-ца *Шляпникова* 52
На смерть тов. Абросимова. Кр-ца *Мишарева*. 53
За идею коммунизма. Кр-ца *Воронина*. 53
На могилу бойца. Кр-ца *Мишарева*. 54
Памяти Командира 1-го эскадрона, т. Абросимова. Кр-ца *Куликова*. 55
Смертью храбрых. Кр-ца *Щебуняева* 55
За великое дело любви. Кр-ца *А. Смотрова* 56
Памяти пом. ком. 1-го эскадрона, тов. Воробьева. *П. Нех*. . . . 57
Один из многих. Старого бойца *Кружко* 58

БЫЛОЕ.

Кременецкий бой (рассказ участника). *Таранова*. 63
Кубань—Москва. *Наркевича* 68
Наши политруки. *И. М.* 70
Ночной бой под Львовом (рассказ участника). *Кружко*. . . . 71
А все же мы вышли победителями. *Сибиряка* 72
Бой под М. Радзивиллово. *Куликова* 73
Бой под м. Радзивиллово. *Куликова*. 73
В плену у бандитов. Пом к-ра взвода *Ковалева* 75
Сорвалось. Взводного командира *Сухова* 78
Образцовый политрук. Кр-ца *Апухтина* 78
В тылу у белополяков. Кр-ца *Воронина* 79

Славная поимка. Взводного командира *Сухова* 81
Меня не поймаешь, а поймаешь — так не удержишь. Кр-ца *Гамзикова* 81
Из воспоминаний бойца. (По дороге на Западный фронт). Сибирского кавполка кр-ца *А. Смотрова* 82
Веселый бой (Восточный фронт). К-ра взвода *Сухова* 84
Примерные бойцы. Кр-ца *Березина* 84
Поход на банды. *И. А. Тарапова* 85
Ледяной поход. Ном. ком. полка по хозчасти *В. Ромашкова*. . . 88
Из воспоминаний. *Ромашкова* 91
История годовщины полка. *Воронина* 93
21-й кавполк. (Из воспоминаний политработника). *Зеленова*. . . 94
Воспоминания. *Николая Цех*. 96
Как мы добывали на фронте пропитание. (Из периода военного коммунизма). *И. Тарапова* 99

НАШ БЫТ.

Шенкеля... завхозу. *В. К.* 105
Завклубом VII. *В. К.* 106
В чем иногда выражается атеизм. *В. К.* 106
Опять в полку. Кр-ца *Евгения Павлова* 107
Привет родному полку. Курсантов 14-го кавполка *Ипичука, Маринича, Бехтеева* и *Воронина* 108
Будьте уверены в нас. Отпускников *Никольского, Фирсова* и др. . 109
Равняйтесь по нашему шефу. (1923 год). *М. Воронина*. 109
Помешало в работе. *Грекова* 110
Хороший хозяйственник. (Февраль 1925 года). Военкома эскадрона *Воронина* 111
Жизнь и работа отпускников. (Связь полка с демобилизованными бойцами 1901 г.). 111
Клуб ожил. *М. Воронина* 115
Наше бюро. *Зеленова* 116
Ликвидация безграмотности во 2-м кавполку. Учителя *Смотрова*. 117
Наш журнал. (Из воспоминаний политработника). *Старого Сибиряка* 120
Приветственное письмо 14-му кавполку. *От демобилизованных бойцов* 122

НАШЕ СЛОВО.

Венок на могилу павших. *Мартына Задеки* 127
Памяти павших. *О. Берзина* 127
Павшим бойцам. *Лебедева* 128
Убитый. *Старого Сибиряка*. 128
Тургайский казак. *Стерликова* 129
Поэма о командире Екимове. *Грекова*. 129
Памяти Екимова. *Воронина* 132
На смерть начальника пулькоманды тов. Мишина. *Петухова*. . . 132

Смерть пулеметчика. *Власова* 133
Памяти тов. Аникеева. *Левашева* 134
Красной сестре. *И. Вольного* 134
Над могилой товарища. *Смотрова* 135
Товарищу Ланцинову. *Шляпникова* 136
Гибель героя. Памяти тов. *Шестакова, Истухова.* 136
Песнь сомнения. (Попам всех стран и культов). *Ивася Вольного* . 137
Письмо красноармейца. *Добровольца* 138
Я ненавижу Византию... *Ивася Вольного* 138
Крепче боритесь. *Гусарского.* 139
На перепутьи. *Ивася Вольного* 139
Вихри октябрьские. *Горобца.* 141
Новый год. (Памяти 1920 года). *Старого Сибиряка.* 141
Красным кавалеристам. *Смотрова* 142
На трудовом фронте (работа полка после врангелевского фронта до 1923 г. — стоянка на Кубани). *М. Воронина.* 143
Три года. (К трехлетнему юбилею бригады). *М. Воронина.* . . . 148
Исполним. Написано после призыва 1901 г. *М. Воронина.* . . . 149
Учись, учись. *М. Воронина* 150
Ну что ж, расскажи, старикашка по дружбе... *Горобца.* . . . 150
«Землякам из красной армии». (Послание первое). *Лебедева Ивана.* 152
Стучат однозвучно колеса. *Старого Сибиряка* 154
Из боевой жизни. *Шляпникова* 155
Тишина вокруг советов зарубежная... *А. Донецкого* 155
Мировая революция. *Ивася Вольного* 156
Капитал и пролетарий. (Подражание Пушкину). *М. Грекова.* . . 157
Голос «книги творчества». *М. Грекова* 158
Пять лет. *М. Грекова.* 159
Эс-эры. *М. Грекова.* 160
Два соседа (экспромт). *М. Грекова* 160
Летняя ночь (Пародия). *М. Грекова* 161
Кто он? (Посвящается красному кавалеристу). *М. Грекова.* . . . 163
Фельетон. *М. Грекова* 163
Без заглавия. *Гринера* 164
«Уголок сна». (Картинка-фельетон 1921 г.) 166
В бессрочный. (Из недослушанных разговоров). *Воронина* . . . 167
Раешник. *М. Грекова* 169
Раешник. I. II. *М. Грекова* 171
Крокодилова слеза (сценка). *Михайлова.* 174
Землетрясение. *Михайлова* 176
Дневальный. *Михайлова* 177
Газы. *Михайлова* 178
Коммунистической молодежи. *Михайлова.* 179
Касьян и Агапка. *Михайлова* 180
На борьбу с разрухой. *Михайлова* 181
Первое мая. *Михайлова* 182
Борьба. *Михайлова* 182
Бой (на маневрах). *Михайлова* 184

От'езд в Москву. *Михайлова* 185
Шпоры. *В. К.* 185
Как мы ругались. *В. К.* 186
Поны с младенчества внушали. *Ивася Вольного.* 187
Русская История (от Николая I до наших дней). *Лебедева Ивана.* 188

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

Знамя полка (см. перед 3 стр.). Группа краснознаменцев, командование полка, группа бывших бойцов полка, находящихся в ст. Старовеличковской, старые бойцы (см. перед 5 стр.). Группа комполитсостава, группа старых бойцов, бюро партколлектива, партколлектив полка (см. перед 17 стр.). Ячейка РКП (б.) 1, 2, 3 и пулеметного эскадрона (см. перед 31 стр.). Ячейка полковой школы и хозкоманды; ленинские уголки (см. перед 35 стр.). Общий вид казармы, группа бойцов 1, 3, пулеметного эскадронов и полковой школы (см. перед 63 стр.). Группа парткоров и военкоров, драмкружок, музыкальный и спортивный кружки, школа грамоты, военный уголок полковой школы, хозяйственная команда, в ленинском уголке хозкоманды (см. перед 105 стр.).

Замеченная опечатка.

На стр 167 пропущена под фельетоном «Уголок сна» дата — 1921 год.